

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-05-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук, e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-05-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremeteva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

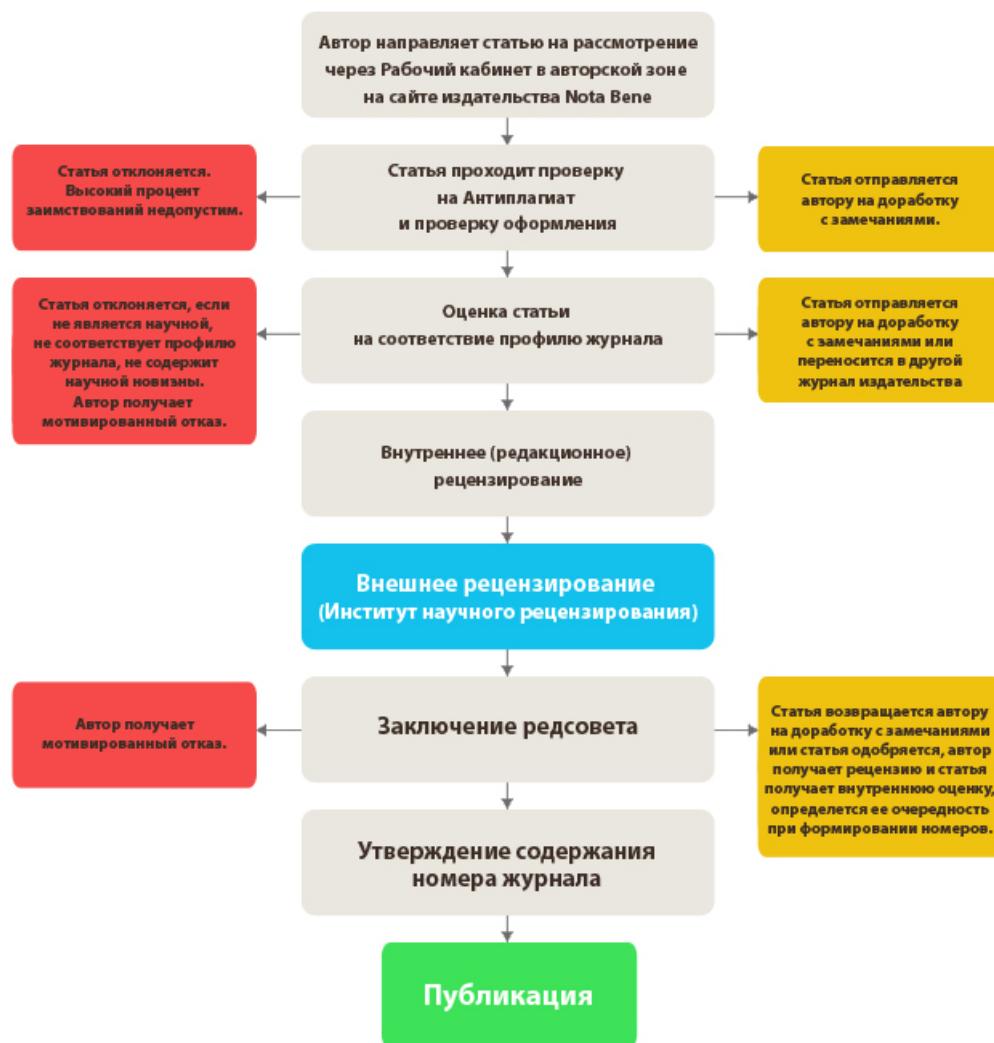
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ильченко Н.М., Ильченко Н.М., Совина Н.К., Совина Н.К. Символические образы рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе» и их интерпретация в кинофильме К. Г. Муратовой	1
Филиппова А.А., Башарина З.К. Переводы портретных характеристик героев сибирских рассказов В.Г. Короленко на якутский язык	12
Крипак А.В. Квазисинонимы офтальмологической терминосистемы: к постановке проблемы	21
Семенова В.Г., Ефимова Л.С., Башарина З.К. Проблемы пьянства в устной и литературной традиции якутов (конец XIX-начало XX вв.)	30
Долгополова Л.А., Мустафаева А.Х. Инфинитив как глагольная форма немецкого языка	47
Власова В.В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: лексический аспект	57
Северина Е.М., Фёдоров Н.А. Проект Chekhov Digital: семантическая разметка параллельного корпуса переводов художественной прозы А. П. Чехова на немецкий язык	73
Коновалов А.А., Петрова А.А. Образ писателя-бунтаря (по романам «Бунт Дениса Бушуева» С. С. Максимова и «Бунт подсолнечника» Л.Д. Ржевского)	83
Долматова О.В., Аксельруд Д.А., Бродская М.С. О параметрах текстуальной связи между антецедентом и посессивным посткопулярным анафором в условиях эффекта определенности	94
Зырянова И.П., Ильина А.А. Использование песенного дискурса как источника прецедентных имен при обучении английскому языку (на материале композиции «We Didn't Start the Fire»)	102
Бавула Ю.И. Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-	115
Омельченко Л.Н., Бохиева М.В., Зырянова Е.В. Лексема "нормально" в русской речи: корпусное исследование	129
Фэн Ю. Аргументативная геометрия китайского восьмичленного эссе	142
Ляшенко Т.М. Архетипическая многофункциональность образа Бекки Хильдебрандт в романе Дж. Франзена «Перекрестки»	152
Англоязычные метаданные	160

Contents

Il'chenko N.M., Il'chenko N.M., Sovina N.K., Sovina N.K. Symbolic images in V.G. Korolenko's short story "In bad society" and their interpretation in the film of K.G. Muratova	1
Filippova A.A., Basharina Z.K. Translations of portrait characteristics of the heroes of V.G. Korolenko's Siberian short stories into the Yakut language	12
Kripak A.V. Quasi-synonyms of the ophthalmological terminological system: towards the formulation of the problem	21
Semenova V.G., Efimova L.S., Basharina Z.K. Problems of alcohol consumption in the oral and written literary tradition of the Yakuts (late 19th – early 20th centuries)	30
Dolgopolova L.A., Mustafaeva A.H. Infinitive as a verb form of the German language	47
Vlasova V.V. The discursive formation of British national identity: the lexical aspect	57
Severina E.M., Fyodorov N.A. The Chekhov Digital project: semantic markup of a parallel corpus of translations of Chekhov's fiction into German	73
Konovalov A., Petrova A. The image of a rebel writer (based on the novels "The Revolt of Denis Bushuev" by S. S. Maksimov and "The Revolt of the Sunflower" by L.D. Rzhevsky)	83
Dolmatova O.V., Akselrood D.A., Brodskaya M.S. Parameters of antecedent – possessive postcopular anaphor correlation: the case of definiteness effect	94
Zyryanova I.P., Il'ina A.A. The usage of a song discourse as a source for precedent names during English lessons (based on «We Didn't Start the Fire»)	102
Bavula Y.I. Modal specificity of Russian verbs of "thinking" and "to think" with the prefix y-	115
Omelchenko L.N., Bokhieva M.V., Zyryanova E.V. The lexeme "normal" in Russian speech: a case study	129
FENG Y. Argumentative geometry of the Chinese eight-part essay.	142
Liashenko T. The archetypal versatility of the image of Becky Hildebrandt in the J. Franzen's novel "Crossroads"	152
Metadata in english	160

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильченко Н.М., Совина Н.К. Символические образы рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе» и их интерпретация в кинофильме К. Г. Муратовой // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70200 EDN: YCGLLM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70200

Символические образы рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе» и их интерпретация в кинофильме К. Г. Муратовой

Ильченко Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-2541-5061

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603002, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, каб. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Ильченко Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-2541-5061

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603002, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, каб. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Совина Наталия Константиновна

магистр, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603002, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

✉ ilchenko2005@mail.ru

Совина Наталия Константиновна

магистр, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603002, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

✉ ilchenko2005@mail.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.4.70200

EDN:

YCGLLM

Дата направления статьи в редакцию:

22-03-2024

Дата публикации:

02-04-2024

Аннотация: Актуальность исследования связана с проблемой «перевода» режиссером-интерпретатором классического литературного произведения. Предметом исследования выступают рассказ В. Г. Короленко «В дурном обществе» (1885) и его экранизация в фильме К. Г. Муратовой «Среди серых камней» (1983). В статье рассматриваются особенности подхода к классическому тексту. Показано, что, опираясь на рассказ и символические образы В. Г. Короленко – сад, яблоко, цветы, портрет, птицы и др., К. Г. Муратова дает им дополнительные характеристики, созвучные новому культурному контексту. Портрет матери выполняет в фильме сюжетообразующую функцию, а цветы выступают основным символом, связанным с Марусей. К. Г. Муратова вводит символы масок животных – тигра, льва, волка, с их помощью Вася старается выстроить отношения с окружающими. В процессе анализа используется комплексный литературоведческий подход, сочетающий историко-культурный, биографический, сравнительно-типологический методы, что позволяет установить специфику воплощения символической образности в «текстах» разной природы. Содержательные доминанты классического произведения русской литературы XIX века уточняются и дополняются в метаязыке отечественного кинематографа. В кинофильме используются пушкинские произведения («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Зимний вечер»), притча о птицах, цветовая символика, как уточняющие элементы кинематографической речи. Язык кино усложняется и через введение музыкального сопровождения, звуковых символов (звук шагов, капающая вода и др.). Финал фильма, в отличие от рассказа, – открытый. В заключительных стихотворных строчках яблока и гусли воспринимаются как символы возрождения. Анализ «нового прочтения» символьских образов рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе» в фильме К. Г. Муратовой «Среди серых камней» позволяет выявить скрытые смыслы классического произведения русской литературы.

Ключевые слова:

символ, сюжет, мотив, образ, рассказ, цветок, поэтика, пространство, фильм, интерпретация

Введение

Жанр произведения «В дурном обществе. Из детских воспоминаний моего приятеля» был определен В. Г. Короленко как рассказ, хотя сейчас его иногда называют повестью. Он был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1885 году (№ 10). В основе рассказа – воспоминания детства: городок «Княжье Вено» напоминает уездный город Ровно, где прошли детские годы писателя, а в образе судьи показаны некоторые черты его отца

(честность, неподкупность, вспыльчивость и др.). К. И. Чуковский в статье «Владимир Короленко как художник» справедливо называет писателя «гением поэтической памяти»: «И всегда его тянет не к тому, что он пережил недавно, а к тому, что он пережил давно, что, за отдаленностью времени, успело уже кристаллизоваться, очиститься, облагородиться, покрыться каким-то ровным туманом, – что успело уже превратиться в легенду, стать печально-щемяще-приятным» [\[1, с.184\]](#). Мотив воспоминания не делает грустную историю «детей подземелья» трагедией, а финал рассказа об «обетах» детей судьи на могиле Маруси производит «печально приятное» впечатление.

Рассказ «В дурном обществе» вписывается в контекст отечественной прозы 1880-1890-х годов, которая опирается на достижения романтизма и символизма. Проза В. Г. Короленко, определяемая как «синтетическая», отличается лиризмом, повышенной метафоричностью, правдоподобием [\[2, с.123-124\]](#). Размышляя о назначении литературы, В. Г. Короленко пишет в 1888 году о ней не как о «зеркале», отражающем состояние общества, поскольку жизнь меняется и находится в вечном движении. «Так же и литература, кроме «отражения», – еще разлагает старое, из его обломков созидаст новое, отрицает и призывает» [\[3, с. 294\]](#). Поэтому задача писателя в периоды пессимизма и отчаяния находить перспективу, вселять веру. «Вы покажете свет наряду с тенью, и уже это соседство отнимет у тени ее мрак и угнетающий дух характер» [\[3, с. 296\]](#). В «печально приятное прошлое», «сладкое воспоминание детства» превращается изображение Ровенского дворца князей Любомирских – «старого, полуразрушенного замка» на острове [\[4, с .6\]](#). В. Г. Короленко «орнаментирует жизнь», и в этом ему помогают символы.

В 1983 году рассказ В.Г. Короленко (в титрах заявлено: по сюжету) был экранизирован К. Г. Муратовой; фильм получил название «Среди серых камней». Автор киноповествования акцентирует внимание зрителя на цветовой символике: серый цвет камней стал ключевым не только при описании подземелья, но и всех городских топосов.

Киномир К. Г. Муратовой справедливо считается сейчас «совершенным». По мнению Л. Герсовой, в нем «нет ничего случайного: движение и неподвижность, тишина и крик, молчание и музыка. Все имеет свою протяженность, художественно целесообразную» [\[5\]](#). М. Ямпольский рассматривает фильмы К. Г. Муратовой как «образцовые», исследующие конфликт «человеческого природного и человеческого социального» [\[6\]](#). Однако фильм «Среди серых камней» ждала трагическая судьба: сначала он был запрещен для показа из-за «сомнительных аллюзий и ассоциаций», «перенасыщенности материала патологическими типами» (фамилия К. Г. Муратовой исчезла из титров и была заменена на несуществующего И. Сидорова) и только через пять лет дошел до зрителя [\[5\]](#). Фильм, как и рассказ В. Г. Короленко, производит гипнотическое действие и определяется как один из лучших в фильмографии К. Г. Муратовой. А. Герман назвал его «прекрасным», «божественным»: «Как я ревел, глядя на экран! Уверен, что даже в таком искромсанном, обезображенном, с перебитыми ногами виде это лучшее ее произведение!» [Цит. по: 5].

Кинотекст К. Г. Муратовой наполняется новыми смыслами за счет символической образности, которая опирается на текст рассказа В. Г. Короленко.

Основные результаты

Символическими являются названия рассказа и фильма. В. Г. Короленко показывает жизнь с разных точек зрения. «Дурное общество» представлено глазами сына судьи, наблюдающего за ним со стороны, слушающего чужое мнение о нищих и бедняках. После знакомства Васи с Валеком и Марусей «дурное общество» видится им иначе.

Когда Вася впервые оказался в часовне, то это пространство он называл «тем светом», а пространство за ее окном – «другим миром». Старый Януш, оставивший в замке католиков-нищих, «аристократических личностей», изгнал остальных несчастных на гору к униатской часовне. Сын судьи встал на сторону изгнанных и стал дружить с ними. Януш называет изгнанных дурным обществом и сожалеет, что «сын почтенных родителей» «не щадит семейной чести», слушая пана Драба или находясь «в свите пана Туркевича» (до этого Вася много времени проводил в замке, слушая рассказы семидесятилетнего старика об «умершем здании»).

Валек тоже понимает, что они с Васей принадлежат к разным слоям общества. Он с грустью говорит: «Я тебе не компания» [\[4, с. 34\]](#) и предупреждает, чтобы Вася приходил, «когда наши будут в городе» [\[4, с. 36\]](#). Сначала Вася ждал, чтобы «члены “дурного общества” были в городе, когда он отправлялся к друзьям» [\[4, с. 41\]](#), но потом он «стал на горе своим человеком» [\[4, с. 53\]](#). Вася скоро понимает, что «окончательно сжился с “дурным обществом”» [\[4, с. 55\]](#).

Два мира четко выделяются и осознаются маленькими героями: «дурное общество», «наши», «не компания». Сам Вася «дрожал при мысли», что отец узнает «о моем знакомстве с “дурным обществом”, но изменить этому обществу, изменить Валеку и Марусе – я был не в состоянии» [\[4, с. 52\]](#). Слова «дурное общество» в передаче Васи заключаются в кавычки в тексте рассказа, а в речи старого Януша они употребляются без кавычек.

Прямое значение словосочетания «дурное общество» – общество, имеющее плохую репутацию. Для Васи это условное название: он убедился, что люди «дурного общества», бродяги-нищие, умеют любить, жалеть, сострадать. Поэтому В. Г. Короленко использует кавычки.

Сценарист и режиссер фильма использует в названии одну из глав рассказа – «VI. Среди “серых камней”». В. Г. Короленко делает акцент на обществе, социальном окружении, в которое попадает Вася, а в фильме внимание уделяется именно условиям жизни, внимательному воспроизведению быта, в которых приходится существовать бродягам.

«Серый камень» «высасывает жизнь» из Маруси [\[4, с. 38,39\]](#). Она часто изображается на фоне серых камней, которые приобретают символическое значение: «Струя света падала на ее белокурую головку, заливалась ее всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывется и исчезнет» [\[4, с. 43\]](#). Васе даже кажется, что серый камень живой: «Я переминался и ежился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущим взглядом серого камня» [\[4, с. 44\]](#). «Теперь она совсем уже не выходила на воздух, и серый камень – темное, молчаливое чудовище подземелья – продолжал без перерыва свою ужасную работу, высасывая жизнь из маленького тельца» [\[4, с. 55\]](#).

Одним из символических обозначений серого цвета является его образное соединение с цветом праха; поэтому «он иногда ассоциируется со смертью, трауром ...» [\[7, с. 332\]](#).

Серый является преобладающим цветом и в других описаниях В. Г. Короленко: «серые заборы» города; «серые стены» замка, «серенький фон» городской жизни, «серые столбы старого забора»; «серая фигура» старого «профессора» и др. [\[4, с. 6, 10, 12, 16, 43\]](#).

В серых тонах и снят фильм. Примечательны слова Валека в подземелье, когда Маруся во время игры с Васей заплакала: «Она не умеет играть. Это от серости. От серого камня» [\[8\]](#). Такие условия жизни «в серых камнях» и приводят девочку к смерти.

Помимо подземелья пространство Васи тесно связано с садом. Более того, если рассказ В. Г. Короленко начинается с подробного описания замка, тюрьмы, как «лучшего украшения» города, то К. Г. Муратова начинает фильм с изображения сада. «Сад – ограниченное пространство, где природа подавляется и организуется в соответствии с представлениями людей» [\[9, с. 378\]](#). Сад – маленький мир, который сознательно создается человеком. При знакомстве с Васей Валек говорит: «Я тебя знаю: ты живешь в саду над прудом». Укоряя Васю за вторжение в чужое пространство, мальчик спрашивает: «Разве я когда-нибудь лазал в ваш сад?» [\[4, с. 34\]](#).

В пространстве сада показан плачущий судья, потерявший жену и никак не смиряющийся с утратой, и Вася в маске, с дерева наблюдающий за отцом. В фильме делается особый акцент на переживаниях судьи. Однако он страдает не столько из-за утраты любимого человека, сколько из-за одиночества, которое принесла смерть. На протяжении всего фильма он постоянно повторяет одну фразу: «Хочу излечиться» [\[8\]](#). Отец Васи воспринимает скорбь как болезнь, с которой он не может справиться. Оттого он холодно относится ко всему, что происходит вокруг него, в том числе и к сыну.

Что касается темы социального расслоения общества, то писателем и режиссером ставятся разные акценты, хотя К. Г. Муратова опирается на художественный текст. В рассказе В. Г. Короленко Вася размышляет: «Мне все казалось, что где-то там, в этом большом и неведомом свете, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то должен сделать и могу что-то сделать, но я только не знал, что именно...» [\[4, с. 28\]](#).

«Большой неведомый свет за старой оградой сада» мальчик в фильме внимательно наблюдает в бинокль, а именно сцену, когда из старого полуразрушенного замка изгоняются нищие, которые, по мнению Жана (в рассказе – Януш), не заслуживают находиться в замке. В развалинах балаган, крики старииков, женщин, стоит дым, а на фоне чтения принятого документа об изгнании «нелицеприятных» из замка звучит стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер», положенное на музыку М.Л. Яковлевым. Нищие, одетые в рваные простины, в изношенные до дыр вещи, должны искать новое убежище. «В культурах, где нагота не приветствуется», она выступает символом бедности [\[7, с. 233\]](#).

Однако критерии «сортирования» людей в развалинах – не только наличие приличной одежды. Жан просит остаться Валентина (так зовут героя, который в рассказе является паном Тыбурцием. Он окружен тайной, его отличала «феноменальная ученость», он мог рекламировать «длиннейшие латинские периоды»). Однако Валентин против: «Я хитрый. Одного тебя в лесу встречу – глотку перерву. А тут я тебе в ноги кланяюсь» [\[8\]](#). Жан разрешил остаться в замке тем, кто готов согласиться с чем угодно; себя Валентин к таковым не относит: «Я? Здесь? С тобой? Я здесь не живу!» [\[8\]](#).

Вася, выросший в обеспеченной семье уважаемого пана судьи, попадает первый раз в

подземелье, где ютится «дурное общество», удивлен: в сознании мальчика возникают противоречия, которые передаются через интонацию, полную задумчивости и разочарования.

О полярности понятия «бедность» свидетельствует и вопрос Сони, который она задает своей няне. «Сегодня кошка съела птичку. Кошка злая?» [\[8\]](#). Няня отвечает, что она не злая, а голодная. При этом жалко и птичку, и кошку. В рассказе В. Г. Короленко мысль о полярности данного понятия ярко показана в эпизоде, когда Валек ворует хлеб, чтобы выжить.

О существовании двух миров: мира состоятельных и бедных – говорит и Валентин (в рассказе – Тыбурций). В своем монологе он противопоставляет Валека и Васю, показывая разницу миров, к которым они принадлежат: «Я нищий, и он нищий. Я краду, и он будет красть. Твой отец судит меня, а ты когда-нибудь будешь судить его... Ты шел по своей дорожке в штанах с хорошей провизией, а он по своей дорожке оборванный с пустым брюхом» [\[8\]](#). При этом Валентин отмечает, что нищие стали таковыми, потому что так сложились обстоятельства. «Честность – десерт. А десерт подают после обеда. Нет обеда, нет десерта», – говорит Валентин Васе, размышляя на тему того, что воровать «некорошо» [\[8\]](#).

Основываясь на текст рассказа В.Г. Короленко, К.Г. Муратова дает им новые характеристики.

У В. Г. Короленко о портрете матери говорится в достаточно нейтральной форме. В кульминационной сцене объяснения с отцом Вася входит в кабинет и видит его сидящим перед портретом.

В фильме портрет выполняет важную функцию. Сначала его снимают со стены («Всё выносите – моя жена умерла» [\[8\]](#)), но Вася возвращает портрет обратно. При этом няня пронзительно причитает: «Да на кого ж ты нас покинула, да на кого ж ты нас оставила. Ой, матушка. Да на кого ж ты деток родных оставила» [\[8\]](#). Вася обнимает портрет и целует. Для него – это символ присутствия мамы рядом с ним.

С портретом соотносится в фильме букет роз в вазе, сначала свежих, потом – увядших и потускневших. Большинство толкований мифов и легенд о розе подчеркивает ее двойственность – любовь и смерть. В одной из легенд о Марии Магдалине розы сначала были красными, но потом обесцветились от слез [\[9, с. 120-121\]](#).

В различных культурах общим является представление о цветке как символе «скоротечности жизни», поэтому цветы использовались в погребальных ритуалах [\[10, с. 470-471\]](#).

С цветами у В.Г. Короленко связана символика смерти: «Когда она, вся покрытая цветами, молодая и прекрасная, лежала с печатью смерти на бледном лице, я, как зверек, забился в угол и смотрел на нее горящими глазами, перед которыми впервые открылся весь ужас загадки о жизни и смерти» [\[4, с. 26-27\]](#). В фильме тоже судья говорит о жене, которая просила: «Сплети венок... а сама умерла» [\[8\]](#). Здесь венок тоже выступает как предзнаменование смерти.

Через символы цветов Маруся сравнивается с мамой Васи. «Это было бледное, крошечное создание, напоминающее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на

свои четыре года, она ходила плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки ее были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как голова полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно, и улыбка так напоминала мою мать в последние дни...» [\[4, с. 37\]](#). Обычно конкретные цветы не называются: девочки сидят «с кучей цветов», перебирают их [\[4, с. 43\]](#). Маруся «увядала, как цветок осеню»; ее гроб украшают «осенние цветы»; могила «пестрела цветами» [\[4, с. 58, 64, 65\]](#).

В фильме цветы выступают прямым символом девочки. О цветах часто говорит и Маруся. Она играет с ними, называет себя цветком: «Вот цветочек заболел»; она задает и странный вопрос «Кто ест цветы?» [\[8\]](#).

«Цветок – лаконичный символ природы, беспредельности ее совершенства, эмблема круговорота – рождения, жизни, смерти и возрождения» [\[7, с. 402\]](#).

В фильме Вася слышит голос матери. Она говорит: «Вот желтый цветок. Вот красный цветок. Вот белый цветок. Какой тяжелый синий цветок! Цветок тяжелее ложки. Вот кровь...» [\[8\]](#). Можно предположить, что каждый цветок определенного цвета соотносится с периодом жизни: желтый – цвет «умирающих листьев»; красный – цвет опасности; белый – символ страха, бледности смерти; синий – символ вечности [\[7, с. 97, 168, 23, 334\]](#). В рассказе огни на могилах вспыхивают «синим зловещим цветом» [\[4, с. 24, 65\]](#).

Значимой и в рассказе, и в фильме становится символика яблони и яблока. Валек, уточняя место проживания Васи – «в саду над прудом», говорит: «У вас большие яблони» [\[4, с. 34\]](#). В фольклоре яблоня и яблоки часто символизируют здоровье и жизненную силу («молодильные яблочки» в русских народных сказках). В рассказе Вася, знакомясь с Валеком и Марусей, дает им два яблока. Потом, отправляясь к своим новым друзьям, он наполняет карманы яблоками.

Самый распространенный символ яблони – дерево познания добра и зла [\[11, с.305\]](#). В фильме Вася пытается «подкупить» Марусю и Валека в первую встречу яблоками. Здесь они выступают как символ искушения. Однако брат с сестрой не принимают его. Потом, подружившись с сыном судьи, Маруся всегда просит яблоки, но ей запрещают их есть.

«Яблоня выступает как посредник между двумя мирами, как связующее звено в приобщении души к миру предков» [\[12, с.498\]](#). В фильме выделяется сцена, в которой Маруся манит Васю в подземелье, а он шепчет строчки из пушкинской сказки. Отрывок из «Сказки о мертвом царевне и о семи богатырях», где царевна, откусив яблока, уснула вечным сном: «Перед ним гора крутая; / Вокруг нее страна пустая; / Под горою темный вход. / Он туда скорей идет. / Перед ним, во мгле печальной, / Гроб качается хрустальный, / И в хрустальном гробе том / Спит царевна вечным сном» [\[13, с.338\]](#) – возникает здесь не случайно. Маруся – тоже царевна, которая скоро заснет мертвым сном, но ее не сможет разбудить принц.

В рассказе много звуковых символов. В основном они связаны с криками птиц: «пугача», т.е. филина, зловещей птицы накликающей смерть в дом, на крышу которого садился; в заброшенной часовне громко «завывают филины» [\[4, с. 24, 65\]](#); «в часовне сычи кричали так пронзительно и звонко, что от криков проклятой птицы даже у бесстрашного кузнеца сжималось сердце» [\[4, с. 25\]](#); «совы заводили» «по ночам свои зловещие песни» [\[4, с. 8\]](#). Сова испугала Васю, когда он в первый раз оказался в

часовне. Кельты называли сову «трупной птицей», перевоплощенной ведьмой, стерегущей ночь». «Славяне видели в сове воплощение темных сил. Поляки, например, считали, что сова днем мертвa, а живет только ночью. Ее появление вблизи жилища толковали как предзнаменование смерти» [14, с. 78, 79]. Филин, сова, сычи – символические образы птиц со зловещей коннотацией.

В фильме несколько раз кукует кукушка – в начале и в сцене знакомства Васи с Марусей и Валеком. Повторяющиеся крики кукушки породили суеверное представление о том, что птица предсказывает – сколько человек проживет.

В фильм вводится притча о птицах. Валентин говорит, что в детстве мечтал поймать птичку. Когда поймал – разочаровался: птичку возьмешь в руки и сразу хочется выпустить. Наверное, потому, что ее жалко, она стремится на волю. Птица – символ свободы. За притчей следует диалог Валентина и Валека. «Валентин: Тебе Васю жалко? Валек: Кого люблю – того жалею. Валентин: А кого не любишь? Валек: Тоже жалею» [8]. С этой притчей о птицах соотносится представление о любви и жалости, о нелюбви и все-таки – жалости. Сострадание, милосердие, любовь, привязанность – чувства, которые объединяют, ими отличается Валентин и Валек.

Отсюда становится понятнее рассуждение судьи, который говорит Васе: «Любовь – это стеснение свободы. Человек должен жить свободно и одиноко. Никто не стесняет твоей свободы» [8]. Получается, что представление о любви, воле/свободе, жалости/сострадании разное у отца и друзей Васи.

В фильме несколько раз звучит романс на стихи А. С. Пушкина «Зимний вечер» (1825): «Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя; / То, как зверь, она завоет, / То заплачет, как дитя...» [15, с. 62-63]. Грустное, печальное настроение из-за зимней бури, чувства одиночества скрашивают близкие люди. Именно это понимает Вася в подземелье, когда трапезничает с бедняками. Позднее мальчик сам напевает мотив этого романса в ожидании разговора с отцом об украденной им кукле для Маруси.

Звукообразы присутствуют и в кульминационной сцене рассказа. Ее детали герой-повествователь запомнил из-за звукового сопровождения: «возились воробы» за окном, «с речки доносился мерный плеск весел», за дверью звучал «оживленный говор». «Казалось, буря, которая только что пронеслась над нами обоими, рассеяла тяжелый туман, нависший над душой отца, застилавший его добрый и любящий взгляд» [4, с. 62-63].

В фильме акцент сделан и на других звуках: шаги отца Васи, ступающего по дорожке сада; Валека в часовне; капающая вода. Часто повторяется одна и та же фраза. К. Г. Муратова таким образом выделяет важные высказывания, имеющие отношение к идейному содержанию кинотекста. Например: судья повторяет вопрос: «Ты помнишь матушку?»; или – «Хочу излечиться!»; Маруся повторяет: «Иди сюда, иди сюда, ко мне»; «Маруся хочет домой! Домой!»; «Цветочек заболел...» [8].

Важную функцию выполняют маски тигра, льва, волка. Вася прячет свои чувства под масками. Мальчик готов открыться отцу, поделиться своими эмоциями, поэтому хочет подарить ему свою маску. Однако пан судья долго не понимает сына. В конце, когда отец излечился от своей «болезни», он принимает маску от Васи.

В кульминационной сцене после объяснений Валентина пан судья извиняется перед сыном: «Я виноват перед тобой. Когда она была жива, я не замечал тебя из-за своего

счастья. Потом не замечал из-за горя...» [\[8\]](#). Отец целует сына в макушку, а в окно светит солнце.

В последней главе рассказа - «Заключение» - говорится о том, что Вася с Соней, а иногда и с отцом посещали могилу Маруси. «Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же, в последний день, мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькой могилой свои обеты» [\[4, с. 65\]](#).

Финал фильма открытый: Валентин с Валеком покидают город. Их уход сопровождается словами: Маруся была мала. / Маруся была мала. / Маруся была бедна. / Маруся была бедна. / Маруся была добра. / Маруся была добра. /Дай, Вася, яблоко Марусе. / Дай, Вася, Марусе гусли [\[8\]](#). Мала, бедна, добра и снова - яблоко, уже как символ возрождения.

Заключение

Таким образом, анализ произведений разной природы показал, что ведущими для интерпретации рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе» и его киноадаптации К. Г. Муратовой «Среди серых камней» стали символические образы, связанные с цветом, прежде всего, серым и синим. Важная составляющая киноповествования – система символических оппозиций: свой / чужой, жизнь / смерть, истинное / ложное, любовь / ненависть и др. В фильме расширяется значение символов сада, яблони и яблока, цветов, портрета, птиц. Введение фрагментов пушкинских произведений уточнило скрытые смыслы рассказа В.Г. Короленко. Звуковое сопровождение фильма – пение, мелодия, звукообразы – усилило гипнотическое воздействие кинотекста.

Библиография

1. Чуковский К. И. Владимир Короленко как художник // Чуковский К. И. Сочинения: в 2-х тт. М.: Правда, 1990. Т.2. С. 180-197.
2. Темаева Х. Н. Особенности синтетической прозы В. Г. Короленко // Вестник Чеченского государственного университета. 2019. № 4 (16). С. 121-124.
3. Короленко В. Г. О назначении литературы // Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. С. И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1988. С. 294-297.
4. Короленко В. Г. В дурном обществе // Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 6-ти тт. М.: Библиотека «Огонек». Издательство «Правда», 1971. Т. 2. С.5-65.
5. Герсова Л. Режиссер Иван Сидоров: «Кира Муратова среди серых камней // Театральный журнал «ОКОЛО». 2017. №4. URL: <https://journal-okolo.ru/rezhisser-ivan-sidorov-kira-muratova-sredi-seryih-kamney> (дата обращения: 8.01.2024).
6. Ямпольский М. Муратова. Опыт киноантропологии. СПб: Сеанс, 2015. 544 с.
7. Тресиддер Д. Словарь символов / Перевод с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
8. Среди серых камней: художественный фильм / режиссер К. Муратова; в ролях: И. Шарапов, О. Шлапак, Р. Левченко, С. Попов, С. Говорухин. Одесса: Одесская киностудия, 1983. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vRPaKt1UUq0> (дата обращения: 12.01.2024)
9. Лаврова С. А. Царство Флоры. Цветы и деревья в легендах и мифах. М.: Белый город, 2009. 351 с.
10. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии,

- литературы, архитектуры, истории / Перевод с англ. Ф.С Капицы, Т.Н. Колядич. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
11. Козлова О., Шехтер С. Искусство и флора. От аканта до яблони. М.: Слово / Slovo, 2022. 320 с.
 12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
 13. Пушкин А. С. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10-ти тт. М.: Правде, 1981. Т. III. С. 326-339.
 14. Баешко Л. С, Гордиенко А. Н., Гордиенко А. Н. Энциклопедия символов/ Под редакцией О.В. Перзашкевича. М.: ЭКСМО, 2007. 304 с.
 15. Пушкин А. С. Зимний вечер // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти тт. М.: Правде, 1981. Т. II. С. 62-63.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый материал касается анализа символических образов рассказа В.Г. Короленко «В дурном обществе» и их интерпретации в киноверсии Кирры Муратовой. Работы на стыке разнонаправленных дисциплин, на мой взгляд, достаточно интересны и конструктивны. Следовательно, данная статья отвечает необходимым научным критериям, автор в свою очередь достаточно последовательно решает спектр поставленных задач. Текст информативен, серьезных фактических нарушений не выявлено. Считаю, что практическая значимость работы все же превышает теоретическую, но это в данном случае правильно. Стилистически текст ровен: например, «жанр произведения «В дурном обществе. Из детских воспоминаний моего приятеля» был определен В. Г. Короленко как рассказ, хотя сейчас его иногда называют повестью. Он был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1885 году (№ 10). В основе рассказа – воспоминания детства: городок «Княжье Вено» напоминает уездный город Ровно, где прошли детские годы писателя, а в образе судьи показаны некоторые черты его отца (честность, неподкупность, вспыльчивость и др.)», или «рассказ «В дурном обществе» вписывается в контекст отечественной прозы 1880-1890-х годов, которая опирается на достижения романтизма и символизма. Проза В. Г. Короленко, определяемая как «синтетическая», отличается лиризмом, повышенной метафоричностью, правдоподобием. Размышая о назначении литературы, В. Г. Короленко пишет в 1888 году о ней не как о «зеркале», отражающем состояние общества, поскольку жизнь меняется и находится в вечном движении», или «в 1983 году рассказ В.Г. Короленко (в титрах заявлено: по сюжету) был экранизирован К. Г. Муратовой; фильм получил название «Среди серых камней». Автор киноповествования акцентирует внимание зрителя на цветовой символике: серый цвет камней стал ключевым не только при описании подземелья, но и всех городских топосов» и т.д. Базовая цель исследования достигается в основной части, где осуществлен непосредственный анализ символики указанных форм. Точечно, большая часть «символических» уровней разобрана: «символическими являются названия рассказа и фильма. В. Г. Короленко показывает жизнь с разных точек зрения. «Дурное общество» представлено глазами сына судьи, наблюдающего за ним со стороны, слушающего чужое мнение о нищих и бедняках. После знакомства Васи с Валеком и Марусей «дурное общество» видится им иначе», или «основываясь на текст рассказа В.Г.

Короленко, К.Г. Муратова дает им новые характеристики. У В. Г. Короленко о портрете матери говорится в достаточно нейтральной форме. В кульминационной сцене объяснения с отцом Вася входит в кабинет и видит его сидящим перед портретом. В фильме портрет выполняет важную функцию. Сначала его снимают со стены («Всё выносите – моя жена умерла»), но Вася возвращает портрет обратно. При этом няня пронзительно причитает: «Да на кого ж ты нас покинула, да на кого ж ты нас оставила. Ой, матушка. Да на кого ж ты деток родных оставила». Вася обнимает портрет и целует. Для него – это символ присутствия мамы рядом с ним» и т.д. Последовательность анализа делает работу логически завершенной, считаю, что это явное достоинство рецензируемого сочинения. Не перегружен текст терминами и понятиями, но выбранная методика оценки в ином, в эмпирически компаративном ключе, здесь этого не надо. Нужные информационные пометы / комментарии уместны, вариативны: «сценарист и режиссер фильма использует в названии одну из глав рассказа – «VI. Среди «серых камней»». В. Г. Короленко делает акцент на обществе, социальном окружении, в которое попадает Вася, а в фильме внимание уделяется именно условиям жизни, внимательному воспроизведению быта, в которых приходится существовать бродягам», или «Через символы цветов Маруся сравнивается с мамой Васи. «Это было бледное, крошечное создание, напоминающее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки ее были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как голова полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно, и улыбка так напоминала мою мать в последние дни...» и т.д. В статье дан полновесный анализ символической природы повести В.Г. Короленко, которая очевидно была доработана в формате киноверсии Киры Муратовой. Вывод по текст созвучен основной части: «анализ произведений разной природы показал, что ведущими для интерпретации рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе» и его киноадаптации К. Г. Муратовой «Среди серых камней» стали символические образы, связанные с цветом, прежде всего, серым и синим. Важная составляющая киноповествования – система символических оппозиций: свой / чужой, жизнь / смерть, истинное / ложное, любовь / ненависть и др. В фильме расширяется значение символов сада, яблони и яблока, цветов, портрета, птиц. Введение фрагментов пушкинских произведений уточнило скрытые смыслы рассказа В.Г. Короленко. Звуковое сопровождение фильма – пение, мелодия, звукообразы – усилило гипнотическое воздействие кинотекста». Основные требования издания учтены, рекомендую статью «Символические образы рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе» и их интерпретация в кинофильме К. Г. Муратовой» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Филиппова А.А., Баширина З.К. Переводы портретных характеристик героев сибирских рассказов В.Г. Короленко на якутский язык // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70402 EDN: CQORMF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70402

Переводы портретных характеристик героев сибирских рассказов В.Г. Короленко на якутский язык

Филиппова Айяна Александровна

ORCID: 0000-0002-5861-0085

аспирант, кафедра якутской литературы, Северо-Восточный федеральный университет имени Максима Кировича Аммосова

677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42

✉ fiayalex11@yandex.ru

Баширина Зоя Константиновна

ORCID: 0009-0004-9457-4546

доктор филологических наук

профессор, кафедра якутской литературы, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677021, Россия, г. Якутск, ул. Островского, 10/1, 54

✉ zbasharina@mail.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70402

EDN:

CQORMF

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2024

Дата публикации:

11-04-2024

Аннотация: Объектом исследования являются сибирские рассказы В.Г. Короленко. Предметом исследования являются портретные характеристики героев сибирских

рассказов В.Г. Короленко. Материалом для исследования послужили портретные характеристики героев сибирских рассказов В.Г. Короленко в переводе Н.Е. Мордина-Амма Аччыгыйя. Его рассказы представляют собой богатый материал для исследований, так как в них портретная характеристика героев представлена очень образно, с использованием различных выразительных средств (метафор, сравнений, олицетворений, метонимий, гипербол). Для исследования выбрали рассказы «Сон Макара», «Марусина заимка», «Ат-Даван» из якутского цикла сибирских рассказов. Теоретической базой для исследования являются работы Г.Н. Поспелова, А.Б. Есина, Л.С. Кулика, О.И. Ивановой, К.И. Платоновой, И.С. Емельянова и др. Целью данной работы является выявление особенностей перевода портретной характеристики при переводе художественных текстов Короленко с русского языка на якутский. Цель работы определила следующие задачи: 1) проанализировать понятие «портретная характеристика»; 2) сделать сплошную выборку портретных характеристик из сибирских рассказов; 3) рассмотреть особенности перевода портретной характеристики при переводе на якутский язык. Для решения поставленных задач исследования использованы описательный, сопоставительный методы. Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки. Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием в якутском литературоведении научных работ по комплексному исследованию портретной характеристики при переводе на якутский язык. Научная новизна работы заключается в том, что в современном литературоведении передача портретной характеристики при переводе художественных текстов остается все еще неизученной. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нём впервые выявляются особенности портретной характеристики при переводе на якутский язык. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при анализе других подобных произведений и их переводов. Также материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при создании учебников, учебных пособий по практикуму перевода для студентов филологического отделения.

Ключевые слова:

русская литература, якутская литература, портретная характеристика, сибирские рассказы, якутский язык, русский язык, метафора, эпитет, сравнение, олицетворение

Введение

Портретные характеристики героев являются одним из важных литературных приемов, которые используются писателями при создании художественных произведений. Писатель описывает внешность, жесты, выражение лица, одежду и так далее, чтобы создать особый характер героя и сформировать его типичные черты. Представляя образ персонажа читателю, писатель использует различные художественные средства изобразительности (метафоры, сравнения, эпитеты и так далее), чтобы через портретное описание не только дать представление о внешности героя, но и раскрыть его характер, внутренний мир.

Внешность может многое рассказать о герое: о его национальности, возрасте, социальном положении, вкусах, привычках, о свойствах темперамента. «Одни черты – природные, другие характеризуют его как социальное явление (одежда и способ ее носить, манера держаться, говорить и др.). Третьи – выражение лица, особенно глаз, мимика, жесты, позы – свидетельствуют о переживаемых чувствах. Но лицо, фигура,

жесты могут не только «говорить», но и «скрывать», либо попросту не означать ничего, кроме самих себя. Замечено, что внешность человека, «будучи одним из самых интенсивных семиотических явлений, в то же время почти не поддается прочтению» [7].

Целью данной работы является выявление особенностей перевода портретной характеристики при переводе художественных текстов Владимира Галактионовича Короленко с русского языка на якутский язык. Цель работы определила следующие задачи: 1) проанализировать понятие «портретная характеристика»; 2) сделать сплошную выборку портретных характеристик из сибирских рассказов; 3) рассмотреть особенности перевода портретной характеристики при переводе на якутский язык.

Материалом для исследования послужили сибирские рассказы В.Г. Короленко в переводе Н.Е. Мордина-Амма Аччыгыйа. Рассказы В.Г. Короленко представляют собой богатый материал для исследований, так как в его рассказах портретная характеристика героев представлена очень образно, с использованием различных выразительных средств (метафор, сравнений, олицетворений, метонимий, гипербол). Для исследования выбрали сибирские рассказы «Сон Макара», «Марусина заимка», «Ат-Даван».

Основная часть

В.Г. Короленко, как непревзойденный мастер художественного слова, внес огромный вклад в сокровищницу русского литературного языка. Суровая сибирская жизнь подсказала художнику образы людей, отверженных обществом. Так, в сибирских рассказах Короленко повествует о пробуждении народа, его свободолюбии, стремлении вырваться из замкнутого круга невыносимого существования. Определяющие черты героев Короленко – напряженные поиски правды и справедливости, большая чуткость и отзывчивость. К таким рассказам относятся «Сон Макара», рассказы о бродягах «Соколинец», «Марусина заимка».

Первым из произведений якутского цикла рассмотрим рассказ «Сон Макара» (1883). В этом рассказе главным героем является коренной чалганский крестьянин Макар. Прототипом является обаякутившийся русский крестьянин Захар Цыкунов. Макар является собирательным образом. Подробнее рассмотрим в (Табл. 1).

Таблица 1. Портрет Макара. Рассказ «Сон Макара» (1883).

<p>По-русски он говорил мало и довольно плохо, одевался в звериные шкуры, носил на ногах торбаса, питался в обычное время одною лепешкой с настоем кирпичного чая, а в праздники и в других экстренных случаях съедал топленого масла именно столько, сколько стояло перед ним на столе. Он ездил очень искусно верхом на быках, а в случае болезни призывал шамана, который беснуясь, со скрежетом кидался на него, стараясь испугать и выгнать из Макара засевшую хворь. Работал он страшно, жил бедно, терпел голод и холод... Когда он бывал пьян, он</p>	<p>Нууччалыы кини а□ыйахтык са□араара, ол са□арда□ына да ыраастык нууччалаабат киhi этэ, кыыл тириитинэн та□нара, ата□ар этэрбэс кэтэрэ, көннөрү күннэргэ а□ардас лэппиэскэни кытта хойуу чэйинэн аһылыктанара, бырааһынныктарга уонна атын ханнык эмэ үөрүүллээх күннэргэ буолла□ына, бэйэтин иннигэр оствуолга төhө ууруллубутунан, дъэ□кир арыны сиирэ. Кини бэрт дьо□урдаахтык о□уhу миинэрэ, ыарытта□ына ойууну ы□ырара, онтуката кэлэн кыыран иирбит курдук дъаабыланара, Макарга олохсуйбут ыарыны үргүтээри, хабырына-хабырына үрдүгэр түhүтэлиирэ. Кини</p>
---	--

плакал... [9, с. 16]	сүрдээхтик үлэлиирэ, дъада [□] ытык олороро, аччыктыыр, то [□] ор буолара... Кини итирик буолла [□] ына ытыыр этэ [10, с. 3]
--------------------------------------	--

Автор в данном фрагменте (Табл. 1) описывает внешний вид, привычки и образ жизни героя. Автор хочет донести до читателя, что Макар живет очень бедно, бывают дни, когда даже голодает. Проанализировав оригинальный текст и текст перевода, можно отметить, что в переводе на якутский язык словосочетание «в экстременных случаях» было переведено как «в радостные дни», что не соответствует оригиналу. Но несмотря на это образ героя в переводе на якутский язык дан в полном объеме.

В творчестве Короленко тема бродяжничества занимает значительное место. Короленко не «открыл» бродяг, они уже до него широко бытовали в литературе, но он вложил в эти давно известные образы совершенно новое содержание. Романтическая приподнятость, прославление свободолюбия придали этой старой теме новое общественно-литературное звучание [\[11, с. 19-20\]](#). В рассказе «Марусина заимка» (1899) рассмотрим образ Степана (Табл. 2).

Таблица 2. Портрет Степана. Рассказ «Марусина заимка» (1899).

Это был человек высокого роста, с широкими плечами и стройным тонким станом. У него были светло-голубые глаза, светло-русые волосы и почти совсем белые усы, странно выделявшиеся на сильно загорелом красном лице. Его можно было назвать красавцем, если бы не тусклость точно задернутого чем-то взгляда и не эти слишком уже светлые усы на темном лице. Губы у него были полные, с какой-то странно складкой, – грубоый и портившей довольно благоприятное общее впечатление. Во всей фигуре чувствовалось что-то уже как бы надломленное, не вполне нормальное, хотя и сильное [9, с. 311-312]	Үрдүк у [□] уохтаах кэтийт сарыннардаах уонна синьнигэс, көнө бииллээх киһи эбит. Сырдык күөх харахтаах, сырдык кугас баттахтаах уонна улаханнык салгыннаабыт кыһыл сирэйигэр ордук дьиийбэтик көстөр букатын ма [□] ан кэриэтэ бытыктаах эбит. Кини, тугунан эрэ бүрүөлэллэmit курдук өлбөөркэйдүк көрбөтэ эбитэ буоллар уонна хара [□] а сирэйигэр итичэ олус сырдык бытыга сую [□] а эбитэ буоллар, утуөкэн дүүһүннээх киһи буолую эбит. Толору уостара, толоос со [□] ус буоланнаар, уопсайынан кини ис-киирбэх дүүһүнүн буортулуур эбиттэр. Кини киэбэтахаата, уопсайынан күүстээх-уохтаах гынан баран, хайдах эрэ дыиэгирбит, очко толору тупса [□] айа суюх курдук [10, с. 77]
--	---

В данном фрагменте текста (Табл. 2.) автор использовал контрастные цветовые эпитеты «светло-голубые», «светло-русые», «белые», «красное». В переводе на якутский язык цветовые эпитеты «светло-голубые-сырдык күөх», «светло-русые-сырдык кугас», «белые-манан», «красное-кыһыл» сохранены, полностью передают внешность героя.

В данном рассказе очень реалистично передан образ Тимохи-пахаря, олицетворяющего собой крестьянина-земледельца. Короленко так наглядно и красочно описал образ Тимохи, что невольно предстает перед глазами читателя (Табл. 3).

Таблица 3. Портрет Тимохи. Рассказ «Марусина заимка» (1899).

Работник весь оброс грязью: пыль на	Бу киһи бутуннунуу киргэ үгкүнүйбүт
-------------------------------------	-------------------------------------

<p>лице и шея размокла от пота, рукав грязной рубахи был разорван, истертый и измызганный олений треух беззаботно покрывал его голову с запыленными волосами, обрезанными на лбу и падавшими на плечи, что придавало ему какой-то архаический вид. Такими рисуют древних славян. Возраст его определить было было трудно: сорок, сорок пять, пятьдесят, а может быть и значительно менее: это была одна из тех кряжистых фигур, покрытых как будто корою, сквозь которую не пропустит ни игра и сверкание молодости, ни тусклая старость. Глаза, выцветшие, полинялые от солнца и непогоды, едва выделялись на сером лице, и, только приглядевшись, можно было заметить в них искру добродушного лукавства [9, с. 319]</p>	<p>курдук киhi: сирэйигэр, моонньугар буор көтөн баран көлөһүнүгэр няаараламмыт, көлөһүлээ бына сиэппит ырбаахытын сиэбэ тырыттыбыт, сүүһүнэн лэппиллибит, саныгар сабырыйан туспут баттахтаах, төбөтүгэр илбирийбит, соролообут таба бэргэхэни таппаччы уурунан кэбиспит, онон барытынан хайдах эрэ былыргы үйтээши киhiэхэ маарынныырга дылы. Былыргы славяннары ити курдук дүүһүннээн ойуулууллар. Кини сааын да бынаарар кытаанах: түөрт уон, түөрт уон биэс, биэс уон, баар итиниэхэ ырааынан да тиийбэт саастаах буолуон сөптөөх киhi. Эдэр саас ооннууура, күлүмнүүрэ дааны, кырдьыбыт кэм өлбөөрүүтэ дааны өтөн тахсан көстүбэт гына хатырыгынан хаххаланан сылдьар курдук, сомоо киhi Күн уотугар, ардааха-хаарга кубарыйбыт, курдуйбут харахтара к и н и борон сирэйиттэн кыайан араарыллыбыттар, арай бэрткэ сыныйан одууластахха эрэ бу харахтарга эйэштик албытыыы кыымнарын таба көрүөххэ сөп [10, с. 87-88]</p>
--	--

Данная портретная характеристика (табл. 3) богата своими выразительными средствами « запыленными волосами, обрезанными на лбу и падавшими на плечи -сүүһүнэн лэппиллибит, саныгар сабырыйан туспут баттахтаах», «кряжистых фигур, покрытых как будто корою- хатырыгынан хаххаланан сылдьар курдук, сомоо киhi», «сверкание молодости- эдэр саас ооннууура, күлүмнүүрэ», «тусклая старость- кырдьыбыт кэм өлбөөрүүтэ» что и передается в переводе на якутский язык. Слово «кряжистый» на якутский язык переведено как «цельный, неотделенный», что не соответствует оригиналу.

Помимо образов Степана и Тимохи-пахаря рассмотрим также образы Абарам Ахметзянова и его жены Гарифы (Табл. 4).

Таблица 4. Портрет Абарам Ахметзянова и его жены. Рассказ «Марусина заимка» (1899).

<p>У него было круглое лицо, очень смуглое, правда, но с мягкими правильными чертами, и большие, ласкающие, добрые глаза... Она же представляла из себя типическую русскую красавицу, несколько расположившую, с бойким и, что</p>	<p>Кини, кырдьык хара гынан баран, сымнаас, тупсаай көрүнээх, төгүрүк сирэйдээх уонна имэрийбит курдук эйэш улахан харахтардаах этэ... Хотун буоллаына арыый этиргэн соус уонна, «алдъархайдаах» дизэн аатырар сэргэх көрүүлээх-истиилээх</p>
--	---

называется, «бедовым» взглядом» [9, с. 333]	гынан баран, дыннэх нуучча кырасаабыссатын курдук дүүхүннэх дъахтар этэ [10, с. 106]
---	--

Так как это второстепенные герои рассказа (Табл. 4), автор в двух словах, но очень точно передает нам образы, используя эпитеты «круглое лицо», «мягкие, правильные черты», «большие, ласкающие, добрые глаза». В переводе на якутский язык эпитет «бедовым» взглядом» переведено с помощью дефиниции. Так, переводчик приводит пояснение на якутском языке ««алдъархайдаах» диэн аатырар сэргэх көрүүлэх-истиилээх».

В данной статье также рассмотрим портретные характеристики из рассказа «Ат-Даван». Основной идеей рассказа является грубое насилие над человеком в буржуазно-помещичьем обществе. Писарь почтовой станции Василий Спиридович Кругликов – это образ «маленького человека». Это задавленный, униженный чиновник, в котором убиты самые лучшие человеческие качества – достоинство, самостоятельность, воля. Кругликов – маленький человечек не только по внешнему виду (Табл. 5).

Таблица 5. Портрет Кругликова. Рассказ «Ат-Даван» (1892).

В комнату входил небольшой круглый человечек неопределенного возраста, одетый довольно оригинально. Кургужий сюртучок, клетчатые панталоны, пикейный жилет, сорочка с манжетами и даже старинную плойкой, цветной галстук с золотыми мухами по зеленому полю – все это слегка уже полинявшее, слежалое, как будто надетое по случаю, напоминало о каких-то давно прошедших временах. На ногах у вошедшего были тяжелые валенки, наряду с которыми кургужий немецкий костюм выглядел очень комично. Впрочем, маленький человечек не сознавал, по-видимому, этого контраста и выступал щеголевато, мелкими, «щепотками» шагами. [9, с. 163-164]	Намылах ууохтаах, мөтөхүйбүт бынылаах, төхө саастаа а биллибэт, дьибиэ соустук таныбыт киши хоспутугар киирэн ээрэ эбит. Мултугур сүртүк ырата, дуобат ойуулаах ыстаан, пикейнэй жилет, манжеттардаах, өссө ону ааһан былыргылы плойкалаах сорочка ырбаахы, күөх хонууга олорор кыбыл көмүс сахсыр алаах ойуулаах хаалтыс, – барыта кыратык кубарыйа, курсуйа түспүт, туох эрэ наада а анаан кэтиллибит бынылаах таас- сап ханык эрэ урут буолан ааспыт кэмнэри санаталлар. Киирбит киши ыараахан хаатыкалаах, ону кытта сэргэстэхэ немецтии мултугур көстүүмнээ олус көрүдүүстүк көстөр. Ити иңгэр кыракый киийдээн ол таа табыгаа суюн өйдөөбөт бынылаах: сиэдэрэйдик туттан, «бэдьээлэс» кыараас хардыыларынан хаамыталыыр [10, с. 34-35]
---	--

В данном фрагменте (Табл. 5) в слове «маленький человечек» вложено пренебрежительно-уничижительная оценка героя. Даже фамилия героя Кругликовозвучна с его ничтожной жизнью. Эта оценка вызвана в первую очередь внутренними чертами – убожеством интеллектуальных, нравственных качеств. Переводчик, в общем и целом, верно передал портретную особенность героя. В якутском языке тоже использованы уменьшительные формы, которые усиливают экспрессию. Например, слово «маленький человечек» передано как «кыракый киийдээн», что совершенно точно

передает смысл значения «маленького человека» на якутском языке.

В художественной литературе портрет может быть динамическим и статическим, развернутым и фрагментарным, психологическим, отражающим момент психологической характеристики героя, а также внешним, представляющим собой описание черт внешности персонажа. В этом можно убедиться в данных примерах научного исследования. Портреты персонажей рассказов В.Г. Короленко характеризуются реалистичностью и типичностью. В них герои изображены в качестве типичного представителя своей среды в повседневной обстановке.

Заключение

Целью данной работы явилось выявление особенностей передачи портретной характеристики персонажа художественного текста при переводе с русского на якутский язык.

В ходе исследования определено понятие «портретная характеристика». Так, Есин считает, что внешность может многое рассказать о герое, в то же время почти не поддается прочтению.

В портретных характеристиках, выбранных методом сплошной выборки из сибирских рассказов, преобладают образы простых крестьян, государственных служащих и других. Помимо образов простых крестьян мы видим в рассказе «Ат-Даван» типичный образ из категории лиц, относимых к «маленьким людям». В этом рассказе Короленко передает через образ Кругликова грубое насилие над человеком в буржуазно-помещичьем обществе. Это лживый, без моральных ценностей задавленный чиновник, который пренебрежительно относится к другим, но боится вышестоящего начальства.

Таким образом, в данной работе были рассмотрены особенности перевода портретной характеристики рассказов Короленко на якутский язык. Следует отметить, что портретная характеристика является одним из важнейших инструментов в литературе. В.Г. Короленко является писателем пейзажистом, портретистом, поэтому в его рассказах преобладает экспозиционный портрет.

В портретных характеристиках своих героев Короленко применяет различные методы и приемы. Метафоры и эпитеты помогают писателю составлять психологические портреты, раскрывать образы, передавать душевное состояние героев. Перевод на якутский язык выполнен на высоком уровне, так как Н.Е. Мординов-Амма Аччыгыйя является крупным художником слова, который мастерски раскрывает психологию своих героев. Все портретные характеристики переданы в полном объеме, так как переводчик сам является писателем, потому и перевод на якутский язык получился не дословным, а художественным.

Библиография

1. Башкатова, Ю. А. Лингвистические особенности описаний портрета в интертекстуальном аспекте (на материале английской литературы XVIII– XX веков): Дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Башкатова.– Кемерово, 2003.
2. Башарина З.К. Актуальные проблемы литературного процесса Якутии в XXI веке: учебное пособие. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. – 220 с.
3. Башарина З.К. Взаимодействие русской и якутской литературы в XX веке (история и проблемы взаимосвязей): монография. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 280 с.

4. Боецоров Г.К. Мастерство Н.Е. Мордина. Якутск. кн. изд-во, 1973. – 240 с.
5. Введение в литературоведение: Учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Поспелов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков и др.; Под ред. Г.Н. Поспелова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1998. – 528 с.
6. Дмитриевская, Л. Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З. Н. Гиппиус) / Л. Н. Дмитриевская. – Ярославль: ООО «Литера», 2005.
7. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. М.: Флинта, 2017. – 248 с.
8. Иванова О.И. Влияние якутской действительности на эволюцию константных мотивов в творчестве В.Г. Короленко: монография / О.И. Иванова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 144 с.
9. Короленко В.Г. Повести и рассказы. М., «Худож. лит.», 1978. – 366 с.
10. Короленко В.Г. Саха сирин туһунан / В. Г. Короленко; [Николай уонна Авксентий Мординовтар тылб.]. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ изд-вата, 1954. – 362 с.
11. Кулик Л.С. Сибирские рассказы В.Г. Короленко. Киев, 1961. – 60 с.
12. Чаковский А., Анри Барбюс. Литературный портрет. – 194

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации текст направлен на анализ перевода портретных характеристики героев сибирских рассказов В.Г. Короленко на якутский язык. Безусловно, тема нова, актуальна, малоисследованна. Таким образом, материал можно расценить как конструктивный, научно выверенный. Автор обозначает в начале своего труда, что «портретные характеристики героев являются одним из важных литературных приемов, которые используются писателями при создании художественных произведений. Писатель описывает внешность, жесты, выражение лица, одежду и так далее, чтобы создать особый характер героя и сформировать его типичные черты. Представляя образ персонажа читателю, писатель использует различные художественные средства изобразительности (метафоры, сравнения, эпитеты и так далее), чтобы через портретное описание не только дать представление о внешности героя, но и раскрыть его характер, внутренний мир». Цель / задачи сформулированы точно и четко: «целью данной работы является выявление особенностей перевода портретной характеристики при переводе художественных текстов Владимира Галактионовича Короленко с русского языка на якутский язык. Цель работы определила следующие задачи: 1) проанализировать понятие «портретная характеристика»; 2) сделать сплошную выборку портретных характеристик из сибирских рассказов; 3) рассмотреть особенности перевода портретной характеристики при переводе на якутский язык». Языковой материал выбран продумано: «материалом для исследования послужили сибирские рассказы В.Г. Короленко в переводе Н.Е. Мордина-Амма Аччыгыйя. Рассказы В.Г. Короленко представляют собой богатый материал для исследований, так как в его рассказах портретная характеристика героев представлена очень образно, с использованием различных выразительных средств (метафор, сравнений, олицетворений, метонимий, гипербол). Для исследования выбрали сибирские рассказы «Сон Макара», «Марусина займка», «Ат-Даван». Исследователь

использует сравнительно-сопоставительный принцип, что вполне оправдано. Табличный вид систематизации дает возможность наглядно зримо фиксировать наработки. Суждения по ходу работы объективны, аналитичны. Например, «в данном фрагменте текста (Табл. 2.) автор использовал контрастные цветовые эпитеты «светло-голубые», «светло-русые», «белые», «красное». В переводе на якутский язык цветовые эпитеты «светло-голубые-сырдык күөх», «светло-русые-сырдык күгас», «белые-маан», «красное-кыыл» сохранены, полностью передают внешность героя. В данном рассказе очень реалистично передан образ Тимохи-пахаря, олицетворяющего собой крестьянина-земледельца. Короленко так наглядно и красочно описал образ Тимохи, что невольно предстает перед глазами читателя (Табл. 3)», или «Данная портретная характеристика (табл. 3) богата своими выразительными средствами « запыленными волосами, обрезанными на лбу и падавшими на плечи -сүүһүнэн лэппиллибит, саныгар сабырыан түспүт баттахтаах», «кряжистых фигур, покрытых как будто корою- хатырыгынан хаххаланан сылдьар курдук, сомоо киши», «сверкание молодости- эдэр саас ооннуура, күлүмнүүрэ», «тусклая старость- кырдыбыт кэм өлбөөрүүтэ» что и передается в переводе на якутский язык. Слово «кряжистый» на якутский язык переведено как «цельный, неотделенный», что не соответствует оригиналу. Помимо образов Степана и Тимохи-пахаря рассмотрим также образы Абарам Ахметзянова и его жены Гарифы (Табл. 4)» и т.д. Работа оригинальна, интересна; материал можно использовать при изучении якутского языка. В выводе отмечено, что «в портретных характеристиках своих героев Короленко применяет различные методы и приемы. Метафоры и эпитеты помогают писателю составлять психологические портреты, раскрывать образы, передавать душевное состояние героев. Перевод на якутский язык выполнен на высоком уровне, так как Н.Е. Мординов-Амма Аччыгыйя является крупным художником слова, который мастерски раскрывает психологию своих героев. Все портретные характеристики переданы в полном объеме, так как переводчик сам является писателем, потому и перевод на якутский язык получился не дословным, а художественным». Нуждается в небольшой технической правке библиографический список. Основная тема исследования раскрыта, цель достигнута. Рекомендую статью «Переводы портретных характеристик героев сибирских рассказов В.Г. Короленко на якутский язык» к публикации в журнале «Litera».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Крипак А.В. Казисинонимы офтальмологической терминосистемы: к постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70418 EDN: DANMET URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70418

Казисинонимы офтальмологической терминосистемы: к постановке проблемы

Крипак Анна Валентиновна

ORCID: 0000-0002-9117-828X

аспирант кафедры русского языка и общего языкоznания Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова

664003, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. 4-Я советская, 102, кв. 46

✉ anna_kripak@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70418

EDN:

DANMET

Дата направления статьи в редакцию:

05-04-2024

Дата публикации:

12-04-2024

Аннотация: Офтальмологическая терминология является частью медицинской терминологической системы. Медицинская терминосистема изучена достаточно подробно, однако к настоящему моменту остаются открытыми вопросы, касающиеся синонимичности языковых единиц внутри офтальмологической терминосистемы. Цель исследования рассмотреть проблему отношений внутри офтальмологической терминосистемы и доказать существование тройного ряда терминов — казисинонимов. Объектом исследования является офтальмологическая терминология, тематическая группа — «офтальмологические заболевания». Актуальность данной работы обусловлена тем, что до сих пор недостаточно изучены офтальмологические термины, обладающие смысловым подобием, которые могут как заменять друг друга, так и функционировать в речи параллельно, кроме того, необходимо установить какой тип синонимии существует

между этими терминами. Использованная в работе методика лингвистического эксперимента позволяет достичь цель исследования. В исследование вошли 2535 офтальмологических термина, из них 51 — названия офтальмологических заболеваний. Для получения доказательств существования разных типов офтальмологических терминов был проведен эксперимент. В эксперименте участвовали врачи-офтальмологи, средний медицинский персонал, пациенты офтальмологического центра г. Иркутска (324 человека — мед. персонала, 324 — пациента). Основным выводом проведенного исследования является то, что внутри офтальмологической терминологической системы между терминами существуют синонимические отношения. Проведенный эксперимент позволяет говорить о существовании тройного ряда терминов, что подтвердило гипотезу о функционировании, помимо общепринятой терминологии и профессионализмов-жаргонизмов, «народной» терминологии (70% от общего количества терминов, вошедших в исследование). Все термины тройного ряда являются квазисинонимами, обладают смысловым сходством, но не тождественны, между ними возникают отношения включения и пересечения, они существуют в языке параллельно. В дальнейшем необходимо рассмотреть квазисинонимы других тематических групп офтальмологической терминологической системы для того, чтобы лучше понять специфику их использования и источник их возникновения, а также могут ли они переходить в разряд абсолютных синонимов и при каких условиях.

Ключевые слова:

медицинская терминологическая система, офтальмологическая терминологическая система, общепринятые термины, профессионализмы-жаргонизмы, народные термины, синонимы, квазисинонимы, смысловое подобие, лингвистический эксперимент, языковые дублеты

Введение

Офтальмологическая терминология является частью сложной медицинской терминологической системы (терминосистемы), которая состоит из ряда подсистем, обслуживающих отдельные отрасли медицины. Существующие в настоящее время небольшие разработки, также, как и фундаментальные исследования, доказывают высокий уровень освоения медицинской терминосистемы [1-4]. Что же касается офтальмологической терминосистемы, стоит отметить, что представлен ряд как российских, так и зарубежных спорадических исследований, посвященных офтальмологической терминологии [5-11]. Однако нельзя сказать, что найдены ответы на все вопросы и все проблемы решены. До сих пор нет единого мнения об отношениях внутри офтальмологической терминосистемы.

Задолго до того, как английский стал языком науки, греческий и латынь более 2000 лет формировали термины, некоторые из которых в последствие стали общепринятыми в медицинской практике [12, с. 38]. Офтальмологическая терминология, как и другие медицинские термины, основе своего происхождения также имеет греко-латинские корни и, пройдя свой долгий период становления из многовекового опыта врачевания, к настоящему моменту развилась в устойчивую терминосистему [13, 14].

Цель данного исследования — рассмотреть проблему отношений внутри офтальмологической терминосистемы и доказать существование тройного ряда терминов

— квазисинонимов. Объектом исследования является офтальмологическая терминология, тематическая группа — «офтальмологические заболевания».

Актуальность данной работы обусловлена несколькими причинами: во-первых, внутри офтальмологической терминосистемы до сих пор недостаточно изучены термины, обладающие смысловым подобием, которые могут как заменять друг друга, так и функционировать в речи параллельно; во-вторых, необходимо установить какой тип синонимии существует между этими терминами. Для достижения цели исследования использовался метод лингвистического эксперимента, а также методы наблюдения, обобщения и анализа.

Материал и методы

Материалом исследования послужили офтальмологические термины, отобранные методом сплошной выборки из Словаря офтальмологических терминов Хуснутдинова А.Х., Офтальмологического словаря Фитча Т., Карманного офтальмологического словаря (Pocket ophthalmic dictionary) James J. Lewis [\[15-17\]](#). Все отобранные термины были распределены по тематических группам: «заболевания», «диагностика, оборудование», «хирургия глаза», «офтальмоанестезиология» (всего 2535 лексических единиц).

Для дальнейшего анализа остановились на наиболее часто встречающихся «общепринятых» терминах группы «офтальмологические заболевания» — всего 51 единица. Под общепринятыми терминами понимали утвержденную офтальмологическим сообществом, специализированную лексику, используемую в научных статьях, анатомических описаниях, в официальных документах. Несмотря на то, что современные врачи пишут названия заболеваний на родном языке (унифицированное написание термина на латинском языке остается обязательным только для фармацевтической отрасли), практически все общепринятые термины образованы с помощью приставок, корней и суффиксов греческого и латинского языков и могут содержать информацию о характеристике и симптомах заболевания. Для извлечения этой информации было важно зафиксировать происхождение каждого термина (лат., греч.). Далее, обратившись к Большому энциклопедическому словарю медицинских терминов [\[18\]](#), получили толкование значения каждого термина.

Например, «альбинизм» (от лат. *albus*) — врожденное отсутствие пигментации кожи, волос, радужной оболочки глаз у человека и животных;

«астенопия» (от греч. *asthenes* — слабый и *ops* — глаз) — быстро наступающее утомление глаз во время зрительной работы, особенно при малом расстоянии от глаза до объекта;

«отслойка сетчатки» (от лат. *ablatio retinae*) — отделение внутренних слоев сетчатки от ее пигментного слоя;

«глаукома» (от греч. *glaukoma* — синеватое помутнение) — заболевание, характеризующееся повышением внутриглазного давления, приводящего к атрофии зрительного нерва;

«дакриоцистит» (от греч. *dakryon* — слеза и *kystis* — пузырь) — это воспаление слезного мешка и т.д.

Между тем, помимо общепринятых терминов, среди врачей-офтальмологов наблюдается «своя» врачебная терминология, представляющая собой неформальные термины, используемые в общении между врачами или специалистами в области офтальмологии

(профессионализмы-жаргонизмы). Например, врачи говорят: «глазное напряжение» (общеприн. астенопия), «отслойка» (общеприн. отслойка сетчатки), «воспаление слезного мешка» (общеприн. дакриоцистит), «деструкция стекловидного тела» (общеприн. миодезопсия) и т.д.

Кроме того, используя разговорную / «народную» лексику, слова которой образованы от ощущений или видимых признаков заболевания, для объяснения своего состояния пациенты говорят на «своём» языке. Например, пациент говорит: «белый глаз» (общеприн. альбинизм), «уставший глаз» (общеприн. астенопия), «опухоль в глазу» (общеприн. дакриоцистит), «плавающие червячки» (общеприн. миодезопсия) и т.д.

Стало понятно, что существуют разные типы офтальмологических терминов (профессионализмы – жаргонизмы, «народные» термины). Для подтверждения этой гипотезы, а также составления картотеки был проведен небольшой эксперимент.

В эксперименте приняли участие врачи-офтальмологи и средний медицинский персонал, а также пациенты крупного офтальмологического центра г. Иркутска, которые были разделены на две группы: группа 1 – мед. работники (324 человека), группа 2 – пациенты (324 человека в возрасте от 56 до 86 лет, 108 мужчин и 216 женщин). Все испытуемые имели возможность ознакомиться с целью исследования и приняли участие в эксперименте добровольно и безвозмездно. Учитывая, что вопросы затрагивали персональные данные пациентов клиники, предварительно от каждого пациента было получено письменное согласие на участие в эксперименте.

Материал исследования представлял собой таблицу и устный опрос. Таблица, состоящая из трех столбцов, была предложена группе 1 на бумажном носителе, для заполнения таблицы была дана одна неделя. Первый столбец содержал ранее отобранные нами названия общепринятых офтальмологических заболеваний (51 ед.). Для более точного понимания испытуемыми поставленной задачи, название второго столбца содержало конкретный вопрос (Каким словом (термином) врачи называют данное заболевание?). Третий столбец также содержал вопрос (Каким словом (словами) пациенты описывают данное заболевание?). В примечании было указано, что описание заболевания может состоять более чем из одного слова, т.к. пациенты, чаще всего, сравнивают свои ощущения с привычными для них явлениями и редко называют их одним словом или конкретным термином. Например, «плавают мушки», «упала шторка», «замочная скважина», и т.д.

Параллельно проводилась индивидуальная работа с каждым пациентом в формате устного опроса, так как большинство пациентов не имели возможности заполнить опросник письменно ввиду ограниченных зрительных функций. Всем пациентам задавали два одинаковых вопроса: «Какой диагноз вам поставили? Какими словами вы могли бы описать свое заболевание?». Все ответы фиксировались на диктофон.

Результаты

Анализ ответов испытуемых группы 1 доказал, что наряду с общепринятыми терминами, имеют место вариации в определении того или иного офтальмологического заболевания. Например, одни медицинские специалисты упоминали общепринятый термин «гордеолум», другие, работающие в той же клинике, слово «ячмень». И те, и другие имели в виду одно и то же заболевание «гордеолум» – «ячмень». Таким образом, стало очевидно, что в офтальмологической терминосистеме существует дополнительный ряд терминов, обладающих смысловым сходством или подобием, и употребление таких терминов зависит от ситуации и терминоносителя. В официальной речи и документациях

врачи и мед. персонал используют общепринятое название заболевания, в нашем случае «гордеолум», между собой в разговорной речи говорят — «ячмень», при общении с пациентами также встречается второй вариант.

Ответы испытуемых группы 2 (пациенты) доказали гипотезу о существовании, помимо общепринятой терминологии и профессионализмов- жаргонизмов, «народной» терминологии. Все пациенты, давая характеристику своему заболеванию или состоянию, использовали лексику обывателя, основываясь исключительно на своих ощущениях. Не имея медицинского образования и не ориентируясь в офтальмологической терминологии, пациентам было сложно одним словом объяснить свое состояние, что объясняет использование ими двухкомпонентных терминологических сочетаний. Например, «трясущееся веко» (общеприн. нистагм), «упала шторка» (общеприн. отслойка сетчатки), «слепое пятно» (общеприн. скотома) и т.д.

Результаты устного опроса пациентов и письменного опроса медицинского персонала были сведены в единую таблицу, состоящую из 3-х столбцов: 1. общепринятые термины (общеприн.), 2. термины-профессионализмы (проф.), 3. «народные термины» (народн.). Под «общепринятыми» терминами мы понимаем стандартизованный официальный язык, понятный мировому медицинскому сообществу и позволяющий эффективно общаться, экономить время, свести к минимуму ошибки, связанные с плохой коммуникацией или некачественной документацией. «Термины-профессионализмы» — это «медицинские жаргонизмы», которые могут быть частично неформальными терминами, используемыми в общении между врачами или специалистами в области офтальмологии. «Народные термины» — это разговорная лексика или лексика обывателя, используемая пациентами и в ряде случаев врачами для общения с пациентами.

Таким образом, из 51 термина, обозначающего название офтальмологического заболевания, 15 не имеют аналога в виде профессионализма-жаргонизма или «народного» термина. 36 лексических единиц имеют 1 или 2 аналога в виде профессионализмов или «народных» терминов. При этом все «народные термины» были понятны мед. персоналу и совпали с ответами пациентов.

Результаты эксперимента доказывают существование как профессионализмов- жаргонизмов, так и народной терминологии (70% от общего количества терминов, вошедших в исследование). Следует отметить, язык профессионалов практически не отличается от общепринятой лексики. Все термины, обозначающие офтальмологическое заболевание, являются общепринятыми в мировом офтальмологическом сообществе, используются и звучат одинаково практически на всех языках, являясь так называемым шифром профессионалов, позволяющих значительно сократить время общения. Однако, как показал эксперимент, в 36 случаях мы наблюдаем функционирование всех трех групп терминов одновременно. Например, астенопия (общеприн.), глазное напряжение (проф.), уставший глаз (народн.); лейкома (общеприн.), бельмо (проф.), помутнение (народн.); возрастная макулярная дегенерация (общеприн.), ВМД (проф.), двоение (народн.); миодезопсия (общеприн.), деструкция стекловидного тела (проф.), плавающие червячки, мухи (народн.); гипопигментация (общеприн.), альбинизм (проф.), белый глаз (народн.) и другие.

Обсуждение

Так чем же являются эти термины по отношению к друг другу и какой тип связи существует между ними?

Очевидно, что все термины обладают смысловым сходством, между терминами

наблюдается синонимическая связь. Как известно, синонимы — это слова, уточняющие и замещающие одно и то же явление, но характеризующие его с иной точки зрения. Возвращаясь к терминам «гордеолум» и «ячмень», можно сказать, что они отчасти являются синонимами, так как в разговорной речи могут заменять друг друга, однако, с другой стороны, как в русском, так и в английском языках «гордеолум» является общепринятым медицинским термином и в официальных документах не может быть замещен вторым вариантом. Таким образом, два представленных термина тождественны, но не могут считаться абсолютными синонимами.

Глинская Н.П. отмечает, что в медицинской терминосистеме существуют дублеты — слова, «называющие один и тот же объект или выраждающие одно и то же научное понятие, но имеющие разное происхождение» [\[4, с. 30\]](#). Обращаясь к происхождению термина «дублет» (от фр. doublet — «двойной»), мы видим, что предполагается наличие только двух вариантов терминов. И, если говорить о термине «гордеолум», то, действительно, слово «ячмень» будет являться его дублетом, другого названия заболевания мы не встретили. Однако, в то же самое время, проведенный нами эксперимент доказал существование еще и третьего ряда — «народных» терминов. В этом случае, как мы видим, теория языковых дублетов не актуальна.

Вероятно, более подходящим термином в нашем случае будет являться «квазисинонимы». Большинство исследователей определяют квазисинонимы, как слова, имеющие общий компонент значения, но не могут замещать друг друга. Словарь лингвистических терминов Жеребило Т.В. определяет квазисинонимы (лат.: quasi почти, приблизительно), как неполные синонимы, близкие по значению, но не тождественные, между которыми могут возникать отношения включения и пересечения [\[19, с. 145\]](#). Квазисинонимы часто отличаются от синонимов стилистической. Например, официальное название заболевания «лейкома» (заболевание роговицы глаза), между собой врачи также называют это состояние «бельмо» — более нейтральное название, не пугающее пациента, а пациенты, не имеющие медицинского образования, говорят об этом заболевании как о «помутнении», как о каком-то незначительном явлении. Или ещё один пример, официальное название заболевания «гипопигментация», термин «альбинизм» является профессионализмом-жаргонизмом, «белый глаз» — народный термин, включающий в своё название белый цвет, очевидно, как не несущий никакой угрозы здоровью человека.

Заключение

Таким образом, проведенный эксперимент доказал существование в офтальмологической терминосистеме тройного ряда терминов, которые могут как частично заменять друг друга, так и функционировать параллельно. Обладая смысловым сходством, обнаруженные термины являются квазисинонимами, которые отличаются от синонимов тем, что могут видоизменяться в зависимости от терминосоставителя и ситуации. В дальнейшем деление терминов на группы позволит систематизировать слова по смысловому подобию, вскрыть различия и понять специфику их использования. Кроме того, интересными и перспективными представляются вопросы, связанные с определением типов офтальмологических квазисинонимов других тематических групп, а также могут ли квазисинонимы переходить в разряд абсолютных синонимов, и при каких условиях это возможно.

Библиография

1. Лукоянова Т. В., Маджаева С. И. Специальный словарь – источник изучения

- терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. № 1 (383). С. 117-121.
2. Киселева Л. А. Терминосистема области медицины «Акушерство» // Вестник КалмГУ. 2017. № 33 (1). С. 76-80.
3. Темирова Д. Б. Понятийно-тематическая классификация терминов предметной области «Косметология» (на материале русского и английского языков) // Вестник АГУ. 2016. № 1 (172). С. 78-83.
4. Глинская Н. П., Черезова Т. Л. Современная медицинская терминология в свете глобализации // Вестник Московского ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 28-32.
5. Вавилова К. Ю. Образование офтальмологических терминов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. С. 231-235.
6. Хантакова В. М., Швецова С. В. О статусе эпонимных единиц в английской офтальмологической терминологии // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 74-78.
7. Кагарманова Л. Ф., Абдуллина Г. Р., Абуталипова Р. А., Джелялов М. З. Офтальмологическая лексика в башкирском языке (на примере произведений Мустая Карима) // Вестник Башкирского ун-та. 2020. № 4. С. 933-937.
8. Болдина А. С., Шевелева Г. И. Лингвистический анализ словообразовательных моделей в немецкой офтальмологической терминосистеме и способы их перевода на русский язык // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6-3. С. 65-69.
9. Leffler C. T., Schwartz S. G., Stackhouse R. Evolution and impact of eye and vision terms in written English // JAMA Ophthalmol. 2013. № 131 (12). Р. 1625-1631.
10. Daminique R. Eye Representation and Ocular Terminology from Antiquity to Helmholtz. Bonn: Wayenborgh publishing, 2020. 562 p.
11. Myles W. M. Ophthalmic etymology // Surv Ophthalmol. 1993. № 37 (4). Р. 306-309.
12. Baethge C. The languages of medicine // Dtsch Arztebl Int. 2008. № 105 (3). Р. 37-40.
13. Чернявский М. Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / под ред. Б. В. Петровского. М.: Сов. энциклопедия, 1984. Т. 3. С. 411-425.
14. Сложеникина Ю. В., Звягинцев В. С. Из истории упорядочения русской медицинской терминологии // Язык и культура. 2017. № 38. С. 94-104.
15. Хуснутдинов А. Х. Англо-русский, русско-английский офтальмологический словарь. Уфа: ИНЕШ, 2022. 564 с.
16. Фитч Т., Гут И., Кордонец И. и др. Офтальмологический словарь. Львов: Изд-во Кварт, 2006. 156 с.
17. Lewis J. J. Pocket ophthalmic dictionary, including pronunciation, derivation and definition of the words used in optometry and ophthalmology. Chicago, 1916. 286 p.
18. Улумбеков Э. Г. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: ГЕОТАР-МЕДИА, 2012. 2242 с.
19. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2005. 376 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Квазисинонимы офтальмологической терминосистемы: к постановке проблемы», предлагаемой к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования», несомненно рассматривается актуальная тема как теории языка, а также для общей теории лексикологии и перевода. Автор представляет интересный материал с научной точки зрения, который имеет весомое значение для теории языка, так и лексикологии, и лексикографии. Важным является профессиональная ориентации исследования на область офтальмологии, что делает его прикладным. Настоящее исследование направлено на изучение специфики словотворчества, изучение этимологии номинации в русском языке, относящихся к офтальмологической терминосистемы.

Цель данного исследования — рассмотреть проблему отношений внутри офтальмологической терминосистемы и доказать существование тройного ряда терминов — квазисинонимов. Объектом исследования является офтальмологическая терминология, тематическая группа — «офтальмологические заболевания».

Материалом исследования послужили офтальмологические термины, отобранные методом сплошной выборки из Словаря офтальмологических терминов Хуснутдинова А.Х., Офтальмологического словаря Фитча Т., Карманного офтальмологического словаря.

Автор применил в работе метод интервьюирования. В эксперименте приняли участие врачи-офтальмологи и средний медицинский персонал, а также пациенты крупного офтальмологического центра г. Иркутска, которые были разделены на две группы: группа 1 — мед. работники (324 человека), группа 2 — пациенты (324 человека в возрасте от 56 до 86 лет, 108 мужчин и 216 женщин).

Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справки разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описания результатов исследования и представления выводов. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Исследование выполнено в русле современных лингвистических подходов. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Постулируемое автором иллюстрируется практическим языковым материалом. Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулировали логично и отражают содержание работы.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и иностранном языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации.

Приведенные замечания нисколько не умаляют огромной работы, проведенной автором и не ухудшают общего положительного впечатления от рецензируемой работы.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, лингвистам, студентам, магистрантам и аспирантам профильных вузов.

Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Квазисинонимы офтальмологической терминосистемы: к постановке проблемы» положительное, работа

может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Семенова В.Г., Ефимова Л.С., Башарина З.К. Проблемы пьянства в устной и литературной традиции якутов (конец XIX-начало XX вв.) // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70394 EDN: DDPTGB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70394

Проблемы пьянства в устной и литературной традиции якутов (конец XIX-начало XX вв.)

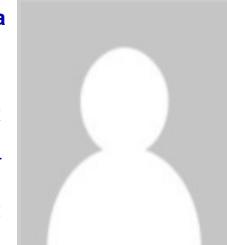
Семенова Валентина Григорьевна

ORCID: 0009-0002-9982-6111

доктор филологических наук

доцент, кафедра "Якутская литература", Северо-Восточный федеральный университет
677013, Россия, республика Якутия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42

✉ semenova_ykt@mail.ru

Ефимова Людмила Степановна

ORCID: 0009-0007-5685-9622

доктор филологических наук

доцент, кафедра "Культурология", Северо-Восточный федеральный университет имени М.К.
Аммосова
677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, оф. 226

✉ ludmilaxoco@mail.ru

Башарина Зоя Константиновна

ORCID: 0009-0004-9457-4546

доктор филологических наук

профессор, кафедра "Якутская литература", Северо-Восточный федеральный университет имени М.К.
Аммосова
677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, оф. 235

✉ zbacharina@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70394

EDN:

DDPTGB

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2024

Дата публикации:

13-04-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной статье стали тексты фольклора и литературных произведений конца XIX-начала XX вв., посвященные проблеме пьянства. Начиная с конца XIX в., в фольклорной традиции якутов появились «песни о водке», поясняющие народу пагубное влияние спиртных напитков. Особой заслугой народных певцов можно считать то, что они наравне с представителями передовой интеллигенции стали инициаторами борьбы с пьянством в Якутии. В 1910-х гг. основоположником якутской литературы А. Е. Кулаковским были написаны два произведения, посвященные проблеме алкоголизма. Это были первые в художественной словесности якутов произведения, представленные в форме литературных жанров: стихотворение и поэма с ярко выраженным и развивающимся сюжетом, стройной композицией. Основными методами явились историко-культурный, сравнительно-исторический методы исследования. При анализе, интерпретации текстов был использование герменевтический метод. Научная новизна работы состоит в том, что авторами предпринимается попытка комплексного исследования проблемы алкоголя в фольклорных и литературных произведениях дореволюционного периода. При исследовании текстов были впервые введены в научный оборот неизвестные ранее архивные документы. Авторы приходят к выводу, что, народные певцы поднимали в песнях проблему пьянства, показывали ее вредное воздействие на человека, а первопоэт, понимая, что алкоголизация может обрести характер национальной угрозы, наглядно продемонстрировал через свои произведения, чем может быть чревата алкогольная зависимость, как она может рушить судьбы людей. А. Е. Кулаковский, будучи просветителем, общественным деятелем, духовным лидером нации, через свое творчество пытался предостеречь свой народ от чрезмерного потребления спиртных напитков. Авторы по праву считают его одним из зчинателей трезвенного движения в Якутии.

Ключевые слова:

устная традиция, фольклор якутов, народные певцы, изустная литература, художественная литература, проблема пьянства, алкоголизм, Кулаковский, Оросин, обращение к народу

ВВЕДЕНИЕ

Алкоголь и культура питья алкогольных напитков считаются привнесёнными культурными явлениями в якутском сообществе. С XVII в., с момента присоединения Якутии к Российскому государству, вследствие нового витка социально-культурного развития в крае, начался процесс аккультурации – адаптации коммуниканта (жителей Якутии) к новой культуре. Якуты быстро переняли новшество, оказавшее негативные последствия в социокультурной жизни народа.

Древние якуты не употребляли напитки, содержащие этиловый спирт в значительных процентах. Об этом в частности отмечал и этнограф В. Л. Серошевский в своем

фундаментальном труде «Якуты» (1896): «Водку пьют редко и считают ее не за пищу, а за лакомство. Ценят в ней, конечно, только ее охмеляющее свойство. Хотя у них есть свое якутское название – арги, очень похожее на архи соётов, но якуты не умеют, как последние, добывать водку из кумыса. В якутских преданиях и песнях я тоже нигде не нашел указания на самобытное производство водки. Если они знали его, то забыли, и с водкой их опять познакомили русские» [\[1, с. 313\]](#). Национальный напиток – кымыс якуты производили из кобыльего молока, он содержал только 1,02 – 1,40 % спирта [\[2, с. 12\]](#). Якутский кымыс имеет аналогичную технологию изготовления с напитками из кобыльего молока других тюркских народов (казахов, киргизов, алтайцев, башкир). У большинства тюркских народов наблюдается одинаковый состав напитков, который состоит из свежего кобыльего молока и закваски. Идентичен сосуд для закваски, который изготавливался из непромокаемой кожи домашних животных. Однаковы мешалки с дырками и с ручкой, идентична технология брожения путем частого помешивания. Напиток содержит почти все элементы, необходимые для поддержания здоровья и нормального функционирования органов: витамины группы В; витамины А, Е (витамины молодости и красоты); аскорбиновую кислоту; витамины F, K; кальций; магний и калий; фтор; натрий. Таким образом, у якутов не было сложившейся традиции культурного употребления алкогольных напитков, как в других цивилизованных обществах.

Исследователь А. В. Николаев [\[3\]](#) выделил три основных этапа историографии изучения пьянства в России. Первый этап охватывал дореволюционный период, второй – советский (с 1917 по 1991 гг.), третий – постсоветский (с 1992 по 2001 гг.). По его материалам, сначала литература о пьянстве и алкоголизме возникла в зарубежных странах. Так, в 1581 г. в английской печати обсуждали проблемы употребления алкоголя в войсках. В 1643 г. в Англии было организовано общество по борьбе с пьянством. В России одним из первых изданий по проблеме пьянства в 1843 г. была книга Б. Крамера. В 1868 г. издана монография русского историка и этнографа И. Г. Прыжова. К данной проблеме сначала подключились представители медицинской науки (Н. И. Григорьев, А. М. Коровин), затем юристы (А. Ф. Кони и др.), представители Государственной Думы (М. Г. Котельников, М. Д. Челышев) и др. 28 декабря 1909 г. начал свою работу первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Начался первый этап актуализации проблемы пьянства и борьбы с этим недугом в российском обществе.

Общественное мнение о распространении и вреде алкогольных напитков в Якутии сложилось еще на заре XX века. Так, в 1901 г. в газете «Сибирская жизнь» была напечатана статья просветителя, священника, учителя Сунтарской церковно-приходской школы Вилюйского округа И. Е. Попова «Винная монополия в Якутской области». В статье автор высказывает свое беспокойство о нарастающей потребности населения в алкоголе: «Нет надобности говорить о том, насколько сильно якуты пристрастны к спиртным напиткам. Уже достаточно писалось о водке, как о причине падения инородческого хозяйства, семейного разлада, разнородных болезней и преступлений. Со своей стороны я считаю своевременным сказать: если якуты не совсем погибли от водки, то лишь благодаря запрещению винной торговли в инородческих стойбищах» [\[4, с. 14\]](#). Далее он просит, чтобы руководство области не допустило продажу казенного вина и открытие питейных заведений в инородческих стойбищах. В 1912 г. в газете «Саха сааты» была напечатана статья одного из первых выпускников Якутской фельдшерско-акушерской школы В. Г. Местникова «Арыги буортута (Вред алкоголя)». В ней автор впервые с точки зрения медицинской науки актуализирует проблему алкоголизма как о вредном заболевании, о влиянии алкоголя на организм человека и его потомков [\[5\]](#). Активный научный интерес к исследованию проблем пьянства в Республике Саха

(Якутия) начался только в постсоветский период. В основном к данной теме исследования включаются медики, имеющие научную степень [\[6; 7; 8; 9\]](#).

Активное употребление алкогольных напитков якутами началось с конца XIX века с широким завозом алкогольной продукции из России на территорию Якутии. В Якутии первыми проблему пьянства поставили народные певцы, произведения которых широко распространялись в области и были популярны среди населения.

Предметом исследования в данной статье стали тексты фольклора и литературных произведений конца XIX – начала XX вв., посвященные проблеме пьянства. Основными методами явились историко-культурный, сравнительно-исторический методы исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что авторами предпринимается попытка комплексного исследования проблемы алкоголя в фольклорных и литературных произведениях дореволюционного периода. Впервые объектом научного исследования стали и введены в научный оборот тексты неизвестных ранее широкому кругу читателей архивные документы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Носители фольклорной традиции, певцы, олонхосуты (сказители эпоса олонхо), как выразители народных чаяний, в конце XIX века пытались критически анализировать, осмысливать негативное влияние алкоголя, вредного воздействия пьянства и распространения алкоголизма в Якутии.

Проблема пьянства в устном творчестве якутов.

Одним из первых напечатанных произведений на данную тему является песня «Арыгы ырыата (Песня про водку)» размером в 154 строк, изданная в 1890 г. в журнале «Живая старина» [\[10\]](#). Песня была записана со слов неизвестного певца и переведена на русский язык казаком Якутского полка Н. И. Безносовым. В публикации имеется заметка о том, что «песня была сложена якутами в первое время доставления в г. Якутск казённых спиртных напитков и с того времени перешла к их потомкам – нашим современникам» [\[10, с. 33\]](#). В издательство г. Санкт-Петербурга текст песни был доставлен В.Л. Приклонским. Следует отметить, что В. Л. Приклонский, будучи чиновником, работая в Якутской области, приложил немало сил для сбора, публикации якутских этнографических и фольклорных материалов. Так, на 26-30-х страницах вышеуказанного отдела первого издания журнала были включены тексты якутских загадок с переводом на русский язык. В других выпусках журнала были напечатаны собранные им якутские народные поверия и сказки.

В советское время текст данной песни в обработанном, незначительно измененном варианте был напечатан в сборнике «Саха народнай ырыалара (Якутские народные песни)» с параллельным переводом на русский язык [\[11, с. 324-331\]](#). При сравнительном анализе нами установлено, что в основном, редакторы придерживались перевода Н. И. Безносова (1890) с некоторыми исправлениями редакционного характера. «Арыгы ырыата» была широко распространённой песней у народа саха. По классификации Г. У. Эргиса, песни такого содержания и характера относятся к третьей группе народных песен - песням о труде и быте, непосредственно связанным с повседневной практической деятельностью якутов. Появление песен о водке Г. У. Эргис объяснял новыми явлениями в экономике, быту и общественной жизни народа саха. Он писал, что

в данной «песне картинно описывается производство, продажа водки и пагубные последствия пьянства. Якутов спаивали купцы и скупали у них за бесценок пушнину и продукты их труда» [\[12, с. 317\]](#).

Песня «Арыгы ырыата» по содержанию состоит из нескольких логически построенных и связанных между собой определённых частей. Как отмечал Г. У. Эргис, певец сначала описывает производство водки, подчёркивая привнесённый извне характер данной продукции в Якутию. В начале песни процесс производства водки воспевается следующим образом:

Текст на якутском языке	Перевод на русский язык
Арыгычаан аллаах аатырыан аатырбыт,	Водочка бойкая недаром именовалась,
Буодкаачаан боддоочоон суралырыан сурабырбыт,	Водочка славная недаром прославилась,
Үрдүк сиргэ үөскээбит,	В высшем месте произошла,
Төрүт сиргэ төрөөбүт.	В коренном месте родилась
Россияба (в издании 1977 года это слово пропущено – С.В., Е.Л., Б.З.)	
Ол дойду	В ... той стране,
Уохтатын уутун уобурдан турان	Соку охты придав крепость,
Москвам сиригэр (в издании 1977 года это слово пропущено)	
Бурдук уутун бунаран,	Настой муки перегнав
Булкуйаннар буодка онордулар	И размешавши, водку сделали
[10, С. 224 - 225]	

В первой части песни описывается процесс производства водки в России, в частности в Москве. Её готовили, перегнав настой муки, и придавали крепость данному напитку, прибавив сок охты.

Далее во второй части песни певец подробно описывает процесс транспортировки водки в Якутию. При этом подчёркивается государственная поддержка производства водки: «Сокуунунан холбооннор, Луохтуур тойоттор боруобуйдаан туран, Уохтаах, күүстээх буоллун диэн, Үрдүк сиргэ көрдөрөн, Бөбөргөтөн туран, Үйаабынан ыныран ылан, Ханаак хамаандаларын Хара тыла танаардылар (С законом согласуя, господа доктора испробовав её, «крепкая сильная будет», - говоря, в высшем месте показавши, подкрепив (этим самым), указом вызвав, казачью команду, отправили в лес)» [там же]. Действительно, ввоз водки в отдаленные окраины был согласован законом в кругах высших властей вследствие проводимой государством питейной политики для пополнения бюджета страны. Как видно из текста песни, в доставке товара принимают участие казаки, служивые люди, военнослужащие Русского государства, набранные из вольных людей в XVIII в.

Казаки, тщательным образом подготовив товар, отправляют его в Якутск речным транспортом. Для передачи данного процесса певец использует сравнения. Как известно, сравнение характеризуется как «стилистическое средство, с помощью которого, предметы, явления, состояния, действия, живые существа в разнообразных парных сочетаниях представляются как «равные» в целом, определенными частями или качествами» [\[13, с. 108\]](#). Казаки готовят упаковочные материалы из дерева к вывозке водки «ырыга курдук ылсаран, туой (в оригинале – той в значении «праздник» - С.В.,

Е.Л., Б.З.) курдук тутан, күлүү курдук күөбүллээн, ооннүү курдук устуруустаан баран (как песню сложивши, как глиной (в оригинале той – на празднике) смастерили, как смех скобливши, как игру выстругав)» [\[11, с. 324-325\]](#). То есть они выполняют перевозку водки в весьма радостном, приподнятом настроении.

В третьей части песни представлены пагубные последствия пьянства. Из 154 строк песни 61 строка посвящена проблемам пьянства. Пьянство определяется специалистами как злоупотребление алкоголем, но без признаков физической и психической зависимости в отличие от алкоголизма, сопровождающегося болезненной зависимостью. В начале песни народный певец отстраненно описывает ее как новое явление в якутском сообществе, показывает отношение разных сословий к винно-водочным изделиям. Автор отмечает, что в качестве привезённого товара водка была привлекательна для тех, кто имел деньги, кто мог бы приобрести, купить, пить и насладиться ею. Действительно, сначала употребление алкогольных напитков было привилегией высших сословий: «маанылары батыста, баайдары талтаата, көрсүөлэри кытта кэлсэттэ, билээччины билистэ, сокуонньюкка туһаайды (за почтенными погналась, богатых полюбила, с умными поговорила, со знакомыми познакомилась, с законниками встретилась)» [\[11, с. 328-329\]](#). Далее певец описывает отрицательные и пагубные последствия водки. Так постепенно алкогольные напитки становятся привлекательными и для низших сословий общества. В песне выразительно и образно описывается отрицательное действие алкоголя на социальное положение человека: «өтөр со□ус үрдүк дьиэлээ□и намтатт^ы вскорости имеющих высокие дома – понизила), киэ□ дьиэлээ□и аччат^ы (просторные дома – уменьшила), ойуулаах оронно□у уларытта (узорные кровати – переменила), онох үрдэ оронното (на печках заставила спать), орогуо^{на} суор□аннаата (одеялом из рогожи), кирчииччэ сыттыктаата (подушку из кирпичей уложила), солко курдаа□ы сутука курдаата (имеющих шёлковые кушаки, заставила заменить тальником), көмүс курдаа□ы көлөпүнэ курдаата (серебряные пояса переменила на конопляные)» [\[11, с. 398-399\]](#). Далее певец раскрывает истинную сущность алкоголя и выражает опасения, что алкоголь широко распространился по улусам Якутии: «то□ус улуу^ы туолла, а□ыс улуу^ы ар□арда, сэт улуу^ы ситэн сиэллэ (девять улусов заполнила, восемь улусов обхехала, семь улусов рысью обежала)» [\[11, с. 330-331\]](#). В песне также отмечается, что для привлечения внимания потребителей спиртные напитки стали разносортными: десертным, наливкой, спиртом, фруктовым, ромом, вишневым и т. д. В конце песни в нескольких строках певец предпринимает попытки показать губительные последствия, разорительные действия алкоголя. Произведение заканчивается словами «Күтүр өстөөх! Күөгэлдьийэн, нусхалдьыйан, куччаан, улаатан көстөн, сүтэн күөрэйэн» (Эко враждебная! Пошевеливается, не торопится, уменьшается, увеличиваясь, виднеется, теряясь, поднимается) [там же].

В архиве Э. К. Пекарского имеется вторая песня с таким же названием, записанная Н. П. Припузовым 26 января 1894 г. [\[14\]](#). В рукописи Пекарский отметил: «Прислана в мое распоряжение Д. А. Клеменцом для приобщения к фольклорному материалу, собиравшемуся мною и другими участниками Сибиряковской экспедиции (1894-1896-е гг.)». Короткое, имеющее всего 22 строки, произведение названо «Песня водки», но в тексте речи о ней не ведется. Можно думать, что остальная часть была утеряна или данная песня была сложена в самом начале ввоза алкогольной продукции в область, когда еще якутяне не ощутили полностью на себе ее пагубное воздействие. Певец, сидя за столом с драгоценным сосудом зеленого цвета, который был создан с благословения царя-государя, в приподнятом настроении воспевает жизнь, призывает всех веселиться и радоваться. На наш взгляд, песня может отразить первое впечатление народа о

спиртных напитках на самом раннем этапе знакомства с ними.

На примере двух народных песен о водке, бытовавших в народе, возможно, в долгое время, но записанных информаторами в конце XIX в., можно констатировать, что народные певцы со временем поняли пагубное влияние спиртных напитков и пытались донести до народа о вреде употребления алкоголя.

Песни о водке в произведениях изустной литературы.

В дореволюционный период одной из ранних записей песен о водке и пьянстве является самозапись народного певца, олонхосута из II Игидейского наслега Ботурусского улуса Константина Григорьевича Оросина, сделанная в 1889 г. [\[15\]](#). Он был выходцем из богатой семьи Оросиных, обучался грамоте у Э. К. Пекарского. Константин Оросин по просьбе своего учителя записал тексты одного из вариантов олонхо «Дъулуруйар Ньургун Бootур (Нюргун Бootур Стремительный)» и народные песни – тойуки мифологического характера.

К. Г. Оросин был ярким представителем якутской изустной литературы, следующего за фольклором и предшествующего литературе этапа развития художественного сознания народа. Как отмечают исследователи, «импровизированные и письменные произведения авторов отличались от фольклорных осознанным авторством, непосредственной связью с реальной действительностью, вниманием к социальным противоречиям в обществе, устойчивостью текстов, оригинальными художественными средствами, близкими к письменной поэзии» [\[16\]](#).

Песня «Аргы ырыата (Песня о водке)» хранится в личном архиве Э. К. Пекарского, который сделал в рукописи следующую запись: «Написана К. Г. Оросиным 3 февраля 1889 г.; его собственная импровизация» [\[15, с. 17\]](#). Песня хорошо сложена с соблюдением поэтических особенностей и использованием традиционных средств художественной выразительности устного творчества. Но произведение Оросина отличается от народных песен тем, что написано от личного имени, что нарушает истинную природу фольклорного произведения. В первой части произведения, имеющего всего 92 строки, автор в духе народных песен представляет происхождение алкогольных изделий. Затем лирический герой описывает влияние алкоголя на организм человека, вызывающего изменение его психического и физиологического состояния: после двух рюмок у пьющего кружится голова, замедляются движения, а после третьей внезапно появляются силы, агрессивный настрой и герой продолжает пьянство. Затем певец обстоятельно, во всех подробностях, описывает проявления похмелья, внутреннее состояние героя. Авторство поэта-импровизатора ярко выразилось в заключении, содержащем ключевую идею произведения:

Дъэ мин дуумайдаан-толкуйдаан көрдөхпүнэ – Если задуматься, дети, кажется,

Күндүгэ-мааныга, чиэскэ Водка предназначена только

Оонньюуга, көргө, урууга, ыһыахха Для угощенья в одну-две рюмки

Биирдии иккилии үрүүмпэни иһэргэ На праздниках, свадьбах,

Анаммыт ас эбит, оболор! ысыахе и в торжествах. [\[15, с. 19\]](#)

Как видно из произведения, певец отразил первые впечатления после знакомства и употребления спиртных напитков, но он пока не осознает вред пьянства и ратует за

«культурное питие».

В 1912 г. силами зарождающейся якутской интеллигенции был издан первый журнал на якутском языке «Саха са□ата» (1912-1913), ставший большим событием в истории якутской культуры. На его страницах в 1913 г. было опубликовано оригинальное произведение «Бурдук уута Бойун бухатыыр (Мучноводный богатырь Бойун)» автора под псевдонимом Аата Суюх [\[17\]](#). В нём повествование выстроено в стиле эпического произведения от имени водки, которая изображена в образе богатыря Бойун. Мы предполагаем, что допущена грамматическая ошибка в тексте произведения и считаем, что имя Мучноводного богатыря можно понимать как «Буойун» в значении «сэриинһит (завоеватель)». В семантическом плане водка представляется как завоеватель умов жителей Якутии. Система событий, рассказанных в произведении, имеет сходство с сюжетами других песен о водке. Так, Богатырь Буойун родом из России, привезён на судне в сопровождении русских казаков. Затем водка становится для всех якутян, от богатого до бедного, одним из любимых развлечений и одновременно очень опасным занятием. В произведении указывается разрушительное последствие пьянства как алкогольная зависимость. У богатыря Буойун характерна крепкая и сильная хватка, примкнувшего к ней она не отпускает никогда: «тутарым кытаанах, бастарыттан атахтарыгар диэри, илиилэриттэн эттэригэр диэри, сүрэхтэриттэн быардарыгар диэри төлөрүйбэт, мүччүрүйбэт, силлибэт кына тутар буолла□ым, кэлгийэрим кириэлкэй(держу (возле себя людей, употребляющих водку – С.В., Е.Л., Б.З.) накрепко, с головы до ног, с рук до туловища, с сердца до печени, не отпуская (их), не отвлекая, не дав шансов, притягиваю к себе навсегда)». Губительные последствия водки переданы в произведении эмоционально окрашенными выражениями: бастаан Байабантай улууһун барабытым, Дүксүн улууһун дьудьэллитетим, Мэ□э улууһун мэлиллитетим, Таатта улууһун дъадъаптым, Нам улууһун татыарыптым, бэл-бэл хааннаах-чыннаах Ха□алас улууһун өлбөөрлүтүм(сначала опустошил Баянтайский улус, из-за меня обеднел Дюпсюонский улус, исчез (население) Мегинский улус, обнищал Таттинский улус, оскудел Намский улус, даже поблёк именитый Хангаласский улус) [\[17, с. 33\]](#). Автор Аата Суюх попытался показать в образе Богатыря Воина убийственную силу алкоголя и тем самым хотел предупредить земляков о вреде водки, который неизменно приводит к алкогольной зависимости.

Как видно из вышеизложенного, в начале XX века злоупотребление алкоголем становится актуальной проблемой общества и представители зарождающейся изустной литературы, авторы оригинальных произведений К. Г. Оросин и Аата Суюх посвятили свои произведения данному вопросу и выразили свой личный взгляд на алкоголь как на наступающую угрозу для народа.

Поэт А. Е. Кулаковский – зачинатель трезвенного движения в Якутии.

Основоположник якутской литературы, просветитель, ученый Алексей Елисеевич Кулаковский в своем фундаментальном труде «Якутской интеллигенции» (1912) посвятил немало строк теме употребления алкоголя и пьянства. Он одним из первых понял, что в начале XX в. пьянство постепенно становится проблемой якутского общества. На примере чукчей он показывает, что чрезмерное увлечение спиртными напитками неизменно приводит к гибели нации: «Звероподобные чукчи потому не вымирали до сих пор, что до них пока не касалось ядовитое «дыхание» (тыын) культурных народов. Но теперь их стали уже сильно спаивать спиртом американцы и русские, потому дни их сочтены» [\[18, с. 34\]](#).

Как исследователь и путешественник, немало объездивший Якутию, он изучил жизнь народа со всех сторон и видел, как проблема пьянства добралась до самых отдаленных глубинок северных улусов. Будучи серьезно озабоченным данной проблемой, он призывает принимать принудительные меры: «Нужно принять меры борьбы с пьянством, картежной игрой и курением табаку, так как сам некультурный народ, как бывает всегда, не может бороться своими силами с этими видами «культурной усадьбы» и даже вовсе не понимают их вреда» [\[18, с. 57\]](#). Как человек с развитым рациональным мышлением, выступая за ограничение продажи алкоголя, он предлагает вести борьбу с пьянством на законодательном уровне. В VI части работы «Источники дохода» Кулаковский одним из путей изыскания денежных средств считает »эксплуатацию« таких людских пороков, как пьянство, картежная игра и курение: »Я проектирую так: а) штрафовать всякого, кто купит где бы то ни было бутылку водки, на 50 к. (с торгующими водкой, конечно, по закону); чтобы контролировать покупку водки в городе, нужно установить пункты на главных трактах, в которых можно было бы проверить количество купленной водки. Таким способом мы достигаем двойной выгоды: противодействуем развитию пороков и приобретаем средства на культурные цели» [\[18, с. 70-71\]](#). Примечательно то, что Кулаковский как цельная личность не только ограничился постановкой острых вопросов современности в своих публицистических и научных трудах, но и начал немедленно воплощать свои идеи в реальность через свои произведения. Так в 1915-16 гг. он выразил свое видение в поэтических произведениях, посвященных проблеме алкоголизма.

Стихотворение «Итирик бурсуй ырыата» («Бахвальство пьяного богача») было написано А. Е. Кулаковским в 1915 г. в г. Вилюйске. Произведение написано от первого лица в виде монолога сюжетного персонажа, ролевого героя – пресытившегося пьянствующего богача, сидящего за столом, уставленным винами и яствами. Автор в логической последовательности наглядно показывает, как употребление алкоголя влияет на характер и поведение человека, как он постепенно превращается в животное.

Композиционно произведение можно разделить на четыре основные части, в которых переходы от одной темы к другой начинаются с возгласа «Оксиэ, о□олоор» (Оксиэ, дети!). Концы частей также четко обозначены различными вариациями восклицания «Кут!» (Наливай!).

Вступительная часть начинается с обращения к слушателям: «Уой, нойоттоор! Уой, хотуектаар!» (Ой, парни! Ой, девчонки!). Богач радуется, что наступил долгожданный час пьянства. О его зажиточности свидетельствует богатый стол, уставленный лучшими блюдами якутской кухни: брюшным жиром лошади, замороженным осетром, различными напитками. В начале произведения пьяница предстает как человек широкой души, который открыто и искренне высказывает свои сокровенные мысли.

Чтобы сделать речь персонажа более выразительной, автор широко использует фразеологические выражения, поговорки, пословицы. Так, в первой части включение автором в текст поговорок и пословиц о счастливой судьбе показывают торжество, счастливые минуты в жизни богача. Но по степени опьянения его речь, стиль поведения меняются. Наглость, дерзость богача показывают его обращения к присутствующим, оскорбляющие и унижающие их человеческое достоинство: «Акаарылаар!» (Дураки!), «Эрэйдээхтээр!» (Бедные!). Меняется и физическое состояние героя:

Мэйиним эргийдэ, Кружится голова,

Хааным тарбанна, Схлынула кровь,

Куртабым курулуйда! В желудке изжога!

[\[19, с. 265. Здесь и далее подстрочник наш\]](#)

Обращение к окружающим становится угрожающим, он принимается заставлять пить участников застолья: «Иһи□ диэтим, иһи□! Испэтэххитинэ сирэйгитигэр ыһыам! Омурпатаххытына уолуккутугар кутуом! (Пейте, Я сказал - пейте! Если откажетесь, брызну в лицо! Если не выпьете, налью за пазуху!)». Обслуживающему парню богач строго приказывает: «Давай наливай, мальчик! Пока не зарю твоё темя! (Кута тат, уол! Оройгун онуом суюба буоллар!)».

Во второй части богач кичится могуществом, выраженным в якутских поговорках о добром молодце. Нарастание агрессии пьющего показывает его не только пренебрежительное, грубое обращение к молодому человеку: «Кулут уол! Кутаргын кубулутума! Куккун үргүтүөм, Куйахабын күүрдүөм! (Парень-раб! Не переставай наливать! Душу твою вспугну так, что волосы у тебя дыбом встанут!)», но и изменения его психологического состояния под влиянием сильной дозы алкоголя.

В последующей части бахвальство самодура достигает апогея: он чувствует себя победителем, находится на верху блаженства. Уродливая суть проявляется в безудержном хвастовстве человека, который считает, что никого на свете нет, кто бы превзошел его в умственных способностях и красноречии. Данный отрезок заканчивается словами: «Кут!.. Кут!.. Кут!.. (Наливай!.. Наливай!.. Наливай!..)»

В четвертой части сюжета персонаж демонстрирует деструктивное поведение. Крайняя степень опьянения, возникшая в следствие от неумеренного потребления алкоголя, проявляется в его девиантности, в желании драться, бороться, убивать, вооружившись палкой и ножом. Но все же под действием спиртных напитков ярко выраженный агрессивный настрой пьющего резко меняется и он, теряя разум, еле бормочет: «Кут! Оксия! (Наливай! Оксия!)».

Заключительная часть произведения выражена всего в двух бессвязных строках, показывающих неадекватное поведение богача и вызывающих горький смех у читателя:

Түн-тэн... түлэс-балас... бул-бал буоллум дуу?..

Ө-ө-ө-өх...

В последней строке автор эффективно использует акустические возможности языка, имитируя звук физиологического процесса опорожнения желудка, который вызывает у читателя чувство глубокой брезгливости.

Кулаковский подробно описывая все стадии опьянения, различные психологические состояния, наглядно показывает, как меняется и деградирует пьющий человек. Интересно то, что герой произведения сам разоблачает свою никчемную сущность. Автор преднамеренно не выражает своего отношения или осуждения, а просто наблюдает и описывает происходящее. Но все же скрытый дидактический смысл произведения доводит до читателя: пьянство ни к чему хорошему не приведет.

В произведении, написанном от первого лица, не может быть описания наружности персонажа. Но здесь мы согласимся с мнением исследователя В. Е. Хализева, считающего, что понятие «портрет» включает в себя не только отражение внешнего облика, но и фиксацию того, что сформировано в человеке социальной средой, культурной традицией, его индивидуальностью и находит выражение в характерных

нормах поведения [\[20, с. 181\]](#). Действительно, в данном произведении ярко и полностью раскрывается портрет богача-самодура: его внутренняя сущность, социальная характеристика.

Чтобы передать эмоции и саркастически разоблачить отрицательного персонажа, автор использовал ряд художественных приёмов, таких как градация и ирония. Как известно, «градация (греч. gradatio – постепенность) – стилистическая фигура, в которой определения группируются в известном порядке – нарастания или ослабления их эмоционально-смысовой значимости. Градация усиливает эмоциональное звучание стиха» [\[21, с. 60\]](#). В качестве примера можно привести следующие строки:

Эрбэбим эпчинирдэ, Большой палец стал сильным,

Тинилэбим тирэбирдэ, Появилась опора под ногами,

Түөхүм күүхүрдэ!.. Затвердела грудь!

Ээ, дъэ истим! Ох, выпил!

Ээ, дъэ аһаатым! Ох, покушал!

Ээ, дъэ сиэтим! Ох, наелся досыта! (19, с. 266)

Стилистическим средством создания сатирического образа в произведении служит и ирония: «В своем простейшем виде ирония представляет собой один из способов иносказания, когда предмет или какое-то его свойство обозначается словом или словами прямо противоположного смысла с целью комической характеристики действительного значения предмета» [\[22, с. 126\]](#). В произведении пьяница представляет себя лучшим представителем народа:

Уол обо одъунааһа, Смелчаком и храбрецом,

Киһи бөбө киргилээбэ, Лучшим из людей,

Саха бөбө талыыта Отборным из якутов

Мин буолабын! Являюсь я! [\[19, 223\]](#)

Большая эмоциональная насыщенность произведения подчеркивается и многочисленными восклицательными знаками. Из 146 строк стихотворения 50 заканчиваются восклицательным знаком. Кроме того, внутри 7 строк есть этот знак препинания. Вопросительные знаки встретились лишь в 4 строках, включая последние пять, где также преобладают несколько троеточий, показывающих незавершенное высказывание, прерванность действия.

Следующее произведение «Арыгы» («Оборотень») (дословно – водка) было написано поэтом в 1915 г. в г. Якутске. Его жанр можно определить как поэму с дидактическим пафосом, где проблема пьянства раскрывается через восприятие и оценку лирического героя. Герой – певец или сказитель времени от времени ласково и доверительно обращается к слушателям словами: «Алтаннаахай атастарым» (Золотые друзья), «Көмүстээхэй дьүөгэлэрим» (Серебряные подруги), «До□отторуом» (Друзья мои), «Оболоор» (Дети мои), призывая прислушиваться к его словам.

Поэма состоит из четырех частей, разделенных астерилизмом (тремя звездочками). В начале поэмы, когда для певца настал «долгожданный час развлекать гостей», он

представляет предмет своего рассказа - водку как огромную напасть, изъездившую весь мир («Аан дайды дьонун Ат кынан мииммит Арыгы дъаалы»). Описание компонентов (ягодный сироп, картофельный крахмал, пшеничный настой), технологии производства спиртных напитков, способы и механизм их распространения не отличаются от подобных описаний в вышеуказанных вариантах народных песен. Писатель с горечью отмечает, что Якутии не удалось избежать ввоза алкогольной продукции, которую доставляют по Лене на барже и пароходе.

Вторая, самая короткая часть, состоящая из 23 строк, начинается с восклицания »Ардъаалы, ар-татай, о□олор!». Лирический герой «восхищается» чудесными свойствами напитка: коварством, притворством, способностью перевоплощаться. Удивляется и тому, что независимо от сословий, национальности, возраста и характера многие попали под ее чудодейственные чары и возжелали заполучить «волшебное зелье». Таким образом, автор перед собой ставит вопрос: «В чем его притяжение?»

В третьей части, начинающейся с выражения «Если приглядеться С доброй стороны, Кажется она Самым лучшим напитком», автор сначала описывает положительные стороны водки. Так, выпив его в малых дозах, человек, постигнутый горем, может заплакать и беды облегчить; грубый становится ласковым, злой – добрым:

Сылайбыты сылааннытта, Уставшего успокоил,
Тонмуту тонолутта, Замерзшего погрел,
Хатараабыты хааннаата, У малокровного вызвал прилив крови,
Мөлтөбү күүстээх кынна Слабого сделал сильным,
Бытааны быһый кынна Медленного сделал быстрым,
Сыппабы сытыы кынна. Нерешительного - смелым. [\[23, с. 301\]](#)

С ее помощью незнакомые прежде люди могут стать друзьями, мирятся кровные враги, везде где водка – там веселье и смех. Этот напиток стал обязательным угощением на новоселье, свадьбе, национальном празднике ысыах. Как средство общения, он стал незаменим, когда нужно задобрить сильного шамана, пригласить известного певца или развеселить уважаемого кузнеца. Автор также отмечает, что водка постепенно стала частью обрядовой культуры якутов: ею кормят духов огня, воды, леса.

Затем автор переходит к описанию худших сторон, вреда алкоголя: «Если переусердствовать, не воздерживаться, выпивать через меру – можно только пенять на себя». Обращаясь к «прекрасным друзьям», поэт рассказывает, как чрезмерное употребление алкоголем разлагает человека, отравляет организм, приводит к физической и психической зависимости:

Ыраас хааннаабы Красивого наружностью
Ыдьырхай сырайдыыр... В уродца превратит,
Тэлибирэс бэйэлээбү Тонкого, нежного
Тэллийэ онорор... Сделает лежащим пластом.
Үтүө үрдүүрүн Богатство порушив,
Үлтүрүтэн баран Именитого сделает

Үөлэстээби өнөтөр... Нищим бродягой...

Арбабас танастыыр, Оденет в лохмотья,

Оробуоһа суорбанныыыр, Дасть одеяло из рогожи,

Сутуга курдуур... Веревочку вместо ремня. [\[23, с. 305\]](#)

Особое внимание поэт обращает на алкоголизм как причину вырождения потомства, предупреждает, что наследники будут болезненные, хворые, с физическими недугами. В самом конце рассказывает о разлагающем действии алкоголя на нравственные устои человека и общества:

Куһабанна куудъуйар, Побуждает к дурному,

Уорарга уһуяр, Заставляет воровать,

Өлөрөргө үөрэтэр... Учит убивать. [\[23, с. 306\]](#)

Как видно, в данной части поэмы поэт критически осмысливает проблему, рассматривая с разных сторон. Не оспаривая некоторые полезные свойства алкоголя, он заостряет свое внимание на его отрицательных свойствах. Так описанию положительных сторон алкоголя посвящено 96 строк, а о негативных качествах, последствиях, вредном воздействии сообщается в 138 строках, из чего видно, что негативные качества превалируют над первым.

В последних частях произведения рассказывается о том, как пьянство приобрело массовый характер и за короткое время распространилось по всей Якутии, не минуя ни одного населенного пункта, и даже добралось, не боясь сильной пурги до бедных и нищих охотников Северного Ледовитого океана. Перечисляя ареал географического распространения алкоголя, вместе с названиями местностей он использует глаголы с негативной семантикой: «алдъатта» (разбил), «дъаабылаата» (забезобразничал), «өлөртөөтө» (убил), «муодалаата» (запроказничал), «сиэтэлээтэ» (истребил), «то□ртоото» (заморозил), «му□наталаата» (замучил) и т. д. Автор несколько раз иронически называет водку «күтүр дъаалы», «улүү дъаалы», используя частицу «дъаалы», выражющую восторженно-почтительное отношение к предмету. В конце произведения, автор изумляясь изворотливости и хитрости «оборотня», дает обзор хмельных и алкогольных напитков, перечисляя 20 различных сортов:

Кыайыан кыһаннабына Захочет победить –

Кырымыскай буолан кыллыһыйар... Превратится в Крымского,

Сааттыан сахтабына Захочет развлечь –

Сампааныскай буолан сайгыһыйар, В Шампанское развернется,

Биһиретиэн билиннэбинэ Задумает понравиться –

Бисиниэбэй буолан миннэййэр... Усладит вкусом Вишневого...

Сиэри сирэйдэннэбинэ Задушить подумает –

Симирииэпкэ буолан силигилиир. Расцветет Смирновкой. [\[23, с. 308\]](#)

Хотя поэма имеет явно выраженное поучительное содержание, автор не высказывает

прямых оценок или призывов, оставляя финал открытым. Это позволяет читателям самим подумать и поразмыслить. Дидактический пафос, воспитательная направленность поэмы отражаются в идейно-эмоциональной оценке описываемых явлений.

Бессспорно, Кулаковский создал свое произведение, опираясь на фольклорный материал - широко распространенные в то время народные песни о водке. Об этом свидетельствуют образно-выразительные средства, формульные клише фольклора. Если народные певцы поднимали в своих произведениях проблему пьянства, показывали ее вредное воздействие на человека, то первопoэт, понимая, что алкоголизация может обрести характер национальной угрозы, наглядно показал, чем может быть чревата алкоголем зависимость, как она может рушить судьбы людей. Оригинальность произведения также заключается в личностных суждениях автора, резко негативной оценке алкоголизма как актуальной проблеме общества. Если стихотворение «Бахвальство пьяного богача» показывало, как алкоголь действует на физическое и моральное состояние отдельно взятого индивида, то второе произведение раскрывает пьянство как социально-нравственную проблему и порок всего общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проблемы пьянства в Якутии были впервые актуализированы народными певцами и первыми представителями якутской интеллигенции.

Носители фольклорной традиции, певцы, олонхосуты, как выразители народных чаяний в конце XIX века пытались критически проанализировать и осознать негативное влияние алкоголя и довести до народа вредное воздействие пьянства. Из вышеизложенного видно, что некоторые песни могли быть сложены якутами в первую пору ввоза в г. Якутск казённых спиртных напитков и в них отразились первые впечатления народа о спиртных напитках как на «культурное» новшество. Но уже в конце XIX в., увидев и поняв разрушительные последствия алкоголя, народные певцы, а также представители изустной литературы начали слагать песни, ярко выражющие их критический взгляд на пьянство как актуальную проблему общества. Особой заслугой народных певцов мы можем считать то, что они наравне с представителями передовой интеллигенции стали инициаторами борьбы с пьянством в Якутии.

Основоположником якутской литературы А. Е. Кулаковским были написаны два оригинальных сочинения, посвященные проблеме пьянства и алкоголизма. Если ранние произведения устной традиции по данной проблематике были сложены в жанре песни, то в творчестве поэта произведения о вреде пьянства впервые были представлены в форме литературных жанров: стихотворения и поэмы с ярко выраженным и развивающимся сюжетом,стройной композицией. Также нужно отметить, что это были первые художественные произведения в истории якутской литературы, поднимающие тему и проблему пьянства. Вслед за Кулаковским в якутской литературе проблемы алкоголизма были подняты в драмах Н. Д. Неустроева «Дети железного народа» (1917), А. И. Софонова «Споткнувшийся не исправляется» (1917-1922) и др. Примечательно и то, что Кулаковский целенаправленно воплотил, оформил в продукт художественного творчества свои идеи и взгляды, изложенные им в письме «Якутской интеллигенции». А. Е. Кулаковский, будучи просветителем, общественным деятелем, духовным лидером, через свое творчество пытался предостеречь свой народ от чрезмерного потребления спиртных напитков, и мы по праву можем считать его одним из зачинателей трезвенного движения в Якутии.

Библиография

1. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования.-2-е изд.-М.: РООСПЭН, 1993.-736 с.
2. Павлова А. И. Молочная продуктивность кобыл якутской породы и технология производства замороженного кобыльего молока. Автореф. дисс... канд. сельскохозяйственных наук. – Якутск, 2004. – 20 с.
3. Николаев А. В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894-1932 гг.: опыт отечественной истории. Автореф. дисс... канд. исторических наук. – 2002. – 21 с.
4. Попов И. Е. Винная монополия в Якутской области / В долине скорби: (Рассказы и заметки из жизни якутов). Ч. I. – Якутск: Обл. Тип., 1914. – С. 14-15.
5. Местников В. Г. Арыгы буортута = Вред водки // Саха саната. – 1912.-№4. – С. 29-32.
6. Матвеева Н. П. Распространенность, факторы риска и клиническая динамика алкоголизма и алкогольных психозов среди коренного населения Республики Саха (Якутия) (этнокультурный, реабилитационный аспекты). Автореф. дисс... канд. медицинских наук. – Томск, 2010. – 24 с.
7. Алексеева С. Н. Особенности состояния здоровья и микроэлементного статуса новорожденных, родившихся у матерей, употребляющих алкоголь (на примере г. Якутска). Автореф. дисс... канд. медицинских наук. – Якутск, 2011. – 21 с.
8. Софонова Г. И. Клинические и этические особенности течения фетального алкогольного синдрома у детей в Республике Саха (Якутия). Автореф. дисс... канд. медицинских наук. – СПб, 2013. – 27 с.
9. Бессонова О. Г. Научное обоснование совершенствования организационных мероприятий по снижению алкоголь-атрибутивной смертности в Республике Саха (Якутия). Автореф. дисс... канд. медицинских наук. – М., 2022. – 25 с.
10. Арыгы ырыата = Песня водки [без автора] // Живая старина. Выпуск 1. Отдел II. – 1890. – С. 30-33.
11. Саха народнай ырыалара = Якутские народные песни. Часть II. – Якутск: Кн. изд-во, 1977. – 422 с.
12. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.
13. Селиванов Ф. М. Сравнение в былинах // Фольклор как искусство слова. Выпуск 3. Художественные средства русского народного поэтического творчества.– М.: Изд-во Московского университета, 1975. – С. 107-127.
14. Арыгы ырыата = Песня водки [без автора] / Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф.99, оп.2, д.3, лл. 19-20.
15. Оросин К. Г. Арыгы ырыата = Песня о водке / Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф.99, оп.2, д.3, лл. 17-19.
16. Семенова В. Г. Изустная литература как особая форма творчества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №12 (Ч. 4). – С. 48-51.
17. Аата Суюх. Бурдук уута Бойун Бухатыр = Мучноводный богатырь Воин // Голос якута. – 1913. – №2. – С. 32-33.
18. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1992. – 78 с.
19. Кулаковский А. Е. Итирик бурсуй ырыата = Бахвальство пьяного богача // Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Поэтические произведения. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 264-268.
20. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. – Москва: Высшая школа, 1999. – 398 с.

21. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 512 с.
22. Волков И. Ф. Теория литературы: учебное пособие для студентов и преподавателей. – М.: Просвещение; Владос, 1995. – 256 с.
23. Кулаковский А. Е. Арыгы = Оборотень // Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Поэтические произведения. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 298-308.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Проблемы пьянства в устной и литературной традиции якутов (конец XIX-начало XX вв.)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению литературной традиции регионального языка одной из народностей Российской Федерации.

Как известно, у якутов не было сложившейся традиции культурного употребления алкогольных напитков, как в других цивилизованных обществах. Рассмотрению данного феномена, а именно пьянства посвящена рецензируемая статья.

Предметом исследования в данной статье стали тексты фольклора и литературных произведений конца XIX – начала XX вв., посвященные проблеме пьянства.

Научная новизна работы состоит в том, что авторами предпринимается попытка комплексного исследования проблемы алкоголя в фольклорных и литературных произведениях дореволюционного периода. Впервые объектом научного исследования стали и введены в научный оборот тексты неизвестных ранее широкому кругу читателей архивные документы.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились историко-культурный, сравнительно-исторический методы исследования.

К сожалению, в статье отсутствуют данные об отобранном языковом корпусе для проведения исследования, принципах выборке и объеме для того, чтобы сделать вывод насколько данные могут быть верифицируемы. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на якутском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены работы исключительно российских исследователей.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует

отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Проблемы пьянства в устной и литературной традиции якутов (конец XIX-начало XX вв.)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Долгополова Л.А., Мустафаева А.Х. Инфинитив как глагольная форма немецкого языка // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70563 EDN: RQMCJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70563

Инфинитив как глагольная форма немецкого языка**Долгополова Лилия Анатольевна**

ORCID: 0000-0003-1327-2454

доктор филологических наук

профессор, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295044, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Бастionная, 41, оф. –

✉ lilian2000@mail.ru**Мустафаева Алие Хайрединовна**

старший преподаватель, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8, оф. –

✉ alie_mail@mail.ru[Статья из рубрики "Перевод"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.4.70563

EDN:

RQMCJY

Дата направления статьи в редакцию:

19-04-2024

Дата публикации:

26-04-2024

Аннотация: Объектом исследования является инфинитив немецкого языка, а предметом его семантические, структурные и функциональные характеристики, которые позволяют интерпретировать его как глагольную форму. Авторы подробно рассматривают такие аспекты, как специфика выражения инфинитивом глагольного категориального

значения, которая сближает его с именем существительным; структурное членение и микросистему форм инфинитива современного немецкого языка. Морфологические признаки инфинитива рассматриваются через призму исторических изменений структуры слова в немецком языке. Особое внимание авторы уделяют синтаксическому поведению инфинитива, которое в максимальной степени идентично именным частям речи. В то же время авторы отмечают проявление глагольного характера инфинитива в способности формирования глагольной группы. Методологическая основа работы базируется на системном подходе к интерпретации языковых явлений в синхронии и диахронии. Теоретической базой исследования являются фундаментальные положения общего, сравнительно-исторического и германского языкоznания. Были использованы сопоставительный метод и метод дистрибутивного анализа для выявления функционального потенциала инфинитива и инновационных явлений. Основным вкладом проведенного исследования является выявление сложности интерпретации синкетических единиц, к которым принадлежит инфинитив. Было установлено, что на протяжении развития немецкого языка инфинитив постепенно входил в его глагольную систему, утрачивая именные грамматические признаки, как, например, падежную парадигму. В то же время, инфинитив приобретал глагольные признаки, как временное и залоговое значение. Особым вкладом автора является вывод о том, что двойственный характер инфинитива, предопределяющий его периферийное положение, является основой для расширения его функционального потенциала, что способствует участию инфинитива в формировании новых грамматических конструкций/форм. Новизна исследования заключается в выявлении такой функции инфинитива, как участие в образовании глагольных групп, где проявляется максимальная близость с финишным глаголом.

Ключевые слова:

инфinitив, инфинитивная конструкция, категория репрезентации, теория частей речи, структурное членение, падежная форма инфинитива, синкетизм, синтаксические роли, глагольная группа, инфинитивная группа

В теории частей речи, несмотря на ее многовековую историю, до их пор остаются вопросы дискуссионного характера, находящиеся в центре неослабевающего научного интереса. К ним в первую очередь относят выбор единого / комплексного критерия классификации частей речи, а также проблему разграничения и идентификации отдельных лексико-грамматических классов. К последним принадлежат синкетические единицы, которые содержат признаки, по крайней мере, двух частей речи. Так, смешанными единицами с глагольно-именными характеристиками являются нефинитные или именные формы глагола, как инфинитив, причастие, герундий и др.

Целью нашего исследования является определение статуса инфинитива современного немецкого языка в системе его глагольных форм, что предполагает установление специфических и общих глагольных признаков инфинитива.

Инфинитив как глагольная форма обнаруживается практически во всех известных языках. Можно предположить, что он входит в число языковых универсалий. В то же время, его грамматические показатели в различных языковых группах могут существенно отличаться. Если в германских языках форма инфинитива характеризуется единственным конечным *-p*, то в славянских языках, например, русском, существует три

формообразующих элемента: *-ть, -ти, чь*; в даргинском литературном языке, входящем в группу языков иберийско-кавказской семьи, таким показателем инфинитива является единый аффикс *-ес* (*-эс*).

В вопросе о происхождении инфинитива в современной лингвистике нет однозначного решения, хотя он безоговорочно признается переходной формой от одной части речи к другой. Такими частями речи являются имя существительное и глагол. Спорным является вопрос, какую из указанных частей речи признать исходной.

Большинство ученых считают, что основой возникновения инфинитива послужила некая *падежная форма*, чаще всего дательного падежа. В свое время А. М. Пешковский охарактеризовал инфинитив русского языка как «изолированный падеж глагольных существительных женского рода на *-шь, -чь*, потерявших все остальные падежи свои» [\[4, с. 129\]](#). В пользу исходной формы дательного падежа индоевропейских языков по мнению Б. Дельбрюка свидетельствуют ранние случаи его употребления в санскрите [\[10, с. 460\]](#). В то же время Г. Пауль настаивал, что такой формой является застывшая форма винительного падежа [\[17, с. 85\]](#).

Гипотеза о *глагольной происхождении* инфинитива и его перехода в именную парадигму опирается, прежде всего, на теорию транспозиции Ш. Балли [\[11\]](#). Такой переход глагольной формы в имя существительное возможен благодаря изменению синтаксической природы глагола. Вероятно, в пользу данной гипотезу может послужить тот факт, что в некоторых языках, напр. даргинским, у инфинитива отсутствуют именные признаки.

Формирование инфинитива в германских языках, предположительно, происходит в общегерманский период, о чем свидетельствует не только идентичные аффиксы, но и единство его временных и залоговых форм. В процесс становления национальных языков инфинитив приобретает свои специфические черты, отражающие особенности грамматического строя конкретного языка.

Рассмотрим особенности инфинитива немецкого языка с учетом основных параметров языковой единицы, а именно: семантики, внешней формы и функционирования.

Семантика. В свое время семантический критерий выделения частей речи занимал доминирующее положение, особенно при характеристике полнозначных лексем. Что касается глагола, то его категориальным значением считается действие или состояние как процесс [\[5, с. 80\]](#). Представление категориального значение в виде оппозиции *действие / состояние* является очень важным для глагольных форм немецкого языка; оно реализуется в выборе ауксилярных глаголов аналитических форм инфинитива.

Отнесенность нефинитных форм к части речи *глагол* на основе семантического критерия базируется на категории *репрезентации* А. И. Смирницкого, разработанной им на материале английского языка [\[6\]](#). Ученый признает общую семантическую основу финитной и нефинитных форм, но различает способы представления ими самого процесса. Это дает ученому основание говорить о *глагольной* (финитный глагол), *субстантивной* (инфinitив и герундий) и *адъективной* (причастие) формах репрезентации категориального значения. При этом герундий, представляющий, как и инфинитив, субстантивную форму репрезентации, проявляет ее в максимальной степени. Очевидно, что для глагольных форм русского языка характерной будет *адвербиальная* форма репрезентации, которой обладает еще одна глагольная форма – *деепричастие*.

В современном немецком языке инфинитив также будет выражать категориальное значение в субстантивной форме, но в отличие от английского языка он не имеет какой-либо оппозиции, тем самым принимает на себя всевозможные именные признаки. Очевидно, что благодаря этому свойству, инфинитив легко субстантивируется и участвует в образовании новых перифрастических конструкциях, как например, *Progressiv*, как средства для выражения внутренней перспективы действия у предельных глаголов [\[11, с. 411\]](#). Инфинитив при этом употребляется со стяженными предлогами *im*, *am*, *beim* и наречием *dabei*, напр.: *Ich bin am Lesen; er ist dabei, das Buch zu lesen*.

Внешняя форма.

Что касается морфологических показателей инфинитива, то важным, на наш взгляд, являются его структурное членение и наличие различных структурных форм (микросистема форм инфинитива).

Структура инфинитива современного немецкого языка сложилась к началу ранненововерхненемецкого периода (XIV в.). К этому моменту в языке происходят значительные изменения в структурном членении слова в целом, приведшие к дальнейшему сокращению числа элементов. Внешняя форма инфинитива претерпевает следующие изменения:

- происходит утрата падежной категории, а вместе с ней и падежных окончаний. Начиная с конца средневерхненемецкого периода, форма инфинитива с нулевой флексией вытесняет флексивные падежные формы инфинитива. Древнейшие письменные памятники зафиксировали 4 падежные формы единственного числа: **инфинитив аккузатив, инфинитив датив, инфинитив генитив, инфинитив инструменталис** и 1 форму множественного числа – **инфинитив датив**.

Форму инфинитива аккузатива также называют **немаркированным** или **простым инфинитивом**. Как правило, она употреблялась в сочетании с фазовыми глаголами, глаголами движения или говорения: *Quam thô uuîb fon Samariu sceffen uuazzar. Thô quad iru der heilant: «gib mir trinkan»* [\[13\]](#). Ее основной показатель – нулевая флексия.

Форма дательного падежа инфинитива в древне- и средневерхненемецком является самой распространенной. Ее особенность – наличие предлога *zi* / *za* и флексии *-pe*: *in geiste inti uuâre gilimfit zibetône* [\[13\]](#).

Инфинитив генитив употреблялся как обязательное дополнение в родительном падеже ряда глаголов *giniozan* 'вкусить, наслаждаться', *geban* 'давать', *gilisten* 'доставлять радость', *jehan* 'говорить, признавать', *antworten* 'отвечать': *umbi die iomar mioz bitin dina gnada, daz si muozzengniozzen alla mineslebannes...* [\[16\]](#). Со временем указанные глаголы изменили управление дополнением на винительный падеж.

Форма инструменталиса и множественного числа инфинитива датива на момент становления письменного периода немецкого языка встречается крайне редко. Отдельные случаи их употребления упоминаются в работах В. М. Жирмунского [\[3, с. 212\]](#) и В. Брауне [\[9, с. 292\]](#).

С исчезновением оппозиции падежных форм инфинитива, где формальными показателями служили падежные флексии, отпала необходимость выделения нулевой флексии у формы простого инфинитива / инфинитива аккузатив. Со временем унифицируется и конечный аффикс *-el* в связи с утратой разветвленной парадигмы

спряжения глагола, включающую различные морфологические классы.

- категория вида, которая долгое время в истории немецкого языка находилась в стадии формирования, к началу ранненововерхненемецкого периода окончательно исчезла. Ее основной маркер префикс *ge* - закрепляется как обязательный формальный признак причастия II, теряет свое первоначальное видовое значение и выходит из употребления.

В результате указанных процессов структура инфинитива в нововерхненемецком становится двучленной: *geb-en*. Таким образом, структура простого инфинитива современного немецкого языка включает две морфемы – глагольную основу и унифицированный конечный аффикс. Относительно последнего элемента в современной лингвистике нет единого мнения о его морфологическом статусе. Во многих грамматиках *-en* рассматривается как суффикс инфинитива и противопоставляется личным окончаниям глагола [7]. Другие называют его флексийным морфом, поскольку он не участвует в словоформах глагольной парадигмы и в образовании производных от глагола слов, что характерно для окончаний [15].

В современных германских языках принято различать два структурных типа инфинитива: *маркированный* и *немаркированный* / *чистый* инфинитив. Основным маркером такой оппозиции служит формант *zu*, его наличие (маркированный инфинитив): *Er ist bereit, alles zuopfern* [14] или отсутствие (немаркированный / чистый инфинитив): *der Staat würde sich Hilfen ersparen* [14].

Неоднозначный характер функционирования форманта обусловил и противоречивость его интерпретации. В современной лингвистике *zu* трактуют как предлог, частицу, союз или аффикс.

В основе интерпретации *zu* как предлога лежит диахронический подход: изначально он употреблялся с формой инфинитива датива и долгое время сохранял свое значение. Однако, в процессе языкового развития *zu* в сочетании с инфинитивом утратил первоначальное предложное назначение и превратился в элемент, сопровождающий инфинитив в определенной синтаксической позиции.

Ж. Поту предлагает рассматривать формы простого инфинитива и инфинитива с формантом как алломорфы: «инфинитив с *zu* и простой инфинитив имеют один и тот же сигнификат, ни одна из данных форм не сигнализирует о чем-то ином, отличном от другой формы» [18, с. 36].

Формант *zu* в современном немецком языке продолжает сохранять контактную позицию с инфинитивом в отличие от английского языка, где наблюдается становление конструкции с *расщепленным инфинитивом*. Она представляет собой сочетание глагола с наречием, помещаемым между формантами *to* и инфинитивом, тем самым разрывая контакт между элементами, напр., *to accidentally burn* [8, с. 679].

Еще одной структурной особенностью инфинитива современного немецкого языка является его участие в образовании ряда аналитических форм с различными грамматическими значениями, что предопределяет наличие микросистемы форм инфинитива.

Следует отметить, что не все ученые признают ее наличие. Так, У. Энгель выделяет всего одну форму инфинитива – *чистый инфинитив*, что исключает само существование микросистемы [12].

Авторы грамматики ДУДЕН [11, с.189] при описании форм инфинитива исходят из наличия у него двух категорий: времени (*Präsens / Futur I-II / Perfekt*) и залога (*Aktiv / Passiv*). В представленной ими микросистеме формы инфинитива образуют оппозицию по трем признакам: *время Präsens / Futur I-II / Perfekt*, *залог (Aktiv / Passiv)*, *вид пассивного залога (Vorgangspassiv / Zustandspassiv)*, что в результате приводит к выделению восьми форм инфинитива:

- Infinitiv Präsens Aktiv (*loben, erwachen*);
- Infinitiv Futur I Aktiv (*loben/erwachen werden*);
- Infinitiv Perfekt Aktiv (*gelobt haben/ erwacht sein*);
- Infinitiv Futur II Aktiv (*gelobt haben werden, erwacht sein werden*);
- Infinitiv Präsens (Vorgangs)passiv (*gelobt werden*);
- Infinitiv Perfekt (Vorgangs)passiv (*gelobt worden sein*);
- Infinitiv Präsens (Zustands)passiv (*geöffnet sein*);
- Infinitiv Perfekt (Zustands)passiv (*geöffnet gewesen sein*) [11, с.189].

Спорными среди других лингвистов являются формы будущего времени Infinitiv Futur I / Futur II Aktiv. Известные германисты Б. А. Абрамов, О. И. Мокальская, Г. Хельбиг и И. Буша выступают против их выделения как отдельных форм инфинитива, что сводит их количество до 6.

Функционирование. Вопрос о функциональном потенциале инфинитива в лингвистике не вызывает каких-либо противоречий. Лингвисты сходятся во мнении о полифункциональном характере инфинитива, что значительно сближает его с именем существительным. Особенности грамматического строя русского языка, где допускается существование односоставного предложения, позволяют говорить о двух синтаксических типах инфинитива: *зависимого и независимого инфинитива* [2]. Независимый инфинитив выступает в роли подлежащего в двусоставном предложении и главного члена односоставного инфинитивного предложения; зависимый – выполняет функции остальных членов предложения – предикатива, дополнения, обстоятельства и определения.

Инфинитив современного немецкого языка также проявляет полифункциональность. Рассмотрим его возможные синтаксические функции.

Инфинитив в роли предиката. В немецком языке предикат выражается финитной глагольной формой, либо сложной формой, обязательным элементом которой выступает финитный глагол; инфинитив при этом является вторым элементом сложного глагольного предиката. Как правило, в роли финитного глагола выступают аспектные (фазовые): *Er beginnt zu laufen* или модальные глаголы: *Ich möchte Moskau kennen lernen*. При этом каждый элемент сложного сказуемого демонстрируют наличие закрепленных за ними значений. Если финитная форма фазового / модального глагола содержит в себе маркеры грамматических значений лица, числа, времени, залога и наклонения, характеризующие субъект предложения, то инфинитив несет основную смысловую нагрузку, обозначая действие грамматического субъекта.

Набор ауксилярных глаголов в современном немецком языке достаточно велик. В него

входят не только традиционные модальные и фазовые глаголы, но и копулятивные *werden, sein, haben*, а также достаточно большой корпус полумодальных глаголов, как *bleiben, brauchen, scheinen, bekommen, drohen, pflegen* и др., напр.: *Er versteht sich zu benehmen*.

В качестве конкурирующей формы модальных глаголов со значением необходимости функционируют также инфинитивные конструкции *haben + zu + Infinitiv*: *Ich habe mit dir zureden* и *sein + zu + Infinitiv*: *das Telegramm ist noch heute zuschicken*.

Инфинитив в роли субъекта. Предикат в предложении реализует в свое аргументное окружение в виде *внешнего* (субъект) и *внутреннего* (объект) аргумента. В предложениях, где инфинитив является грамматическим субъектом, речь может идти о его роли внешнего аргумента, напр.: *Rauchen ist verboten*. Именно в этом случае наиболее ярко проявляются именные признаки инфинитива: функцию грамматического субъекта могут выполнять только существительные или ряд местоимений в именительном падеже.

Инфинитив в роли субъекта сохраняет глагольную валентность: *Über die Tatsachen hinwegzugehen, ist unklug*. При этом инфинитив образует глагольную группу (VinfP), куда входят зависимые от него элементы. Такая группа часто занимает начальную позицию в предложении:

Über die Tatsachen hinwegzugehen, ist unklug [S [VinfP [PP[NP]] [VP]]].

При перемещении инфинитивной группы в начальной позиции часто появляется безличное местоимение *es*: *Es ist unklug, darüber hinwegzugehen*.

Инфинитив в роли объекта. Грамматическая семантика объекта – уточнение, специализация сказуемого. Выделяют прямое и косвенное дополнение. Первое управляет переходным глаголом и имеет беспредложную форму винительного или родительного падежа. Инфинитив участвует в обеих формах, как прямое дополнение: *Ich lerne singen*; как косвенное дополнение: *Ich freue mich, Sie bald wiederzubegrüßen*.

Инфинитив в роли атрибута. Инфинитив как именное определение входит в именную составляющую предложения, которыми являются субъект: *Sein Betühen, die Prüfung gut zu bestehen, wurde belohnt*; объект: *Er hat das Recht, diese Papiere zu lesen* или предикатив: *Er ist froh, seine Tochter besuchen zu können*.

Как показывает анализ, инфинитив в роли субъекта и объекта демонстрирует разнообразие своего функционального потенциала. Как субъект он согласуется с предикатом, находящимся в активном или пассивном залоге; в роли дополнения он выступает обязательным аргументом предиката, требующего прямого или косвенного дополнения.

Инфинитив в роли обстоятельства. Функция обстоятельства заключается в уточнении признака сказуемого или определения и не зависит от валентности финитного глагола. Чаще всего эту функцию выполняют так называемые инфинитивные обороты / конструкции *um + zu + Infinitiv*: *Ich muss mich beeilen, um den Zug noch zu erreichen*; *statt + zu + Infinitiv*: *Er ging baden, statt seine Hausaufgaben zu machen*; *ohne + zu + Infinitiv*: *Er überquerte die Straße, ohne auf den Verkehr zu achten*.

Как мы видим, инфинитивные конструкции могут выполнять синтаксическую роль обстоятельства образа действия, следствия, условия и цели и др.

Стоит также отметить еще одно проявление синтаксического потенциала инфинитива, в которой максимально проявляется его глагольный характер – участие в образовании глагольной группы: *Sie pflegt [VinfP zu spät zu kommen]*. Эта функция присуща всем глагольным формам, в том числе, и обоим видам причастий.

Суммируя вышесказанное, отметим, что в германистике не прекращаются поиски исчерпывающих критериев идентификации инфинитива в системе грамматических форм глагола современного немецкого языка. Семантические, морфологические и синтаксические показатели инфинитива в большей степени свидетельствуют о его глагольном характере.

В основе разнообразия толкования инфинитива лежит недостаточная разработка самих критериев классификации частей речи, различное понимание объема понятия **инфинитив**; отсутствие комплексного сравнения синтаксического поведения личной и неличных форм.

Остается нерешенной проблема взаимоотношений, *во-первых*, финитной формы и нефинитных форм глагола; *во-вторых*, отдельных нефинитных форм глагольной парадигмы; *в-третьих*, финитной формы глагола и инфинитива. Важным для осознания природы инфинитива в современном немецком языке представляется также его сопоставление с нефинитными формами других германских языков, поскольку система именных форм складывалась после распада германской общности и характеризуется их количественным и качественным несовпадением.

Грамматические исследования выводят лингвистов на новые пути решения проблемы идентификации инфинитива, путем смещения акцента на другие уровни, прежде всего, на синтаксический уровень, где, с одной стороны, инфинитив максимально проявляет близость к имени существительному (синтаксические роли в предложении), с другой стороны – другими глагольными формами (образование глагольных групп).

Двойственный характер инфинитива современного немецкого языка обуславливающий его периферийный характер, дает ему возможность быть гибким и мобильным, а также участвовать в образовании новых грамматических форм.

Список условных обозначений

NP – именная группа

PP – предложная группа

S – предложение

Vinf – инфинитив

VP – глагольная группа

Библиография

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского / пер. с франц. Е. В. и Т. В. Вентцель. М.: URSS, 2001.
2. Беляева, Н.В. Инфинитив: грамматический статус, специфика, проблемы синтаксического разбора [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 3 (30). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/030-003.pdf>
3. Жирмунский В. М. История немецкого языка. Серия История языков народов мира. М.: URSS. 2023.

4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: ООО "Издательство Астрель", ООО "Издательство ACT", 2001.
6. Смирницкий А. Н. Морфология английского языка. М.: URSS, 2019.
7. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высш. школа, 1984
8. Фролова Е. А. Лингвистический статус синтаксической конструкции с расщепленным инфинитивом в английском языке / Мир науки, культуры, образования. № 6 (85). 2020. С. 679-682.
9. Braune W. Althochdeutsche Grammatik. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1955.
10. Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Bd. I. Strassburg: Trübner, 1893.
11. DUDEN: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von der Dudenredaktion, bearb. von P. Eisenberg. [6., neu bearb. Aufl.]. Mannheim; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2005.
12. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 2004.
13. Germanic Lexicon Project.
Texts. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/ohg_sievers_tatian_about.html
14. Grammis. Grammatisches Informationssystem. Infinitivkonstruktionen: <https://grammis.ids-mannheim.de/terminologie/909>
15. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, Verl. Enzyklopädie, 2001.
16. Othlos Gebet. In: Althochdeutsche Lesebuch / Zusammengestellt und mit Wörterbuch. W. Braune (Red.), E.A. Ebbinghaus (Herausg.). Tübingen : Niemeyer. 1994. S. 80-81.
17. Paul H. Deutsche Grammatik. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag. Bd.2, T.III: Flexionslehre. 1958.
18. Poitou J. Zum Status des Infinitivs (reiner Infinitiv und zu-Infinitiv) // Der Infinitiv im Deutschen. J.F. Marillier, C.Rozier (Hg.). Tübingen: Stauffenburg, S. 31-46.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Инфинитив как глагольная форма немецкого языка», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автор к вопросам теоретической грамматики немецкого языка. Так, в вопросе общности морфологических признаков личной и неличных глагольных форм среди германистов также нет единого мнения.

Целью исследования является определение статуса инфинитива современного немецкого языка в системе его глагольных форм, что предполагает установление специфических и общих глагольных признаков инфинитива.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкоznании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами немецком языке, в том числе обращается к истории языка.

К сожалению, автор не приводит подробной информации об объеме языкового

материала, отобранного для проведения исследования. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методами исследования послужили контент и компонентный анализ, методы семантического анализа, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ. Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающейся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых представлены труды как отечественных исследователей, так и зарубежных на немецком языке. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Однако данные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования связана с тем, что его результаты могут быть использованы в курсе теории языка, теоретической грамматики, а также в дальнейших исследованиях в данной области. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Инфинитив как глагольная форма немецкого языка» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Власова В.В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: лексический аспект // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70508 EDN: PYQYHY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70508

Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: лексический аспект

Власова Влада Владимировна

ORCID: 0000-0002-3339-0063

Аспирант кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков, лаборант кафедры иностранных языков филологического факультета; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1142230126@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70508

EDN:

PYQYHY

Дата направления статьи в редакцию:

20-04-2024

Аннотация: Британская национальная идентичность находится в зоне постоянного изучения ученых уже долгий период времени, но после Brexit интерес к этой теме существенно увеличился. Британская нация, особенно та ее часть, которая была на стороне евроскептиков, после Brexit была нацелена на усиление британской идентичности и полного уничтожения какого бы то ни было влияния глобализации на внутреннее мироощущение британской нации. Но, несмотря на ожидание британцев, многие ученые сходятся во мнении, что национальная британская идентичность все же находится в кризисе. Таким образом, объектом данного исследования является культурно-маркированная лексика англоязычного политического дискурса онлайн средств массовой информации (журналы, газеты), а целью представляется выявление актуального состояния британской национальной идентичности посредством анализа слов-реалий политического дискурса современной Великобритании. Актуальные труды (не старше пяти лет) отечественных и зарубежных учёных в области политического дискурса и национальной, в том числе британской, идентичности составляют

методологическую базу исследования. Анализ культурно-маркированной лексики англоязычного политического дискурса осуществляется на основе текстов онлайн-медиа за период январь – апрель 2024 г., что делает исследование новаторским и отражающим тенденции современной лингвистической науки. В результате исследования выявлено, что национальная британская идентичность находится в кризисном состоянии. Брекзит и последующие события давали британской нации надежду на восхождение национальной идентичности и возвращение былого имперского величия, но, анализируя актуальные статьи британских онлайн-изданий по политической тематике, становится очевидно, что международные процессы все еще преобладают над британской национальной идентичностью. Дальнейшая перспектива исследования лежит в области изучения дискурсивного формирования национальной британской идентичности с точки зрения синтаксического, грамматического и социального аспектов.

Ключевые слова:

дискурс, национальная идентичность, Великобритания, британская национальная идентичность, онлайн-издание, культурно-маркированная лексика, политический дискурс, лексический запас, Брекзит, английский язык

В эпоху глобализации вопрос национальной идентичности стоит особенно остро. Говоря о Великобритании, ученые сходятся во мнении, что национальная британская идентичность находится в кризисном состоянии. Виной тому многое как внешних (передача части суверенитета ЕС во время нахождения в Евросоюзе и др.), так и внутригосударственных (ослабление монархии, конец имперского величия и др.) причин.

Цель данного исследования – выявить актуальное состояние британской национальной идентичности посредством анализа слов-реалий политического дискурса из английских онлайн-изданий.

В соответствии с целью определены следующие задачи исследования: описать особенности национальной британской идентичности и ее функционирования в политическом дискурсе; провести выборку слов-реалий политического дискурса в текстах британских онлайн-изданий за период январь 2024 г. – апрель 2024 г. и осуществить их классификационное описание; провести анализ результатов и выявить современное состояние британской национальной идентичности.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды по дискурсивным исследованиям отечественных (коллектив ученых МГИМО — Чигашева М. А., Елизарьева М. А., Ларина Т. С., Крячкова А. П. и др.; Матыцина М. С., Алешина Е. Ю., Голова Д. Д., Шеховцова Е. Е., Мельничук М. В., Стародубцева Е. А., Гарсия-Каселес К., Малenkova A. A., Банщикова М.) и зарубежных (Абрахамян С.) ученых; национальной британской идентичности отечественных (Корниенко О. Ю., Атапин Е. А., Казаков И. В., Игнатова Е. С., Гавриленко Н. В., Малкин С. Г., Мосягина М. С.) и зарубежных (Эдвертон Ф., Рекорд О., Хонейманн В., Паинтер К., Эшфорд Р. Т., Бевир М., Трантер Б., Доног Дж.) ученых.

В исследовании используются как современные (лингвокультурологический и дискурсивный анализ), так и традиционные методы исследования, доказавшие свою эффективность (метод сплошной выборки, описательный метод, сравнительно-исторический метод, лингвостатистический метод, структурный метод, метод изучения словарных дефиниций).

Научная новизна исследования заключается в том, что состояние национальной британской идентичности впервые рассматривается с помощью анализа слов-реалий политического дискурса актуальных публикаций британских онлайн-изданий.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования результатов исследования на занятиях по практическому курсу английского языка; на занятиях семинарского типа по лексикологии, стилистике и лингвокультурологии английского языка; в смежных гуманитарных областях знания, например, специальных курсах по политической или массмедиийной коммуникации; а также в дальнейшей научно-исследовательской работе как студентов, так и исследователей в разных областях гуманитарного знания.

Вопрос британской национальной идентичности является предметом исследования огромного количества как российских, так и зарубежных ученых. Основополагающим фактором в данном вопросе принято считать «английскую исключительность», основанную на имперском, на настоящий момент уже былом, величии [\[1\]](#). О. Ю. Корниенко в своем исследовании обращает внимание на то, что к традиционной британской идентичности можно отнести такие ценности, как важность верховенства права, патриотизм, суверенитет королевской власти, толерантность, свобода слова, право на частную собственность, история и культура нации, спорт и честная игра [\[2\]](#).

Следует отметить, что на становление британской идентичности повлияли языки и культуры регионов Соединенного Королевства (Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса). Если в XIX веке национальное самосознание британцев можно было описать как «Englishness» (английскость) т.е. приверженность ко всему английскому, то на сегодняшний день картина сменилась на противоположную и описывается как «Britishness» (британскость) — британскую идентичность, состоящую из культуры, языков и традиций не только англичан, но и региональных народов [\[3\]](#).

Б. Трантер и Дж. Доног провели исследование, посвященное национальной британской идентичности, с довольно неожиданной стороны — они попытались опровергнуть теорию о том, что национальную идентичность в глазах ее носителей представляют национальные персонажи (Робин Гуд и др.), деятели классической литературы (Уильям Шекспир и др.) и известные исторические военно-политические деятели (король Артур и др.). Проведя эмпирическое исследование, ученые выяснили, что современные британцы «цветом нации» считают королеву Елизавету II, Уинстона Черчилля, Маргарет Тэтчер и Дэвида Бекхэма. Б. Трантер и Дж. Доног пришли к выводу, что, описывая важных с точки зрения национальной идентичности персонажей, британцы обращаются не к историческим и фольклорным героям, а к относительно современным личностям, которые влияют на граждан как морально, так и материально. Относительно Дэвида Бекхэма ученые отмечают, что он стал физическим воплощением британской нации, в то время как королева Елизавета II и Уинстон Черчилль — ее символами [\[4\]](#).

Важным событием последнего времени для британской национальной идентичности стал Брекзит, причины и последствия которого до сих пор обсуждаются не только учеными, но и СМИ [\[5\]](#). Концепт «Brexit» репрезентируется в современных словарях как уже укоренившаяся в языке лексема и является, в первую очередь, не языковым, а экстралингвистическим феноменом политического дискурса [\[6\]](#). Как пишет в своем исследовании Е. А. Атапин, на сегодняшний день для Соединенного Королевства характерно противопоставление себя остальному миру, в том числе странам Евросоюза, — в этом ученый видит проявление британцами своей национальной идентичности,

которая смогла-таки проявить себя в ответ на вызовы глобализации во время членства Британии в ЕС [\[7\]](#).

По мнению Е. С. Игнатовой, англичане по своей природе нуждаются в устойчивой социальной принадлежности к своей нации, поэтому кампании евроскептиков имели такой успех и смогли одержать победу [\[3\]](#).

Как отечественные (Казаков И. В., Гавриленко Н. В. и др.), так и зарубежные (Хонейманн В., Паинтер К., Эшфорд Р.Т., Бевир М., и др.) ученые сходятся во мнении, что на Brexit в первую очередь повлиял политический дискурс [\[8, 9, 10, 11, 12\]](#).

И. В. Казаков отмечает, что национальные идентичности производятся и трансформируются в первую очередь дискурсивно, и не может существовать одной национальной идентичности — различные идентичности конструируются исходя из контекста, аудитории и коммуникативных задач. В дискурсе, по мнению И. В. Казакова, выделяются ключевые тематические области, по которым наблюдается расхождение взглядов на национальную идентичность: представление о нации в разные исторические периоды, общая культура, территория и внешний облик человека, принадлежащего к нации [\[8\]](#).

В своем исследовании национальной британской идентичности в контексте Brexit Н. В. Гавриленко одной из главных причин, по которой Британия покинула ЕС, выделяет вопрос иммиграции, который был за счет формирования нужного дискурса в СМИ представлен в негативном, пагубном для населения Великобритании, ключе. Также ученый обозначает важность политического дискурса в кампании перед Brexitом — в противоборстве еврооптимистов и евроскептиков победу удалось одержать вторым, поскольку они в своем дискурсе употребляли местоимение «мы», показывая единство с избирателями, в то время как еврооптимисты использовали преимущественно обезличенные пассивные конструкции [\[9\]](#).

Ф. Эдвертон и О. Рекорд в своем исследовании британской идентичности приходят к выводу, что Brexit является логичным результатом дискурса, в ходе которого британские политические элиты поддерживали чувство «непохожести» британцев по сравнению с другими нациями, что в конце концов усилило евроскептицизм и негативное восприятие ЕС жителями Туманного Альбиона [\[13\]](#).

Современный политический дискурс наравне с британской национальной идентичностью является объектом пристального внимания ученых. Дискурс, в том числе политический, неразрывно связан с происходящими в мире событиями и эволюционирует с той же скоростью, что и реальная жизнь — их взаимодействие находится в постоянном диалектическом соотношении [\[14\]](#). Таким образом, М. С. Матыцина утверждает, что в современном политическом дискурсе наблюдается тенденция к рассмотрению языка не только как инструмента коммуникации, но и как инструмента речевого воздействия на население [\[15\]](#).

В исследовании политического дискурса Е. Е. Шеховцова обращает внимания на тот факт, что британская политическая элита предпочитает использовать в своем дискурсе латинские крылатые фразы, в этом выражается приверженность английского общества к традиционным ценностям, характерным для британского образования [\[16\]](#). Как отмечает В. Хонейманн, «ностальгирующий» язык, подчеркивающий национальную британскую идентичность, в речи консерваторов стал тем самым инструментом влияния, который

привлек этноцентричных избирателей к Консервативной партии [\[10\]](#).

С. Абрахамян и М. Банщикова, рассматривая политический дискурс Британии, обращают внимание на тот факт, что среди других ценностных инструментов, которые используются в британском политическом дискурсе, важную роль играют эмоциональные аргументы, такие как любовь, ненависть, чувство долга, патриотизм. Несмотря на то, что британская нация стереотипно не представляется эмоциональной, политики Великобритании все же используют эмоциональные аргументы. Ученые, проанализировав речь Терезы Мэй, бывшего премьер-министра Соединенного Королевства, отметили, что Т. Мэй обосновала необходимость сохранения единства страны таким аргументом, как чувство долга перед новым поколением. Также, приводя в пример Т. Мэй, ученые указывают на тот факт, что она связала возможность сохранения страны с такой универсальной ценностью, как «британская мечта», которая, по сути своей, является таким же вымыслом, как и всемирно известная «американская мечта» [\[17\]](#).

По мнению Е. Ю. Алёшиной и Д. Д. Головой, специфическая структура речи, использование риторических приемов, строгое соблюдение речевого протокола, медийность, а также акцент на национальную идентичность создают уникальный языковой ландшафт политического дискурса Соединенного Королевства [\[18\]](#).

Коллектив ученых-исследователей МГИМО, исследуя вопрос национальной идентичности в политическом дискурсе, рассматривал национальную немецкую идентичность через анализ заявлений бывшего канцлера ФРГ Ангелы Меркель на наличие культурно-маркированной лексики или, иными словами, слов-реалий политического дискурса, которые являются показателем демонстрации национальной идентичности. В своем исследовании ученые пришли к выводу, что национальная немецкая идентичность в анализируемом материале выражена в разы меньше, чем европейские и международные реалии [\[19\]](#).

В настоящей работе исследуется выражение национальной британской идентичности с помощью культурно-маркированной лексики. Для подбора примеров культурно-маркированной лексики проведен анализ публикаций онлайн-изданий «The Guardian» <https://www.theguardian.com> и «Daily Mail» <https://www.dailymail.co.uk> за период январь-апрель 2024 г.: тематический блок, посвященный политике. Всего проанализировано 30 статей (по 15 статей в онлайн-изданиях «The Guardian» и «Daily Mail» соответственно) тематического блока, посвященного политике, выделено 676 лексических единиц (276 — «The Guardian», 400 — «Daily Mail»).

Классификационное описание англоязычной культурно-маркированной лексики проводилось по классификации коллектива ученых МГИМО (М. А. Чигашева, М. А. Елизарьева, Т. С. Ларина, А. П. Крячкова и др.), который по ономастическому принципу выделяет следующие типы культурно-маркированной лексики: топоним (обозначение географических объектов), политоним (обозначение специфических для политической сферы деятельности, а также для системы государственного управления профессиональных и общественных объединений), антропоним (имена и фамилии конкретных персоналий), официоним (наименование должностей), геортоним (обозначение праздников, важных исторических событий), документоним (названия документов), этноним (наименование групп людей, объединенных по национальному или географическому принципу) и сочетания типа «отэтнонимное прилагательное + сущ.», эргоним (наименование профессиональных объединений деловой (не политической) сферы деятельности), гемероним (наименование СМИ), деоним (апеллятивы,

образованные от антропонимов) [\[20\]](#).

Следует упомянуть, что в ходе анализа были выявлены характерные черты каждого исследуемого онлайн-издания, которые закономерно повлияли на результаты исследования. «The Guardian» считается одним из самых достоверных изданий Великобритании, ориентирующимся на не только британские, но и общемировые новости политики, экономики, экологии и т.д. «Daily Mail» пользуется популярностью у преимущественно женской аудитории, оттуда и спрос читателей на материал о звездах шоу-бизнеса, шопинге, путешествиях и т.д. Новости политики также присутствуют, но больше коррелируются с мировыми новостями и новостями королевской семьи, нежели с английской внутриполитической повесткой.

«Daily Mail» имеет более широкий спектр англоязычных антропонимов, топонимов и официонимов по сравнению с «The Guardian» по объективной причине — колонке, связанной с королевской семьей. Данная колонка именуется «Royals» и содержит подразделы, посвященные королю, принцу Вильяму, Кейт Миддлтон, принцу Гарри, Меган Маркл и королеве-консорту.

Пример 1.

«There were racing house parties at Royal Lodge, fishing house parties at Birkhall in Scotland, weekend house parties at the Castle of Mey [\[21\]](#).»

«В Роял Лодж устраивались домашние скачки, в Биркхолле в Шотландии — рыбакские вечеринки, в замке Мей — вечеринки выходного дня.»

Лексема: Royal Lodge, Birkhall, Scotland, Castle of Mey

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный топоним.

Пример 2.

«King Charles has always had a close relationship with his son and daughter-in-law with the monarch said to have got even closer to the Princess of Wales due to their shared cancer diagnosis [\[22\]](#).»

«У короля Чарльза всегда были близкие отношения со своим сыном и невесткой, и, как говорят, монарх стал еще ближе к принцессе Уэльской из-за их общего онкологического диагноза.»

Лексема: King, the Princess of Wales

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный официоним;

Лексема: Charles

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный антропоним.

Интересными топонимом, связанным с британской реальностью, можно обозначить метоним «Downing Street» — так в политическом дискурсе иначе именуют резиденцию премьер-министра Великобритании. Данный топоним-метоним употребляется в обоих изданиях.

Пример 3.

«Rishi Sunak has welcomed the Rwandan president to Downing Street amid signs that

ministers are struggling to find an airline or housing in Kigali to carry out their flagship deportation plan [\[23\]](#).»

«Риши Сунак приветствовал президента Руанды на Даунинг-стрит на фоне того, что министры изо всех сил пытаются найти авиакомпанию или жилье в Кигали для осуществления своего основного плана депортации»

Лексема: Rishi Sunak

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный антропоним;

Лексема: the Rwandan president

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: этноним и сочетания типа «отэтнонимное прилагательное + сущ.» иного рода;

Лексема: president

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: официоним иного рода;

Лексема: ministers

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный официоним;

Лексема: Downing Street

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный топоним;

Лексема: Kigali

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: топоним иного рода.

Значения политонимов, геортонимов, этнонимов и гемеронимов практически идентичны в обоих изданиях. Документонимы полностью отсутствуют в издании «The Guardian», но содержатся в «Daily Mail».

Пример 4.

«I am proud that today I'll be the first Labour Party leader in over 30 years to visit the shipyard of Barrow-in-Furness, Cumbria, to see these incredible boats being built [\[24\]](#).»

«Я горжусь тем, что сегодня я буду первым лидером Лейбористской партии за последние 30 лет, который посетит верфь в Барроу-ин-Фернесс, Камбрия, чтобы увидеть, как строятся эти невероятные лодки.»

Лексема: Barrow-in-Furness, Cumbria

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный топоним;

Лексема: Labour Party leader

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный официоним;

Лексема: Labour Party

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный политоним.

Важность Brexit и его последствий для британцев подтверждает факт использования

геортонима «Brexit» в обоих изданиях, в «Daily Mail» также содержится документоним «the Windsor Framework» — соглашение, подписанное Соединенным Королевским и ЕС по причине Брекзита.

Пример 5.

«Praising the political leaders in Northern Ireland, Mr Harris said: 'I think British Irish relationships are a lot better now than they were even a year ago, thanks to the Windsor Framework [\[25\]](#).»

«Высоко оценивая политических лидеров Северной Ирландии, мистер Харрис заявил: «Я думаю, что британско-ирландские отношения сейчас намного лучше, чем они были даже год назад, благодаря Виндзорскому соглашению.»

Лексема: Northern Ireland

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный топоним;

Лексема: Harris

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: антропоним иного рода;

Лексема: British Irish relationships

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный этноним и сочетания типа «отэтнонимное прилагательное + сущ.»;

Лексема: the Windsor Framework

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный документоним.

Пример 6.

«Gove also told the podcast, which is running a mini-series about the referendum called The Brexit Plots, that he had decided to stand to become leader of the Conservatives, and prime minister, after losing confidence in Boris Johnson's suitability for the role [\[26\]](#).»

«Гоув также рассказал подкасту, в котором транслируется мини-сериал о референдуме под названием «Сюжеты Брексита», что он решил баллотироваться на пост лидера консерваторов и премьер-министра после того, как потерял уверенность в том, что Борис Джонсон подходит на эту роль.»

Лексема: Gove, Boris Johnson

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный антропоним;

Лексема: Brexit

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный геортоним;

Лексема: the Conservatives

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный политоним;

Лексема: prime minister, leader of the Conservatives

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный официоним.

Англоязычные эргонимы отсутствуют в обоих анализируемых СМИ, но в них присутствуют иноязычные лексемы-эргонимы.

Пример 7.

«In its annual reports on the death penalty around the world, Amnesty international does not include figures from Vietnam on account of a lack of data. [\[27\]](#).»

«В своих ежегодных отчетах о смертной казни во всем мире организация «Amnesty International» не включает данные по Вьетнаму из-за их недостатка.»

Лексема: Amnesty international

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: эргоним иного рода;

Лексема: Vietnam

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: топоним иного рода.

Говоря о гемеронимах, невозможно не упомянуть тот факт, что в обоих анализируемых изданиях упоминались как британские, так и мировые СМИ.

Пример 8.

«Writing for the Observer, Miliband, now president and chief executive of the International Rescue Committee, said that in order to reverse the decline, the UK needed to enter new “structures and commitments” with the EU on foreign policy [\[28\]](#).»

«В статье для издания «The Observer» Милибэнд, ныне президент и исполнительный директор Международного комитета спасения, написал, что для того, чтобы обратить вспять тенденцию к снижению показателей, Великобритании необходимо ввести новые “структуры и обязательства” перед ЕС по внешней политике.»

Лексема: the Observer

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный гемероним;

Лексема: Miliband

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный антропоним;

Лексема: president, chief executive

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: официоним иного рода;

Лексема: International Rescue Committee

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: эргоним иного рода;

Лексема: UK

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный топоним;

Лексема: EU

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: политоним иного рода.

Деонимы, как показал анализ статей по политической тематике, стали лексическим

явлением, которое не востребовано в современной британской прессе. Примером такого явления для носителей русского языка является существительное «царь», образованное от персоналии Гая Юлия Цезаря.

Следует отметить, что в публикациях последних месяцев (январь-апрель 2024 г.) практические не упоминаются актуальные для Соединенного Королевства внутренние проблемы. Анализируя статью о такого рода проблемах (в примере речь идет об иммиграционном кризисе, который в свое время стал одной из главных причин Брекзита), становится понятно, что СМИ редко берутся за внутриполитические темы, чтобы не растерять своих читателей. Такие статьи несут пренебрежение к медлительному решению важных для государства проблем.

Пример 9.

«The two leaders discussed the £500m plan before Sunak's safety of Rwanda bill returns to the Commons on Monday – exactly two years after Boris Johnson announced the plan to deport "tens of thousands" of people arriving across the Channel in small boats. So far, none have been sent [\[23\]](#).»

«Лидеры двух стран обсудили план на сумму 500 миллионов фунтов стерлингов до того, как законопроект Сунака о безопасности Руанды вернется в Палату общин в понедельник, – ровно через два года после того, как Борис Джонсон объявил о плане депортации "десятков тысяч" людей, прибывающих через Ла-Манш на небольших лодках. Пока еще ни один из них не был депортирован.»

Лексема: Sunak, Boris Johnson

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный антропоним;

Лексема: Rwanda

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: топоним иного рода;

Лексема: the Commons

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный политоним;

Лексема: Channel

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный топоним.

СМИ отвлекают внимание от внутренних проблем статьями о новостях со всего мира – США, Канады, Европейского союза, Азии (Вьетнама, Японии и др.), Африки (Руанды, Кении и др.), Латинской Америки (Бразилии, Мексики и др.), Ближнего Востока (Ирана, Израиля и др.) и т.д. Для манипулирования сознанием читателей используются разные методы, например, навязывание страха Третьей Мировой войны в связи с актуальными событиями на Ближнем Востоке.

Пример 10.

«It comes after footage was released of the moment Iran began its attack, as the world holds its breath over fears of World War III [\[29\]](#).»

«Это произошло после того, как были опубликованы кадры, запечатлевшие момент начала атаки Ирана, когда мир затаил дыхание из-за страха перед Третьей мировой войной.»

Лексема: Iran

Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: топоним иного рода.

В Таблице 1 приведена классификация англоязычных слов-реалий политического дискурса в процентах на материале онлайн-изданий «The Guardian» и «Daily Mail» за период январь – апрель 2024 г.: тематический блок, посвященный политике (см. Таблицу 1).

Таблица 1 — Классификация англоязычных слов-реалий политического дискурса в процентах на материале онлайн-изданий «The Guardian» и «Daily Mail» за период январь – апрель 2024 г.: тематический блок, посвященный политике.

Тип	The Guardian		Daily Mail	
	Английские наименования	Иные наименования	Английские наименования	Иные наименования
Топоним	7	93	27	73
Политоним	28	72	27	73
Антропоним	16	84	31	69
Официоним	18	82	27	73
Геортоним	50	50	43	57
Документоним	отсутствует	отсутствует	20	80
Этноним	10	90	6	94
Эргоним	отсутствует	100	отсутствует	100
Гемероним	37	63	39	61
Деоним	отсутствует	отсутствует	отсутствует	отсутствует

В количественном отношении результаты исследования составляют 676 лексических единиц (276 — «The Guardian», 400 — «Daily Mail»), из них топонимов (67 — «The Guardian», 104 — «Daily Mail»), политонимов (39 — «The Guardian», 37 — «Daily Mail»), антропонимов (99 — «The Guardian», 125 — «Daily Mail»), официонимов (28 — «The Guardian», 82 — «Daily Mail»), геортонимов (2 — «The Guardian», 7 — «Daily Mail»), документонимов (0 — «The Guardian», 5 — «Daily Mail»), этнонимов (19 — «The Guardian», 17 — «Daily Mail») и сочетаний типа «отэтнонимное прилагательное + сущ.», эргонимов (11 — «The Guardian», 10 — «Daily Mail»), гемеронимов (11 — «The Guardian», 13 — «Daily Mail»), деонимов (0 — «The Guardian», 0 — «Daily Mail»).

Наибольшее количество англоязычных слов-реалий политического дискурса — 50% и 43% — имеют геортонимы, что говорит о том, что национальная британская идентичность все же, несмотря на глубокий кризис, еще жизнеспособна и напоминает о себе в СМИ с помощью важных для нации дат и событий.

В ходе проведенного исследования выявлено, что ни по одному классу англоязычных слов-реалий нет превалирования английских лексем над иными лексемами, что позволяет сделать вывод, что кризис национальной идентичности, несмотря на Брекзит, все еще прогрессирует. На данном этапе национального кризиса идентичности перед британскими СМИ стоит задача отвлечь внимание читателей от набивших оскомину государственных проблем, например, иммиграционного кризиса, с помощью огромного количества новостей со всех частей света; статей о скандале по поводу продажи титулов почти столетней давности, с которым связывают британскую королевскую семью [\[21\]](#);

публикаций о том, как король Карл III помогал принцу Вильяму и Кейт Миддлтон выбирать музыку на их свадьбу, которая происходила в 2011 году [\[22\]](#), и т.д.

В данном исследовании была предпринята попытка найти доказательства (или же опровержения) британского кризиса национальной идентичности путем анализа культурно-маркированной лексики, которая в политическом дискурсе является показателем национальной идентичности. Таким образом, с помощью анализа актуальных статей англоязычных СМИ по политической тематике, было доказано, что основной фокус внимания британской аудитории, даже после Брекзита, все еще лежит в международной, а не национальной, плоскости.

Библиография

1. Малкин С. Г. Образовательная политика и формирование британской идентичности на национальных окраинах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. №4 [Электронный ресурс] – DOI: 0.37313/2658-4816-2021-3-4-66-71 (дата обращения: 08.04.2024).
2. Корниенко О. Ю. Базовые ценности Великобритании вчера и сегодня// Ценности и смыслы. 2020. №5. [Электронный ресурс] – DOI: 10.24411/2071-6427-2020-10045 (дата обращения: 08.04.2024).
3. Игнатова Е. С. Языковая ситуация в Великобритании как отражение национального самосознания // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. №2. [Электронный ресурс] – DOI: 10.17516/2311-3499-053 (дата обращения: 08.04.2024).
4. Tranter B., Donoghue J. (2021). Embodying Britishness: National identity in the United Kingdom. Nations and Nationalism. [Electronic recourse] – DOI: 10.1111/nana.12730 (date of application: 08.04.2024).
5. Мосягина М. С. Национальная идентичность как антропоцентрический фактор англоязычного медиадискурса: дис. канд. филолог. наук / М. С. Мосягина. – Нижний Новгород, 2022. – 189 с.
6. Гарсия-Каселес К., Маленкова А. А. Лексико-когнитивные особенности концепта Brexit / Брексит в контексте современного английского и Европейского политдискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №9. [Электронный ресурс] – DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.37 (дата обращения: 08.04.2024).
7. Атапин Е. А. Влияние партии независимости Соединенного Королевства на английскую национальную идентичность на современном этапе // Вестник НВГУ. 2022. №2. [Электронный ресурс] – DOI: 10.36906/2311-4444/22-2/01 (дата обращения: 08.04.2024).
8. Казаков И. В. Конструирование британской национальной идентичности в контексте Брекзита: эволюция дискурса премьер-министров Великобритании // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. №1. [Электронный ресурс] – DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-109-118 (дата обращения: 08.04.2024).
9. Гавриленко Н. В. "Страх" как фактор дезинтеграции: концептуальное осмысление британо-европейских отношений в контексте Брекзита // Международные отношения. 2023. №2. [Электронный ресурс] – DOI: 10.7256/2454-0641.2023.2.41052 (дата обращения: 08.04.2024).
10. Honeyman V. The Johnson factor: British national identity and Boris Johnson // British Politics. 2023. № 18. Р. 40–59. DOI: 10.1057/s41293-022-00211-0
11. Painter C. Reconstructing British identity: Formula One, Michael Schumacher and the British Press at the turn of the century // Language and Intercultural Communication. 2024. №2. Р. 77-89, DOI: 10.1080/14708477.2023.2250751
12. Ashcroft R. T., Bevir M. Brexit and the Myth of British National Identity // British

- Politics. 2021. №16. Р. 117–132, DOI: 10.1057/s41293-021-00167-7
13. Record O., Edverton F. British nationalism in the era of integration // International Tax and Public Finance. 2022. №1. С. 139-145.
14. Мельничук М. В., Стародубцева Е. А. Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. №6. [Электронный ресурс] – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71 (дата обращения: 08.04.2024).
15. Матыцина М. С. Динамика развития англоязычного иммиграционного дискурса: дис. док. филолог. наук / М. С. Матыцина. – Белгород, 2020. – 340 с.
16. Шеховцова Е. Е. Латинские выражения в дискурсе политиков Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. №1. С. 120-126.
17. Abrahamyan S., Banshchikova M. Peculiarities of Argumentative Strategies of Modern English Political Discourse // Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics/ E. Malyuga. Singapore: Springer, 2020. Pp. 165-198.
18. Алёшина Е. Ю., Голова Д. Д. Британская политическая риторика в ракурсе культуроspecificности // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. №4. [Электронный ресурс] – DOI: 10.46539/gmd.v5i4.426 (дата обращения: 08.04.2024).
19. Елизарьева М. А., Нагуманова В. А., Чигашева М. А., Гончарова Н. А. Демонстрация национальной идентичности политика при помощи культурно-маркированной лексики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. №3. [Электронный ресурс] – DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-195-204 (дата обращения: 08.04.2024).
20. Культурно-маркированная лексика политического дискурса Германии : монография / М. А. Чигашева, М. А. Елизарьева, Т. С. Ларина, А. П. Крячкова; под редакцией В. А. Нагумановой; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра немецкого языка. – Москва: МГИМО-Университет, 2021. – 203 с.
21. Wilson Ch. Addicted to hunting lodges, horses and endless parties, the free-spending Queen Mother was entangled in the honours-selling scandal of the century-but got clean away when her crooked friend was (helpfully) banished to France! // Daily Mail. 12.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13266831/Endless-parties-Queen-Mother-crooked-friend.html> (дата обращения: 14.04.2024).
22. Cox M. King Charles' little known role in William and Kate's wedding revealed as close bond with Princess of Wales is strengthened through their respective battles with cancer // Daily Mail. 07.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: https://www.dailymail.co.uk/femail/article-13272597/King-Charles-little-known-role-William-Kates.html?ico=topics_pagination_desktop (дата обращения: 07.04.2024).
23. Rajeev S. Sunak welcomes Kagame to No 10 as Rwanda scheme hits fresh snags // The Guardian. 09.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/apr/09/sunak-welcomes-kagame-to-no-10-as-rwanda-scheme-hits-fresh-snags> (дата обращения: 09.04.2024).
24. Starmer K. KEIR STARMER: My commitment to the UK's nuclear deterrent is... Unshakeable. Absolute. Total // Daily Mail. 11.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-13299023/KEIR-STARMER-commitment-UKs-nuclear-deterrent-Unshakeable-Absolute-Total.html> (дата обращения: 11.04.2024).
25. Wilcock D. New Irish premier Simon Harris says relationship with UK is 'a lot better' than a year ago thanks to new Brexit agreement // Daily Mail. 15.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13310103/New-Irish-premier-Simon-Harris-says-relationship-UK-lot-better.html> (дата обращения: 15.04.2024).

26. Topping A. Michael Gove admits to 'moral cowardice' during Brexit campaign // The Guardian. 05.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2024/apr/05/michael-gove-moral-cowardice-brexit-campaign> (дата обращения: 05.04.2024).
27. Jewers Ch. Communist Vietnam's secret death penalty conveyor belt: How country trails only China and Iran for its 'astonishing' number of executions with prisoners dragged from cells at 4am without warning to be given a lethal injection // Daily Mail. 12.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13297639/Communist-Vietnams-secret-death-penalty-conveyor-belt-country-trails-China-Iran-astonishing-number-executions-prisoners-dragged-cells-4am-without-warning-given-lethal-injection.html> (дата обращения: 12.04.2024)
28. Helm T. Brexit has made the UK a lower-status nation, says David Miliband // The Guardian. 07.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2024/apr/07/brexit-has-made-the-uk-a-lower-status-nation-says-david-miliband> (дата обращения: 07.04.2024).
29. Parashar A., Salvoni E., Davies E. J. Israel describes Iran's 350-missile attack as a 'declaration of war' and vows more 'offensive and defensive action' as G7 leaders including Rishi Sunak 'stand ready to take further measures'-but the US WON'T join any retaliation // Daily Mail. 15.04.2024 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13307411/Israel-vows-offensive-defensive-action-Iran-launched-350-missile-attack.html> (дата обращения: 15.04.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Национальная идентичность того или иного этноса объективируется в рамках лексического состава языка. Точечное изучение этой области дает возможность верифицировать как наличный состав компонентов, так и коннотативный вектор их преломления. Собственно на это и направлена рецензируемая статья, предметом которой является дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании. Вопрос, на мой взгляд, не так нов, но он дискуссионен, диалогичен; при этом ракурс рассмотрения проблемы индивидуален, субъективен, самостоятелен. Как отмечает автор, «цель исследования — выявить актуальное состояние британской национальной идентичности посредством анализа слов-реалий политического дискурса из английских онлайн-изданий», в соответствии с целью определены и следующие задачи, которые необходимо решить: «описать особенности национальной британской идентичности и ее функционирования в политическом дискурсе; провести выборку слов-реалий политического дискурса в текстах британских онлайн-изданий за период январь 2024 г. – апрель 2024 г. и осуществить их классификационное описание; провести анализ результатов и выявить современное состояние британской национальной идентичности». Считаю, что теоретическая основа исследования вполне конструктивна: «Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды по дискурсивным исследованиям отечественных (коллектив ученых МГИМО — Чигашева М. А., Елизарьева М. А., Ларина Т. С., Крячкова А. П. и др.; Матыцина М. С., Алешина Е. Ю., Голова Д. Д. Шеховцова Е. Е., Мельничук М. В., Стародубцева Е. А., Гарсия-Каселес К., Маленкова А. А., Банщикова М.) и зарубежных (Абрахамян С.) ученых; национальной британской идентичности отечественных (Корниенко О. Ю., Атапин Е. А, Казаков И. В., Игнатова Е. С., Гавриленко Н. В., Малкин С. Г., Мосягина М. С.) и зарубежных (Эдвертон Ф., Рекорд

О., Хонейманн В., Паинтер К., Эшфорд Р.Т., Бевир М., Трантер Б., Доног Дж.) ученых». Автор старается не формально подойти к проблеме, а решить задачу исследования планомерно и серьезно. Должная научная новизна конкретизирована: «Научная новизна исследования заключается в том, что состояние национальной британской идентичности впервые рассматривается с помощью анализа слов-реалий политического дискурса актуальных публикаций британских онлайн-изданий», практическая значимость также прописана и объяснена. Материал фактически выверен, формальные составляющие введены уместно и точно, исследование имеет вполне законченный и самостоятельный вид. Научных позиции манифестираны с учетом должной коннотации: «следует отметить, что на становление британской идентичности повлияли языки и культуры регионов Соединенного Королевства (Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса). Если в XIX веке национальное самосознание британцев можно было описать как «Englishness» (английскость) т.е. приверженность ко всему английскому, то на сегодняшний день картина сменилась на противоположную и описывается как «Britishness» (британскость) — британскую идентичность, состоящую из культуры, языков и традиций не только англичан, но и региональных народов». Автору удается сформировать т.н. диалог с оппонентами, причем он имеет конструктивно действенный характер: «И. В. Казаков отмечает, что национальные идентичности производятся и трансформируются в первую очередь дискурсивно, и не может существовать одной национальной идентичности — различные идентичности конструируются исходя из контекста, аудитории и коммуникативных задач. В дискурсе, по мнению И. В. Казакова, выделяются ключевые тематические области, по которым наблюдается расхождение взглядов на национальную идентичность: представление о нации в разные исторические периоды, общая культура, территория и внешний облик человека...» и т.д. Не исключается в работе должная научная терминология, она активна, точна, принципиальна: например, «современный политический дискурс наравне с британской национальной идентичностью является объектом пристального внимания ученых. Дискурс, в том числе политический, неразрывно связан с происходящими в мире событиями и эволюционирует с той же скоростью, что и реальная жизнь — их взаимодействие находится в постоянном диалектическом соотношении [14]. Таким образом, М. С. Матыцина утверждает, что в современном политическом дискурсе наблюдается тенденция к рассмотрению языка не только как инструмента коммуникации, но и как инструмента речевого воздействия на население...». Цитации даются выверено, специальная правка излишня; основные требования издания учтены. Блок практических наработок также описан полновесно: «В настоящей работе исследуется выражение национальной британской идентичности с помощью культурно-маркированной лексики. Для подбора примеров культурно-маркированной лексики проведен анализ публикаций онлайн-изданий «The Guardian» <https://www.theguardian.com> и «Daily Mail» <https://www.dailymail.co.uk> за период январь-апрель 2024 г.: тематический блок, посвященный политике. Всего проанализировано 30 статей (по 15 статей в онлайн-изданиях «The Guardian» и «Daily Mail» соответственно) тематического блока, посвященного политике, выделено 676 лексических единиц (276 — «The Guardian», 400 — «Daily Mail»), думаю, что ориентир верен, поддержка варианта налична. Примеры даются в режиме фактической иллюстрации: «Пример 1. «There were racing house parties at Royal Lodge, fishing house parties at Birkhall in Scotland, weekend house parties at the Castle of Mey [21]». «В Роял Лодж устраивались домашние скачки, в Биркхолле в Шотландии — рыбакские вечеринки, в замке Мей — вечеринки выходного дня». Лексема: Royal Lodge, Birkhall, Scotland, Castle of Mey. Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный топоним», или «Пример 5. «Praising the political leaders in Northern Ireland, Mr Harris said: 'I think British Irish relationships are a lot

better now than they were even a year ago, thanks to the Windsor Framework», или «высоко оценивая политических лидеров Северной Ирландии, мистер Харрис заявил: «Я думаю, что британско-ирландские отношения сейчас намного лучше, чем они были даже год назад, благодаря Виндзорскому соглашению» «Лексема: Northern Ireland. Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: англоязычный топоним; Лексема: Harris. Тип англоязычной культурно-маркированной лексики: антропоним иного рода» и т.д. Общий итог объединен в табличный вид, визуальность вполне действенна; цель работы, на мой взгляд, достигнута, задачи решены. Автор в финале тезириует, что «в данном исследовании была предпринята попытка найти доказательства (или же опровержения) британского кризиса национальной идентичности путем анализа культурно-маркированной лексики, которая в политическом дискурсе является показателем национальной идентичности. Таким образом, с помощью анализа актуальных статей англоязычных СМИ по политической тематике, было доказано, что основной фокус внимания британской аудитории, даже после Brexit, все еще лежит в международной, а не национальной, плоскости». Необходимо унифицировать список источников, стандарт в данном случае значим. В целом же работа полновесна, целостна, оригинальна. Рекомендую статью «Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: лексический аспект» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Северина Е.М., Фёдоров Н.А. Проект Chekhov Digital: семантическая разметка параллельного корпуса переводов художественной прозы А. П. Чехова на немецкий язык // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70560 EDN: PXMQSB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70560

Проект Chekhov Digital: семантическая разметка параллельного корпуса переводов художественной прозы А. П. Чехова на немецкий язык

Северина Елена Михайловна

ORCID: 0000-0001-6518-2771

доктор философских наук

профессор, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации, Южный федеральный университет

344006, Россия, г. Ростов-На-Дону, пер. Университетский, 93

[✉ emkovalenko@sfedu.ru](mailto:emkovalenko@sfedu.ru)

Фёдоров Никита Александрович

ORCID: 0000-0002-7436-2202

магистр, институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет

344006, Россия, г. Ростов-На-Дону, пер. Университетский, 93

[✉ nfyodorov@sfedu.ru](mailto:nfyodorov@sfedu.ru)

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70560

EDN:

PXMQSB

Дата направления статьи в редакцию:

24-04-2024

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы разработки принципов семантически размеченного параллельного корпуса переводов художественной прозы А.П. Чехова на немецкий язык в рамках проекта Chekhov Digital цифрового академического издания собрания произведений писателя в формате TEI (Text Encoding Initiative). Проект

параллельного корпуса ориентирован на создание цифровой инфраструктуры для изучения произведений писателя, позволяющей исследователям анализировать и сравнивать оригинальные тексты с их переводами. Были выявлены сложности, связанные с интерпретацией значимых элементов произведений писателя, спецификой их перевода на немецкий язык и семантической разметкой переводов художественной прозы, например, возникли сложности с определением границ и связей между элементами семантической разметки. Предложены пути их преодоления, включая использование цифровых методов и технологий обработки естественного языка. В проекте используются цифровые методы и технологии обработки естественного языка, стандарт цифровой публикации Text Encoding Initiative (TEI). Структура разметки текстов, основанная на стандарте TEI, делает документы машиночитаемыми, что позволяет разрабатывать инструменты сложного семантического поиска информации. Включение в проект Chekhov Digital параллельных корпусов переводов произведений А. П. Чехова на разные языки позволяет расширить исследовательские инструменты в области переводоведения, давая возможность сравнивать тексты переводов и оригиналов, обнаруживать сходства и различия в лексике, грамматике, стиле и культурных отсылках, а также автоматизировать рутинные процессы исследования, что делает значительно более эффективным поиск и анализ информации на больших объемах текстов. Результаты проекта будут вносить вклад в развитие цифровой гуманитарной среды, способствуя сохранению и популяризации литературного наследия А.П. Чехова. Создание семантически размеченного параллельного корпуса переводов будет иметь важное значение для литературоведов, лингвистов и переводчиков, позволяя им изучать специфику переводов произведений Чехова и развивать новые формы анализа и интерпретации текстов. Опыт, полученный в ходе проекта, будет ценным для будущих исследований и практических применений, демонстрируя эффективность цифровых технологий в гуманитарных исследованиях и образовании.

Ключевые слова:

проект Chekhov Digital, цифровое издание, Чехов, параллельные корпусы, Text Encoding Initiative, машиночитаемая разметка, семантический поиск, цифровые технологии, автоматическая обработка текста, парсинг

Исследование проведено в рамках реализации проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ, № 6.13.1-02/250821-1, тема «Конвергенция языковых пластов русского языка в зеркале цифровых решений».

Введение

В современном гуманитарном знании цифровые технологии приобретают все большее значение, соответствуя глобальным тенденциям цифровизации различных сфер человеческой деятельности, с одной стороны, а с другой | позволяет развивать новые формы и исследовательские подходы в гуманитарных науках. Развитие цифровой среды меняет формы существования текстов, формируя новые подходы к форматам изданий литературных текстов, которые должны стать цифровыми, обеспечивая не только сохранность текстов как культурных объектов, но и доступ к ним как к носителям культурных смыслов и знаний, что требует преобразования филологических знаний в цифровой машиночитаемый формат. Обеспечить такое представление текста в виде связанных данных, выражающих прямую, явную и понятную для компьютерной обработки взаимосвязь сущностей возможно в рамках семантической разметки. В этом контексте

создание семантических изданий литературных произведений способствует систематизации творческого наследия писателей и оптимизации профессиональной деятельности филологов.

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета совместно с отделом гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук и Международной лабораторией языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» ведут работу над проектом Chekhov Digital, в рамках которого разрабатывается семантическое цифровое издание текстов Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова в 30 томах (ПССиП)^[1] в соответствии со стандартом цифровой публикации Text Encoding Initiative (TEI)^[2]. Для каждого текста ПССиП, включая редакционно-критические материалы, была разработана семантическая машиночитаемая разметка в формате TEI, также ведется работа по созданию цифрового индекса имен и названий, упоминаемых в текстах академического издания, включая комментарии и примечания. Цифровой индекс строится на основе существующих указателей, верифицируется полуавтоматически, дополняется информацией о реальных людях и объектах из внешних баз данных, таких как Wikidata^[3]. Основная цель проекта – сделать семантическую разметку текстов общедоступной, разработать доступные цифровые инструменты работы с текстами ПССиП^[4].

В проекте Chekhov Digital используется структура разметки текстов, основанная на стандарте цифровой публикации TEI (Text Encoding Initiative)^[2], которая делает документы машиночитаемыми. Документы, размеченные в соответствии с принципами TEI, состоят из двух частей: TEI-заголовка с метаданными источника (например, описанием издания, названием, именем автора, языком текста и т.д.), и текстового модуля, включающего размеченную текстовую информацию. TEI позволяет учесть специфику текста, например, дополнительные метаданные для писем (адресат, дата и место написания и т.д.), особенности представления информации в тексте, разметить именованные сущности, биографические сведения и некоторые социальные категории (социальный статус, профессиональную принадлежность и т. п.). Размеченные таким образом тексты позволяют разрабатывать инструменты сложного семантического поиска информации^[4, с. 158].

В рамках исследования разработаны принципы семантической разметки переводов художественной прозы А. П. Чехова на немецкий язык в рамках проекта Chekhov Digital, что позволит создать параллельный корпус переводов в формате TEI.

Включение в проект Chekhov Digital параллельных корпусов переводов произведений А. П. Чехова на разные языки позволяет расширить исследовательские инструменты в области переводоведения, давая возможность сравнивать тексты переводов и оригиналов, обнаруживать сходства и различия в лексике, грамматике, стиле и культурных отсылках, а также автоматизировать рутинные процессы исследования, что делает значительно более эффективным поиск и анализ информации на больших объемах текста. Таким образом, включение в проект Chekhov Digital параллельного корпуса рассказов А. П. Чехова и их переводов на немецкий язык является важной и перспективной задачей, которая способствует развитию языковых, литературных и переводческих исследований.

Создание параллельных корпусов является сложной задачей, которая требует решения ряда проблем, связанных с выравниванием текстов. Выравнивание (alignment) – это

процесс сопоставления фрагментов текста в исходном и целевом языках. Выравнивание может быть выполнено как вручную, так и с помощью автоматических инструментов, однако в любом случае этот процесс требует значительных временных и ресурсных затрат.

Как правило, соотнесение текстов в параллельных корпусах производится по предложениям, однако для автоматической разметки этот метод подходит не всегда: «Одна из наиболее существенных трудностей выравнивания заключается в том, что авторское членение текста на предложения и абзацы не всегда выдерживается в тексте перевода» [\[5, с. 289\]](#). Тексты на разных языках могут иметь различную структуру и организацию в зависимости от множества лингвистических факторов. Например, предложения в одном языке могут быть длиннее или короче, чем в другом, или могут содержать различные грамматические конструкции. В немецком языке существует «рамочная конструкция» предложения [\[6, с. 141\]](#): глагол занимает конечную позицию, а остальные элементы предложения располагаются вокруг него; эта конструкция характерна для немецкого языка и отличается от структуры предложений во многих других языках, где глагол обычно располагается в середине предложения. Это может затруднить процесс выравнивания и сделать его менее точным. Кроме того, выравнивание может быть осложнено наличием в тексте идиоматических выражений, фразеологизмов и других языковых особенностей, которые невозможно перевести дословно или сопоставить с текстом на другом языке.

Таким образом, выравнивание текстов является необходимым шагом в процессе, который позволяет сравнивать и анализировать тексты с достаточной точностью. Переводы рассказов А. П. Чехова на немецкий язык, отобранные нами для анализа и разметки, представляют довольно точную интерпретацию оригинальных текстов, но лучше соотносятся по абзацам, чем по предложениям, в связи с обозначенными выше особенностями синтаксиса немецкого языка.

Создавая параллельные корпусы текстов, оснащенные семантической разметкой, исследователи стремятся к автоматизации и универсализации структуры этой разметки. Создатели семантического издания Chekhov Digital ориентируются на выявленную в результате анализа значимую лексику [\[7\]](#). Мы полагаем, что для оптимизации разметки параллельного корпуса необходимо обратить внимание на выделение значимой лексики для текстов на двух языках, что позволит разрешить некоторые трудности выравнивания.

Материал исследования

На страницах сайта электронной библиотеки немецкоязычных текстов Projekt Gutenberg-DE были собраны 84 текста переводов рассказов А.П. Чехова на немецкий язык [\[8\]](#). Собранный корпус представляет собой все переводы, находящиеся в свободном доступе в данной электронной библиотеке. Оригинальные тексты произведений писателя из Полного академического собрания сочинений представлены в рамках проекта Chekhov Digital [\[9\]](#).

На данный момент общий корпус исследуемых текстов составляет 168 текстов: 84 текста на русском языке (оригинальные тексты), 84 текста переводов, выполненных А. Элиасбергом (46), В. Чумиковым (12), К. Хольмом (5); авторство 21 текста переводов не обозначено ни на сайте Projekt Gutenberg-DE, ни в других сборниках переводов рассказов А.П. Чехова, находящихся в свободном доступе в сети Интернет [\[10\]](#).

С помощью стилометрического анализа [11] были выявлены элементы авторского стиля разных переводчиков в этих текстах, в связи с чем предполагается, что они были переведены совместно [12].

Размеченные тексты проекта Chekhov Digital свободно распространяются по лицензии Creative Commons Attribution Non-Commercial (CC BY-SA), т.е. разрешено свободное использование произведения и его разметки, при условии указания авторства и сохранения условий использования [9]. Материалы и разметка сайта «Projekt Gutenberg-DE» распространяются по лицензии Creative Commons Attribution Non-Commercial (CC BY-NC), т. е. разрешено свободное использование произведения и его разметки, при условии указания авторства, но только в некоммерческих целях.

Большая часть исследуемых рассказов принадлежат к раннему периоду творчества А. П. Чехова – с 1883 по 1887 годы: 2-й том | 14 рассказов; 4-й том – 12 рассказов; 5-й – 18 рассказов; 6-й – 19 рассказов.

Результаты и обсуждение

Для подготовки корпуса важную роль играют цифровые технологии, позволяющие автоматизировать процесс сбора и систематизации текстовых данных. Для решения этой задачи был использован парсинг (англ. *parsing; web scraping*) | автоматизированный сбор и систематизация информации из открытых источников с помощью программного обеспечения [13, с. 33]. Для решения этой задачи использовалась библиотека Beautiful Soup ЯП Python, которая позволила также проверять, соответствует ли разметка текста определенным шаблонам, разрабатываемым в проекте [7], и вносить необходимые корректировки.

С другой стороны, большое значение для создания параллельного корпуса в рамках проекта Chekhov Digital имеет аннотация текстов, то есть их разметка по грамматическим, синтаксическим и семантическим признакам, что делает текст машиночитаемым для автоматической интерпретации. Для выявления значимых элементов из текста для такого рода разметки были использованы цифровые методы анализа: тематическое моделирование для определения набора скрытых тем в исследуемых рассказах А. П. Чехова, а также их ключевой лексики; анализ тональности текстов для выявления эмоционального контекста; стилометрический анализ для изучения сходств и различий в стилях автора и переводчиков прозы писателя, исследование соавторства в переводах рассказов и т.д.

Таким образом, семантическая разметка и создание параллельного корпуса – задачи, требующие, по нашему мнению, цифрового анализа ключевой лексики, эмотивных элементов, синтаксических особенностей текстов, маркеров авторского стиля и т.д. При создании параллельного корпуса переводов рассказов А. П. Чехова на немецкий язык для проекта Chekhov Digital мы опираемся на полученные результаты и опыт использования цифровых методов для разработки функционального инструментария работы с творческим наследием писателя.

В качестве языка разметки произведений на сайте проекта Chekhov Digital используется стандарт TEI (Text Encoding Initiative). Это международный стандарт для представления текстов в цифровом формате, используемый в гуманитарных науках, лингвистике и издательском деле, основными преимущества которого являются: гибкость и расширяемость; междисциплинарность; поддержка многоязычности; совместимость с

другими стандартами [2]. В целом TEI предоставляет мощный и гибкий инструмент для представления текстов в цифровом формате, который может быть использован в широком спектре дисциплин и приложений. Кроме того, гибкость и расширяемость позволяют настраивать его для решения конкретных задач, в том числе в рамках проекта Chekhov Digital, через создание новых тегов или модификации уже существующих.

Поскольку TEI совместим со многими другими языками разметки, это позволяет разработать систему перевода тегов из языка разметки HTML в формат TEI. Но для этого необходимо изучить код источника, определить соответствия тегов и зафиксировать их. Подобным образом была проведена структурная разметка корпуса оригинальных (русскоязычных) работ А. П. Чехова для проекта Chekhov Digital, включая письма, рассказы, пьесы, очерки и т.д. Источником HTML-размеченных текстов стало ЭНИ «Чехов» (электронное научное издание), размещенное на сайте Фундаментальной электронной библиотеки [14]. Из HTML разметки ее страниц была собрана информация о текстах для TEI-документов: названия произведений, годы написания, библиографические описания, объемы текстов (количество страниц), номер тома, наличие заголовков, различных форматирований, сносок и т.п. Однако, разметка на разных сайтах различается, в связи с чем возникают определенные трудности, если в коде отсутствует необходимая информация о произведениях. К таким сайтам относится Projekt Gutenberg-DE [8], содержащий тексты переводов рассказов А. П. Чехова на немецкий язык. С помощью его разметки можно соотнести оригинальные и переведенные тексты по абзацам и предложениям, однако такая информация, как библиографическое описание, год публикации и перевода, объем текста (количество страниц) и т.д. отсутствует, что затрудняет процесс автоматизации сбора метаданных об источнике перевода и включения этой информации в TEI-документ. Поэтому информация о текстах переводов была собрана вручную и использована в качестве универсального справочника для заполнения метаданных в TEI-документах.

Тем не менее, были найдены некоторые соответствия HTML разметки сайта Projekt Gutenberg-DE и разметки TEI проекта Chekhov Digital: например, тег HTML `<meta name="title" content="..."/>` соответствует тегу TEI: `<title>`, тег HTML: `<meta name="author" content="..."/>` – тегу TEI `<author>` и т.д., поэтому некоторую метаинформацию удалось собрать со страниц сайта Projekt Gutenberg-DE. Например, произведения на немецком языке здесь представлены в сборниках, поэтому метаинформация в разметке HTML представлена для всего сборника, следовательно, при автоматической разметке названия произведения (тег `<title>`) необходимо использовать информацию из тега `<h3>`, который маркирует заголовок третьего порядка (название произведения в сборнике). Кроме того, в тегах `<meta name="editor">` или `<meta name="translator">` отмечены все переводчики, принявшие участие в выпуске сборника, но для отдельного произведения сборника следует использовать тег `<h5>` (заголовок пятого порядка), в котором указано имя переводчика данного текста.

Для создания параллельного корпуса переводов произведений А. П. Чехова на разные языки в проекте Chekhov Digital используется тег `<choice>`, который в TEI используется для представления альтернативных вариантов разметки одного и того же фрагмента текста. Этот тег позволяет закодировать неоднозначность или неопределенность в тексте и предоставить читателю или исследователю различные варианты интерпретации. При этом тег `<choice>` может использоваться не только для выделения альтернативных вариантов разметки одного и того же фрагмента текста, но и для выделения целых сегментов текста, которые могут содержать различные его варианты. В этом случае тег `<choice>` может содержать дочерние элементы, содержащие большие фрагменты текста.

В качестве фрагментов текста в нашем случае выступают абзацы или предложения (в зависимости от варианта соотнесения размеченных текстов: по абзацам или по предложениям – в разных случаях оптимальным может быть как первый, так и второй).

Существуют разные способы выделения двух альтернативных вариантов текста целиком, один из них | каждый вариант представлен тегом абзаца `<p></p>`, который содержит текст версии. Например, каждый элемент `<p>` имеет уникальный идентификатор, заданный с помощью атрибута `@xml:id`, в котором указывается вариант текста – оригинальный или переведенный на определенный язык (de, en, bg и т.д.):

```
<choice>
```

`<p xml:id="orig">Молодая рыжая собака — помесь такса с дворняжкой — очень похожая мордой на лисицу, бегала взад и вперед по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озявшую лапу, то другую, старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась?</p>`

`<p xml:id="de">Ein junger rotbrauner Hund – eine Kreuzung von Dachs und Dorfköter –, dessen Schnauze der eines Fuchses sehr ähnelte, lief auf dem Trottoir hin und her und schaute sich unruhig nach allen Seiten um. Zuweilen blieb er stehen, hob winselnd bald die eine, bald die andere seiner frierenden Pfoten und suchte sich darüber Rechenschaft zu geben, wie es doch passieren konnte, daß er sich verirrt hatte?</p>`

```
</choice>
```

Второй способ: каждый вариант представлен элементом `<seg>` (от 'segmentation'), который содержит текст версии. Элемент `<seg>` имеет идентификаторы `<type>` и `<subtype>`, задающие тип фрагмента: «оригинал» («orig») или «перевод» («translated») – и язык перевода («en», «de», «fr») соответственно:

```
<choice>
```

`<seg type="orig">Молодая рыжая собака — помесь такса с дворняжкой — очень похожая мордой на лисицу, бегала взад и вперед по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озявшую лапу, то другую, старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась?</seg>`

`<seg type="translated" subtype="de">Ein junger rotbrauner Hund – eine Kreuzung von Dachs und Dorfköter –, dessen Schnauze der eines Fuchses sehr ähnelte, lief auf dem Trottoir hin und her und schaute sich unruhig nach allen Seiten um. Zuweilen blieb er stehen, hob winselnd bald die eine, bald die andere seiner frierenden Pfoten und suchte sich darüber Rechenschaft zu geben, wie es doch passieren konnte, daß er sich verirrt hatte?</seg>`

```
</choice>
```

Для разметки параллельного корпуса был выбран элемент `<seg>` как более предпочтительный по ряду причин. Во-первых, его структура позволяет более точно закодировать альтернативные варианты текста, соотносимые нами по параграфам и знаменательной лексике, поскольку его назначение – выделение целых сегментов или фрагментов текста. В отличие от атрибута `xml:id`, который позволяет создавать ссылки на различные элементы документа и может использоваться, например, для присвоения

ссылок именованным сущностям или другим единичным элементам текста, тег `<seg>` имеет более узкую направленность. Выбрав его в качестве основного для разметки альтернативных сегментов текста, мы избежим проблем, когда один и тот же тег выполняет несколько разнонаправленных функций.

Во-вторых, опираясь на необходимость выравнивания по ключевой лексике, выделенной в процессе цифрового исследования, мы стремимся сперва разделить тексты на небольшие отрезки, внутри которых будет проще соотнести значимые элементы. В таком случае мы можем использовать тег `<seg>` для выделения отдельных абзацев в каждом тексте, обозначения языка перевода и т.д. Затем внутри этих фрагментов мы можем выровнять значимую лексику, используя атрибут `xml:id` или другие, имеющие конкретное назначение (имена, даты, фразеологизмы и т.д.).

Заключение

Семантическое издание Chekhov Digital | динамично развивающийся проект по цифровизации литературного наследия А. П. Чехова, который ориентирован на создание новых исследовательских инструментов для изучения и анализа его произведений. Один из таких инструментов | параллельный корпус переводов художественной прозы писателя на немецкий язык, с помощью которого появится возможность обнаруживать в текстах переводов и оригиналов сходства и различия в лексике, грамматике, стиле, культурных отсылках. Разработка семантической разметки для параллельного корпуса переводов рассказов А. П. Чехова на немецкий язык является важным шагом в развитии этого инструмента. Опыт использования цифровых методов для разработки функционального инструментария работы с творческим наследием Чехова в рамках проекта Chekhov Digital является ценным для будущих исследований и практических применений. Он демонстрирует возможность эффективного использования цифровых технологий в гуманитарных исследованиях и образовании.

В целом, проект Chekhov Digital является перспективным направлением развития цифрового гуманитарного образования и исследований, которое способствует сохранению и популяризации творческого наследия А. П. Чехова. Создание параллельного корпуса переводов рассказов писателя на немецкий язык расширяет функциональность проекта и его применимость в различных областях знаний, включая языкознание, литературоведение и переводоведение.

Библиография

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1983.
2. TEI Consortium, eds. TEI P5: Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange. Version 4.7.0. Last updated on 16th November 2023. TEI Consorti-um. URL: <http://www.tei-c.org/Guidelines/P5/> (дата обращения: 24.03.2024).
3. Wikidata // URL: https://www.wikidata.org/wiki/Wikidata:Main_Page (дата обращения: 10.04.2024).
4. Северина Е. М., Бонч-Осмоловская А. А., Кудин А. М. Цифровые филологические практики: проект "Chekhov Digital" // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. №2. С. 153-165.
5. Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М.: Индрик, 2005, 263-296.
6. Калинина Е. Э. Рамочная конструкция предложения как результат генезиса порядка слов индоевропейских языков // Международный научно-исследовательский журнал.

2017. №5-1 (59). С. 141-143.
7. Северина Е.М., Ларионова М.Ч. Новые филологические практики: семантическое издание текстов А. П. Чехова // Филология: научные исследования. 2020. № 10. С.13-21. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.10.33970 URL: https://enotabene.ru/fmag/article_33970.html
8. Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/> (дата обращения 10.04.2024).
9. Chekhov Digital. Семантическое издание текстов А. П. Чехова. URL: <https://chekhov-digital.sfedu.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).
10. Tschechow Anton Pawlowitsch Gesammelte Erzählungen: Geschichten in Grau + Kleine Erzählungen + Lustige Geschichten + Von Frauen und Kindern + Duell... // Sharp Ink Publishing. 2023.
11. Eder M. Rolling stylometry //Digital Scholarship in the Humanities. 2016. 31(3). Р. 457-469.
12. Федоров Н. А. Проект Chekhov Digital: стилометрический анализ текстов перевода рассказов А.П. Чехова на немецкий язык // Инновации в науке и трансформация парадигмы современного образования: сборник научных трудов. Казань: ООО "САНТРЕМ", 2024. С. 147-150.
13. Меньшиков Я. С. Преимущества автоматического сбора данных в сети интернет над ручным сбором данных // Universum: технические науки. 2022. №10-1 (103). С. 33-36.
14. ЭНИ «Чехов» / ФЭБ. URL: <https://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp> (дата обращения 10.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цифровизация галопирующем образом заполняет все сферы деятельности. Не является исключением и мир гуманитарный. Как отмечает в начале своего труда автор, «в современном гуманитарном знании цифровые технологии приобретают все большее значение, соответствуя глобальным тенденциям цифровизации различных сфер человеческой деятельности, с одной стороны, а с другой позволяет развивать новые формы и исследовательские подходы в гуманитарных науках. Развитие цифровой среды меняет формы существования текстов, формируя новые подходы к форматам изданий литературных текстов, которые должны стать цифровыми, обеспечивая не только сохранность текстов как культурных объектов, но и доступ к ним как к носителям культурных смыслов и знаний, что требует преобразования филологических знаний в цифровой машиночитаемый формат». С данным утверждением сложно не согласиться, оно объективно, оно конструктивно. В данной статье анализу подвергается проект Chekhov Digital, который курирует Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета совместно с отделом гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук и Международной лабораторией языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Считаю, что грамотная оценка проекта необходима для дальнейшего совершенствования указанного цифрового ресурса. Статья достаточно грамотно выстроена, определенное чередование теоретического уровня с практическим дает возможность читателю (даже не подготовленному) получить необходимый срез оценки. Методика исследования соотносится с рядом современных наработок. Суждения имеют научный характер, серьезных нарушений не выявлено. Стиль соотносится с

академическим письмом: например, «в проекте Chekhov Digital используется структура разметки текстов, основанная на стандарте цифровой публикации TEI (Text Encoding Initiative), которая делает документы машиночитаемыми. Документы, размеченные в соответствии с принципами TEI, состоят из двух частей: TEI-заголовка с метаданными источника (например, описанием издания, названием, именем автора, языком текста и т.д.), и текстового модуля, включающего размеченную текстовую информацию. TEI позволяет учесть специфику текста, например, дополнительные метаданные для писем (адресат, дата и место написания и т.д.), особенности представления информации в тексте, разметить именованные сущности, биографические сведения и некоторые социальные категории (социальный статус, профессиональную принадлежность и т. п.)», или «создание параллельных корпусов является сложной задачей, которая требует решения ряда проблем, связанных с выравниванием текстов. Выравнивание (alignment) – это процесс сопоставления фрагментов текста в исходном и целевом языках. Выравнивание может быть выполнено как вручную, так и с помощью автоматических инструментов, однако в любом случае этот процесс требует значительных временных и ресурсных затрат» и т.д. Целевая составляющая сводится к следующему: «в рамках исследования разработаны принципы семантической разметки переводов художественной прозы А. П. Чехова на немецкий язык в рамках проекта Chekhov Digital, что позволит создать параллельный корпус переводов в формате TEI». Статистические данные вводятся в работу с учетом максимальной открытости: «на страницах сайта электронной библиотеки немецкоязычных текстов Projekt Gutenberg-DE были собраны 84 текста переводов рассказов А.П. Чехова на немецкий язык. Собранный корпус представляет собой все переводы, находящиеся в свободном доступе в данной электронной библиотеке. Оригинальные тексты произведений писателя из Полного академического собрания сочинений представлены в рамках проекта Chekhov Digital. На данный момент общий корпус исследуемых текстов составляет 168 текстов: 84 текста на русском языке (оригинальные тексты), 84 текста переводов, выполненных А. Элиасбергом (46), В. Чумиковым (12), К. Хольмом (5); авторство 21 текста переводов не обозначено ни на сайте Projekt Gutenberg-DE, ни в других сборниках переводов рассказов А.П. Чехова, находящихся в свободном доступе в сети Интернет...». Считаю, что работа имеет практическую направленность, результаты можно использовать далее при формировании / создании цифровых платформ. Выводы по работе ориентированы на основной блок, автор отмечает, что «в целом, проект Chekhov Digital является перспективным направлением развития цифрового гуманитарного образования и исследований, которое способствует сохранению и популяризации творческого наследия А. П. Чехова. Создание параллельного корпуса переводов рассказов писателя на немецкий язык расширяет функциональность проекта и его применимость в различных областях знаний, включая языкознание, литературоведение и переводоведение». Думается, работа в указанных сегментах может быть продолжена далее. Констатирую: тема данного исследования раскрыта, цель достигнута, общие требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и доработке. Рекомендую рецензируемую статью «Проект Chekhov Digital: семантическая разметка параллельного корпуса переводов художественной прозы А. П. Чехова на немецкий язык» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Коновалов А.А., Петрова А.А. Образ писателя-бунтаря (по романам «Бунт Дениса Бушуева» С. С. Максимова и «Бунт подсолнечника» Л.Д. Ржевского) // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70313 EDN: РХМХЕР URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70313

Образ писателя-бунтаря (по романам «Бунт Дениса Бушуева» С. С. Максимова и «Бунт подсолнечника» Л.Д. Ржевского)

Коновалов Андрей Александрович

ORCID: 0000-0001-9311-3239

кандидат филологических наук

профессор, кафедра Русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет

119435, Россия, Москва, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, каб. 303

✉ aa.konovalov@mpgu.su

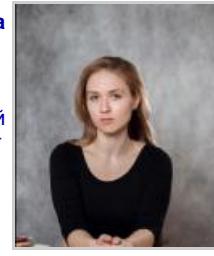
Петрова Анастасия Александровна

ORCID: 0009-0002-4139-9196

соискатель, кафедра русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет

121108, Россия, Москва, г. Москва, ул. Кастанаевская, 45 к.1, кв. 65

✉ nroslavceva@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70313

EDN:

РХМХЕР

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2024

Аннотация: В статье исследован образ литератора в романах «Бунт подсолнечника» Леонида Ржевского и «Бунт Дениса Бушуева» Сергея Максимова. Предметом исследования является поэтика образа литератора в творчестве крупных писателей второй волны русской эмиграции. Основанием для сопоставления стали общая

проблематика романов, схожесть судеб главных геров и принадлежность авторов к одному направлению русской литературы XX века – второй волне русской эмиграции. На примере судеб писателя-эмигранта и писателя метрополии рассматривается восстание против идеологических ограничений, диктуемых политическим режимом. Особое внимание уделяется литературной традиции изображения героя-творца в начале XX века, а также автобиографическим и историческим фактам, повлиявшим на трансформацию рассматриваемого образа в творчестве эмигрантов второй волны. Методологической базой исследования является комплексный подход, включающий в себя биографический, историко-типологический и сопоставительный методы. Внимание автора акцентируется на конфликте «художник-власть», находящемся в центре романов «Бунт Дениса Бушуева» и «Бунт подсолнечника». Новизна исследования обусловлена введением ранее малоизученного материала, впервые представлен сопоставительный анализ романов авторства представителей второй волны эмиграции. В результате анализа в изображении героев-художников С.С. Максимовым и Л.Д. Ржевским были выявлены следующие типологические сходства: в основе образов бунтующих героев-творцов лежит личный опыт авторов; главным конфликтом обоих произведений является обострение противоречий между литератором и властью; данный конфликт лежит в основе творчества большинства эмигрантов второй волны. Также в ходе исследования было доказано, что изображение героя-литератора в произведениях второй волны русской эмиграции продолжает традицию классической русской литературы в изображении конфликта художника и власти, однако эмигрантское творчество интерпретирует его в трагическом ключе.

Ключевые слова:

литературы эмиграции, вторая волна эмиграции, Ржевский, Максимов, герой-литератор, герой-творец, автобиографический герой, образ писателя, художник и власть, политика и искусство

Литературное наследие, оставленное второй волной русской эмиграции, сегодня только начинает активно изучаться, хотя перспективность данного направления литературоведения неоднократно была отмечена ещё в конце прошлого века [1]. В отличие от предшествующей первой волны эмиграции, вторая не стала единым самоосмысливым процессом, представляя собой настояще «рассеянье», слабо или даже вовсе не связанное между собой. Тем не менее исследователи неоднократно отмечали общие тенденции, свойственные представителям данного течения, даже не состоявшим в творческом диалоге друг с другом. Так, выделяют несколько ведущих тематических направлений [2, 14], которые развиваются в прозе и поэзии авторов второй волны: социальные изменения в России в 1930-е годы, Вторая мировая война, жизнь в лагерях Ди-Пи и жизнь в эмиграции. Также в качестве ведущей тенденции зарубежной русскоязычной литературы отмечается антибольшевистская направленность [3, 21]. И хотя художественные особенности наиболее крупных писателей рассмотрены в нескольких диссертационных исследованиях и немногочисленных статьях [1], до сих пор очень мало как обобщающих трудов по поэтике прозы второй волны, так и монографических работ, посвящённых наиболее значительным её представителям.

В настоящее время одним из самых хорошо изученных авторов второй волны эмиграции является Леонид Денисович Ржевский (настоящая фамилия Суражевский, 1905–1986). Филологическое образование один из самых ярких и значительных русских писателей-

эмигрантов получил на Родине (закончил 2-й МГУ, ныне МПГУ), однако творческий путь он начал уже в эмиграции (Германия, Швейцария и США). Главные герои Л.Д. Ржевского автобиографичны: в произведениях, посвященных разными историческим событиям, мы можем увидеть сюжеты, отражающие важные жизненные вехи самого писателя: работу и учёбу в Москве («Между двух звезд»), войну и пленение («Девушка из бункера»), жизнь в эмиграции («Бунт подсолнечника»). Творчество писателя позволяет воссоздать, как отмечает А.А. Коновалов [4], историко-литературной контекст всей второй волны эмиграции.

Творчество Сергея Сергеевича Максимова (настоящая фамилия Пашин (Пасхин), 1916–1967) только начинает изучаться на Родине. Об авторе нам известно в основном из сведений, представленных В.В. Агеносовым и М.Е. Бабичевой: С. С. Максимов («Сведения о настоящей фамилии разнятся: в США его брат жил под фамилией Пашин, краевед и литературовед А. Любимов утверждает, что правильно говорить Пасхин; вдова Н. Пашина называла мне фамилию Паршин» [5]) родился в Костромской губернии, предки писателя служили лоцманами или капитанами на Волге, поэтому значительную часть произведений он посвящает изображению волжских просторов. С 15 лет печатался в «Мурзилке», поступил в Литературный институт, однако затем был арестован и в 1936 году был отправлен в Печорлаг. Творчество автора описывает социальные изменения в стране начала XX века, а также суровые реалии концентрационных лагерей («Тайга», «Голубое молчание»).

Можно отметить, что в основе творчества Л. Д. Ржевского и С. С. Максимова лежат реальные факты из истории страны и личной жизни, что было свойственно большинству прозаиков второй волны. Эмигранты 1940-х годов, «вторые», были отрезаны от Родины в намного более категоричной и бескомпромиссной форме, чем представители первой волны (среди них практически не наблюдается реэмиграции, и в отличие от эмигрантов 1910 – 1920-х гг. вплоть до рубежа 1980–1990-х годов они не имели возможности ни краткого посещения Родины в составе туристических групп, ни переписки с родственниками). Тем не менее «вторые» активно интересовались происходящим в СССР, вновь и вновь возвращались в своих произведениях к событиям, повлиявшим на их творческую судьбу. Так, одной из важных тем, свойственных прозе второй волны эмиграции, является проблема взаимоотношения художника и власти, актуальной для всей русской литературы, но особенно обострившейся в XX веке и занявшей центральное место в творчестве эмигрантов 1940-1960-х годов.

Судьба писателя, вынужденного взаимодействовать с властью разными путями – пытаться наладить диалог, приспособливаться, эмигрировать, скрываться, вступать в открытую конфронтацию – часто становится центральной проблемой множества произведений русской литературы, и в творчестве писателей-эмигрантов эта традиция продолжается. Постепенно меняя свой художественный облик и модифицируясь с учётом реалий эпохи, образ героя-творца в начале прошлого века, наряду с философскими задачами, начинает выполнять и социальные. Так, в 1920-1930-х годах художник в самом широком понимании этого слова становится частью государственной идеологической машины. В этой ситуации прямо (как правило, «в стол» применительно к советской действительности) или опосредованно (используя иносказание и мифологические обобщения) авторы художественных произведений всё чаще задаются вопросом о роли творчества и творца (в частности, писателя) как в рамках своего творчества, так и в общественных дискуссиях. В довоенный период появляется значительное количество произведений, посвящённых образу такого героя: например, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Дар» В. Набокова, «Художник неизвестен» В.

Каверина, «Вор» Л. Леонова и др.

Можно заметить, что одной из значимых литературных традиций начала прошлого века становится изображение художника, тяготеющего не только к изображению окружающей его реальности, но и к её сотворению. При создании подобного героя писатель опирается в первую очередь на собственные ценности и идеалы. М. М. Бахтин определяет автора как иерархически организованное явление, триаду: биографический автор (существует исключительно вне произведения) — первичный автор (не созданный, но создающий) — вторичный автор (созданный и создающий) [\[6\]](#). Подобная триада наиболее точно раскрывает взаимосвязь автора-творца и автора-героя в структуре художественного произведения и будет использована при анализе романов «Бунт Дениса Бушуева» и «Бунт подсолнечника».

В 1920-е годы В. Виноградов разработал теорию функциональных стилей, в которой под образом автора понималась основная стилевая характеристика, определяющая эстетическое отношение автора к содержанию собственного произведения [\[7, 1976\]](#). Одной из главных особенностей изображения творца в произведениях начала прошлого века является автобиографичность, которая может объясняться стремлением «первичного» автора передать все трудности творческого процесса, включая идеологическое давление. Подобный приём даёт автору возможность как дистанцироваться и рассуждать о творчестве и таланте вне времени, так и комментировать происходящее здесь и сейчас.

В свою очередь, Г. Я. Солганик одним из основных компонентов образа втора называет проявление отношения к действительности [\[8, 2014\]](#). То есть образ творца в художественном произведении может выражать социальные и философские идеи автора, а автобиографичность данного образа лишь укрепляет связь авторских взглядов на окружающий мир и его собственное место в нём с идеально-ценностными позициями, транслируемыми в художественном произведении. Можно заключить, что образ художника в литературе не только изображает процесс творчества и помогает исследовать роль творца, но и служит платформой для выражения и обсуждения социокультурных вопросов, что свидетельствует о глубокой взаимосвязи между художником и обществом, в котором творчество становится рупором общественного мнения.

Именно таким и становится общество послереволюционного периода, поскольку теперь оно характеризуется интенсивными культурными и социальными изменениями, вызванными революционными событиями и стремлением к построению нового общества. В свою очередь литература играет ключевую роль в этом процессе, становясь не только выразителем и критиком общественных процессов, но и одним из основных ориентиров в формировании обновлённой культурной идентичности. Литературоцентричность вообще является фундаментальной особенностью национального мировосприятия в русской культуре, а потому изображение жизни писателя позволяет сложить полноценную картину и общественной жизни целого периода.

В основе эмиграционных процессов в России 1917–1980-х гг., в том числе и «второй волны», лежал конфликт с властью. Судьба писателя-эмигранта отражается последовательно в его творчестве, когда за основу сюжета берутся факты биографии или герой наделяется автобиографическими чертами. Выводя на первый план героя-творца, автор подталкивает читателя к нахождению данной параллели, одновременно осмысливая собственный опыт на страницах художественных произведений.

Автобиографическими чертами обладают и герои Л. Ржевского и С. Максимова, что неоднократно было отмечено исследователями их творчества [\[5; 9; 4; 10\]](#). Таким образом, обращаясь к изучению образов героев-творцов, изображаемых авторами второй волны русской эмиграции, можно не только рассмотреть проблему взаимоотношений художника и власти с нового ракурса, но и расширить представление о социокультурном контексте середины прошлого века.

Роман «Бунт подсолнечника» был издан в 1981 году в Нью-Йорке. Это самостоятельное произведение, встроенное, однако, в систему текстов автора и являющееся последним крупным текстом Л.Д. Ржевского, завершающим его творческий путь. Роман охватывает широкий круг проблем и включает в себя множество интертекстуальных элементов, а также имеет сложную повествовательную структуру: в него включены две повести, авторами которых являются главные герои. Центральными персонажами романа являются представители творческой интеллигенции русской эмиграции: рассказчик С.С., ворчливый пожилой эмигрант второй волны, прошедший войну и переживающий тяжелый внутренний конфликт, заключающийся в тоске по Родине и одновременной обиде на неё; и Дима «Подсолнечник», эмигрант третьей волны, сбежавший в США за свободой слова. Основной конфликт развивается вокруг столкновения двух волн русской эмиграции на территории США.

В лице Димы мы видим обобщенный образ писателя из третьей волны эмиграции. Он эмигрировал в Америку в поисках лучшей жизни и свободы самовыражения, однако оказался заложником собственных ожиданий. Он не ощущает такой беззаботной и преданной любви к Родине, как С.С., однако с течением времени понимает, что, уехав из России, оставил там своего читателя, и потому сейчас ощущает кризис, который называет «творческим бесплодием».

В названии романа «Бунт подсолнечника» обыгрывается название поэмы украинского поэта И. Драча «Балада про соняшник» («Баллада о подсолнухе»), которую неоднократно цитирует главный герой. Дима сделал талантливый перевод поэмы на русский язык и с большим энтузиазмом читал её на творческих вечерах и домашних посиделках, чувствуя особое родство с лирическим героем произведения: он застывает в восхищении перед солнцем-поэзией, ставшем увлечением всей его жизни; поэзия называется солнцем, а каждый, кто открыл её для себя, - подсолнечником. Особая любовь Димы к этому тексту говорит о том, что в этом подсолнечнике он увидел себя – человека, готового рисковать всем и следовать за своим солнцем.

С. С., возмущаясь Диминой, а вместе с ним и в целом поколенческой (свойственной третьей волне эмиграции, как считали представители первой и второй волн) самовлюбленностью, называет его литературным нарциссом. Позже мы наблюдаем языковую игру, построенную на аллегории – нарцисс как герой мифологии превращается в цветок, и через отсылку к «Балладе о подсолнечнике» Драча Дима приобретает свое прозвище: «*Вот этот его Драч знаменательную сочинил вещицу, живописный рикошет с греческого. У греков – Нарцисс, у нас – Подсолнечник!*» [\[11, 54\]](#).

Однако позже, размышляя о вдохновленном и эмоциональном юном таланте, Сергей Сергеевич уже более мягко объясняет, что прозвище Димы на самом деле глубоко раскрывает его сущность и внутренний конфликт, развивающийся внутри молодого поэта: «*Я вот назвал Диму Подсолнечником за самовлюбленность, но, в сущности, все мы, интеллигенты – подсолнечники, потому что при всех своих увлечениях, народом ли, революцией ли, первой всего любили самих себя, свою способность мыслить, свою одержимость. <...> И бунтовать обожали мы, но вряд ли умели, бунт наш обрывался в*

ничто – в отчаяние, в покаяние, в моральное харакири» [\[11, 199\]](#).

Если Л. Ржевский пишет скорее многослойный, трудноопределимый с точки зрения жанровой принадлежности роман, то произведение С. Максимова определяемо вполне точно: «Бунт Дениса Бушуева» вслед за первой частью его относят к жанру бытового романа с ярко выраженной любовной линией, лежащей едва ли не в центре повествования, за которой прячется глубокая идеологическая проблематика произведения и следующая из нее задача – изобразить, как влияет на судьбу персонажей новая действительность начала века. Роман был издан в 1956 году в Нью-Йорке и является продолжением нашумевшего и неоднократно отмеченного современниками романа «Денис Бушуев» (по сведениям В.В. Агеносова, о «Денисе Бушуеве» положительно отзывались И. Бунин, Б. Зайцев и М. Алданов. [\[5\]](#)). Если в первом романе рассказывается о юности главного героя и становлении молодого писателя, то продолжение, хотя это самостоятельное произведение, повествует уже о жизни известного всему Союзу поэта Бушуева, который был награжден орденом Ленина за пьесу «Матрос Хомяков» и обрел всесоюзную славу. Несмотря на то что второй роман был достаточно холодно принят современниками, в нем поднимаются важные социальные проблемы, а характеры, описанные в первой части, раскрываются с новой стороны. В основе «Бунта Дениса Бушуева» лежит внутренний конфликт заглавного героя, постепенно разрушающий его: талантливому писателю, обретшему признание и народную любовь, тяжело дается бремя популярности. Денис тяжело переживает социальный разрыв с обществом, из которого он вырос, ему претит воспевать власть, которая должна бороться за равенство и всеобщее благополучие, а на деле лишь усугубляет классовое неравенство.

Н. Ю. Букарева отмечает: «С. Максимов показывает внутреннее раздвоение писателя, вынужденного восхвалять то, с чем на самом деле не согласен. Это «раздвоение», по сути своей вынужденное, ведет личность к лицемерию как внутренне принятой этической норме» [\[10, 67\]](#). Действительно, внутреннее раздвоение Дениса проявляется уже на первых страницах романа: «За короткие годы восхождения по лестнице славы Денис Бушуев мало изменился внешне и мало походил на известного писателя – по-прежнему во всем его облике проглядывало то основное, главное, волжское, что составляло сущность его. И этого главного, грубо-русского, не уничтожили ни изящная одежда, ни новые черточки в характере, ни уверенность в движениях и в речи» [\[12, 43\]](#).

Всесоюзное признание, а вместе с тем богатство и доступ к благам высшего света не изменили натуру Дениса – выросший на Волге крепкий мужчина бурлакской крови не только испытывает досаду и неловкость, оказавшись в центре внимания, но очень хорошо ощущает разрыв с народом, выходцем из которого является. Он часто приезжает на малую родину и с горечью отмечает, как сильно отличается его новая жизнь от односельчан, одновременно хочет лучшей жизни для своей семьи и стыдится, что начинает иметь мало общего с настоящим народом, на благо которого должен трудиться. С течением романа Дениса всё чаще захватывают мысли о предназначении, ему стыдно за его красивый дом, возвышающийся над хибарками родного села Отважного, ему горько от необходимости воспевать негодяев, он всё существенное осязает разницу между собой-лоцманом и собой-лауреатом Сталинской премии.

Очевидно, что главными персонажами обоих романов являются литераторы, вынужденные проживать серьезную внутреннюю драму, которая складывается из идеологических расхождений с властью. Денис пытается найти компромисс между желанием реалистично изображать как окружающий мир, так историческую

действительность и необходимостью «прославлять» советскую идеологию; а Дима, герой Л.Д. Ржевского, выбирает путь эмиграции, думая, что «страна свобод» – США позволит его таланту раскрыться в полной мере, освободившись от цензурных оков советской власти.

К бунту Дениса Бушуева приводит целая череда событий и случайностей: влияние Ольги и любовь к ней; знакомство с её братом, бежавшим из лагеря и скрывающимся от ареста; поведение отца, превратившегося в мещанина; увещевания Деда, мудрость которого не вызывает сомнений; а также случайные встречи, литературные вечера и поступки коллег – все эти события существенно влияют на Дениса, который тонко чувствует людскую натуру и остро воспринимает происходящее вокруг него. Впервые он «свернул не туда, когда получил нагрузку руководить литературным кружком при библиотеке Белинского и заметил, что стихи, которые пишет молодежь «в стол» и для публикации, существенно различаются, причем искренние, а оттого лучшие получаются на вечные темы, где нет «ни заводов, ни колхозов, ни Сталина». «Даже дети понимают, что предназначается для печати, а что – «для души», – с горечью думал Бушуев» [\[12, 26\]](#).

Словами героя выражается одна из центральных проблем романа – восстающий против власти художник на самом деле восстает против неискренности и двуличия, окружающего его. «Как можно, так презирая простого человека, писать романы и повести из жизни рабочих и колхозников?», «А что, существовали ли истинные таланты, воспевавшие, оправдывавшие деяния негодяев?» [\[12, 329\]](#), – главный герой все чаще по ходу романа задается риторическими вопросами, ответы на которые не озвучивает, но чувствует, а потому всё больше охладевает к творчеству и наполняется злостью к власти, одарившей его благами за его творчество и одновременно отнимающей у него талант. Тяжелым бременем для Дениса становится собственное творчество – поэма об Иване Грозном, которой заинтересовался сам И.В. Сталин, прочитавший отправленную в редакцию рукопись и пригласивший Бушуева к себе на личную беседу для обсуждения идейной составляющей произведения: по мнению вождя, Грозный должен быть изображен величайшим человеком, принесшим России пользу, а финальную сцену, где Грозный обличается как жестокий преступник, необходимо выкинуть. Эта встреча меняет многое в герое. Иногда проскальзывающие мысли об истинном предназначении художника оборачиваются вполне серьезным внутренним диалогом: неужели необходимо отказываться от правды? Так, работа над произведением, в основе которого лежат исторические события XVI века и сложный реалистичный образ, сталкивает литератора с ощущением двуличия настоящего времени и его «героев».

Почему же авторы выбирают именно такой путь сопротивления для своих персонажей? Бунт как результат не планомерного сопротивления, но стихийного восстания – одна из исконных русских форм защиты своей идентичности, следующая за длительным смирением и покорностью. Бунты обоих героев выражают собой пламенные выступления против соцреализма, однако с одной существенной разницей: Денис бунтует против всей советской власти, смело выступая с поэмой об Иване Грозном на литературном вечере, транслируемом по радио; бунты Димы же представляют собой монологи, произнесенные в очень частных встречах, и направлены старшему товарищу-эмигранту С.С. Несмотря на разные обстоятельства, в них много общего: советский писатель-лауреат Сталинской премии и известный в узких кругах эмигрант третьей волны, бежавший от режима, не могут смириться с принципами неискренности, невозможностью полной творческой самореализации в узких рамках диктуемого государством курса на социализм, который необходимо реализовывать на страницах своих опусов.

Кульминацией романа С. Максимова является сцена выступления Дениса на литературном вечере в Колонном зале Дома союзов. Вместо чтения отрывка одной из своих повестей Денис неожиданно для всех решает прочитать заключительную сцену из поэмы об Иване Грозном, которую просил вычеркнуть И. Сталин. С. Максимов показывает яркую сцену глазами Ольги – жены Дениса – первой, кто понял, что за отрывок читает писатель и к каким последствиям это приведет: «*Денис Бушуев все продолжал и продолжал бросать в зал жуткие, обнаженные слова. Голое его то гремел, сотрясая хрустальные люстры, то переходил почти на шепот, страстный и сильный, хватавший зрителей за сердца и вызывая холод в спинах. Глаза Дениса – прежде холодные и мутные – загорелись лихорадочным, больным блеском. Пальцы крупных рук чуть вздрагивали, и вздрагивали в паузах тугие, слегка побледневшие губы»* [\[12, 383\]](#)

Работая над образом Ивана Грозного, Бушуев, внимательно изучивший разные исторические источники, мучился от осознания исторической несправедливости: предельная жестокость, с которой проводил свои реформы царь, не могла быть оправдана их величием в глазах писателя. И это бесчеловечие обличает он в финале поэмы, который так не понравился вождю советов. Несмотря на то что публика не успела осознать масштаба произошедшего и даже разразилась аплодисментами автору, последствия бунта против лицемерия и неоправданной жестокости правителей настигли Дениса и его семью слишком быстро. Уже в следующей сцене мы видим писателя в «собачнике» Лубянки, а заключение романа показывает настоящую трагедию: бывший всесоюзный любимец лишается всех материальных благ, его книги уничтожаются, имя стирается из истории, а сам он погибает, сбегая из эшелона арестантов. Таким образом, мы видим, что бунт его терпит крах, в полной мере раскрывая одну из главных идей романа: свобода мысли и слова даже для талантливого автора, искренне горящего идеей сделать жизнь семьи и соотечественников лучше, невозможна там, где правда сталкивается с идеологическими задачами тоталитарного государства.

Однако Л. Ржевский идет дальше. Его герой, сбежавший из тоталитарного государства в поисках свободы слова, также эту свободу не обретает. «Подсолнечник» устраивает два бунта. В первый раз, когда он бунтует против отсутствия свободы слова в СССР, Димина речь полна патетики о несвободе русской литературы, создаваемой в рамках соцреализма, он обличает типичного советского героя, укоряя его тем, что тот не способен на справедливый протест и что такой герой – клевета на умный и великий народ. Дима искренне возмущается тем, что политика государства уничтожает творчество, однако не чувствует разрыва с родиной и злорадствует на писателей, оставшихся там.

Но второй бунт против несоответствия западной жизни возложенным на неё ожиданиям заставляет нас совершенно иначе взглянуть на Диму и трагедию третьей эмиграции в целом. Эмигранты третьей волны были обречены на разочарование. И причиной тому оказался читатель, точнее его отсутствие. Дима с горечью замечает, что Бунин не создавал эмигрантскую литературу, он дописывал то, что «не дописал дома», что Гюго не знал железных занавесов, что великая русская литература нуждается в первую очередь не в свободе, а в великом русском читателе, и отсутствие такого приводит Диму в ужас: «*Написанное здесь оживет только, если дойдет до читателя на родной земле. Но оно не дойдет, и значит – нет воздуха!*» [\[11, 213\]](#).

Вслед за Пастернаком, чьи слова Дима приводит в пример, он говорит, что главное в творчестве – самоотдача, но невозможно излучаться в пустоту. Бесплодие становится особым мерцающим символом в романе: фактически литературная эмиграция обречена

на него. Дима сравнивает эмигрантов с туристами, замечая, что творить, будучи туристом, нельзя. Ни один довод близких про будущего читателя на Диму не действует, в завершении эпизода он декларирует стихи, сравнивая последнюю строчку поэта с последним днем:

«Полет несбыточен при однокрылости.

Ищу читателя, как Божьей милости,

Излиться вовне кому.

Некому!»

[\[11, 215\]](#)

В финале романа Л. Ржевского бунтующий против соцреализма Дима с горечью осознает, что, в отличие от него, у писателей, оставшихся в России, есть читатель, а это значит, что по-настоящему свободен вовсе не он. Настоящее творчество невозможно без адресата этого творчества, что на протяжении всего повествования доказывает нам Л.Д. Ржевский не только словами героев, но и постоянным диалогом с читателем. Однако даже конфликт героя не находит своего разрешения: несмотря на насыщенный жизненный путь, Дима останется вечно бунтующим «подсолнечником», его мятеж не остановится до конца дней, он уйдет из мира в несогласии с ним. Такой бунт души, становление самосознания и поиск себя – то, что ценил Ржевский в своих персонажах, считая, что только так герой может прийти к истине.

С большой вероятностью Л.Д. Ржевский, внимательно следивший за литературным процессом в Зарубежье и Советской России не мог пропустить нашумевший роман С. Максимова, к тому же отмеченный его наставником И.А. Буниным, однако фактов, подтверждающих это предположение, найти не удалось. Мы придерживаемся мнения, что на страницах исследуемых произведений можем наблюдать творческий диалог в рамках одного литературного процесса – второй волны русской эмиграции. Можно отметить, что бунтующие герои Л. Ржевского и С. Максимова, вопреки бытованию в разных социальных контекстах (Россия 1930-х годов и США 1970-х), имеют в основе своей много схожих черт, берущих начало в автобиографических чертах персонажей, созданных авторами-эмигрантами одной волны. Дима-Подсолнечник и Денис Бушуев оба восстают против советской власти, каждый из них не способен смириться с правилами, которые диктует тоталитарное государство. Однако оба героя, отказываясь от сотрудничества с властью в пользу свободы на самовыражение, обречены на трагический конец, поскольку не могут существовать, не творя, а безвоздушное, то есть лишённое внимательного и отзывчивого читателя, пространство Запада оказывается ничем не лучше советского лагеря.

Таким образом, рассмотрев образ героя-творца в творчестве С.С. Максимова и Л.Д. Ржевского, можно заметить, что изображение героя-литератора в произведениях второй волны эмиграции продолжает традицию классической русской литературы в изображении конфликта художника и власти, однако по-своему интерпретирует его. Художник в этой борьбе против государства терпит неудачу, его судьба складывается трагично, какой бы путь сопротивления – эмиграцию или открытый бунт в метрополии – герой ни выбрал. Так раскрывается важная для второй волны эмиграции идея о борьбе за своё право быть услышанными на Родине и невозможности её воплощения.

Библиография

1. Агеносов В. В. Литература "второй волны" русской эмиграции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 1996. №4. С. 136-154.
2. Бабичева М. Е. На чужбине писали о Родине: проза второй волны русской эмиграции: библиографические очерки; Российская государственная библиотека, Научно-исследовательский отдел библиографии. – Москва: Пашков дом, 2020. – 590 с.
3. Антошин А.В. Русское зарубежье после второй мировой войны: в поисках консолидирующей идеи // РСМ. 2021. №1 (110). С 20-30.
4. Коновалов А. А. Творческий путь Л. Д. Ржевского (Суражевского). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М.: 2000. – 329 с.
5. Агеносов В. В. Бунт Сергея Максимова // Вестник РАН. 2014. № 4. С. 102-105.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. – С. 7-181.
7. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды / ред.: М. П. Алексеев, А. П. Чудаков; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1976. – 511 с.
8. Солганик Г. Я. Образ автора // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; Под редакцией А. П. Сквородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 343-344.
9. Бабичева М.Е. Русские писатели в эмиграции: творческий путь С. С. Максимова. *Обсерватория культуры*. 2016; 13(6): С. 712-719.
10. Букарева Н.Ю. Тема взаимоотношений художника и власти в диалогии Сергея Максимова «Денис Бушуев» и «Бунт Дениса Бушуева» // Мир русскоговорящих стран. 2021. №1 (7). С. 62-72.
11. Ржевский Л. Д. Бунт подсолнечника (Роман). Эрмитаж, 1981. – 235 с.
12. Максимов С. С. Бунт Дениса Бушуева / Сергей Максимов. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – 404 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Образ писателя-бунтаря (по романам «Бунт Дениса Бушуева» С. С. Максимова и «Бунт подсолнечника» Л.Д. Ржевского)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению литературного наследия, оставленного второй волной русской эмиграции.

В работе автор обращается к изучению образа писателя в произведениях Леонида Денисовича Ржевского (настоящая фамилия Суражевский, 1905–1986) и Сергея Сергеевича Максимова (настоящая фамилия Пашин (Пасхин), 1916–1967).

Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Так, методологической основой исследования явились описательно-сопоставительные, контекстуальные и ситуативно-интерпретационные методы исследования, а также методы герменевтики. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из

введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Автор подробно описывает ход исследования. Приведенные данные вполне репрезентативны. Отметим, что вводная часть не содержит конкретной исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Библиография оформлена в соответствии с требованиями ГОСТа. В общем и целом отметим, что работа написана простым, понятным для читателя языком, в ней поднимается актуальная исследовательская проблема.

В работе присутствует ряд опечаток по тексту, к примеру, «Голое его то гремел,...» (голос?), «компонентов образа втора называет...» (автора?) и т.п.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы и отечественной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Образ писателя-бунтаря (по романам «Бунт Дениса Бушуева» С. С. Максимова и «Бунт подсолнечника» Л.Д. Ржевского)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Долматова О.В., Аксельруд Д.А., Бродская М.С. О параметрах текстуальной связи между антецедентом и посессивным посткопулярным анафором в условиях эффекта определенности // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70570 EDN: QBGID URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70570

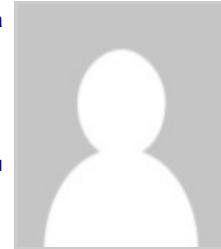
О параметрах текстуальной связи между антецедентом и посессивным посткопулярным анафором в условиях эффекта определенности**Долматова Олеся Владимировна**

ORCID: 0000-0002-2287-3561

кандидат филологических наук

доцент, кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, Пятигорский государственный университет

357500, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9, ауд. 225

□ olena.dolmatova2012@mail.ru**Аксельруд Дина Ароновна**

ORCID: 0000-0001-8353-7070

кандидат филологических наук

профессор, кафедра Экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»

357500, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9, ауд. 225

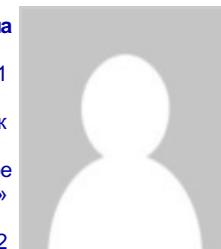
□ deaxel@mail.ru**Бродская Мария Сергеевна**

ORCID: 0000-0002-1478-3451

кандидат филологических наук

доцент, кафедра восточных языков и культур, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»

357500, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9, ауд. 302

□ mashuchok@gmail.com[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.4.70570

EDN:

QBGID

дата направления статьи в редакцию:

26-04-2024

Аннотация: Объектом исследования данной работы стал эффект определенности в английском языке. Эффект определенности является одним из наиболее дискуссионных и все еще не в полной мере решенных вопросов в современных лингвистических изысканиях. Текущим состоянием этой проблемы и обусловлена актуальность настоящей статьи. Предмет исследования составляют связи посессивных посткопулярных именных групп и их антецедентов в условиях эффекта определенности. Цель работы состоит в установлении характерных для данной позиции возможных закономерностей взаимного расположения указанных элементов. Изучаются особенности эффекта определенности с точки зрения расстояния между анафором и его антецедентом. Цель работы определила круг задач: сбор материала, удовлетворяющего входным условиям; выявление антецедентов посессивного анафора; установление расстояния между анафором и антецедентом. В работе на материале корпусных данных Британского национального корпуса (BNC) применены методы корпусного, синтаксического, контекстуального анализа. Новизна исследования заключается в самой постановке проблемы, ранее не поднимавшейся в научной литературе, а также в полученных результатах. В ходе работы авторами для антецедентов выявлены определенные типы, объединенные в укрупненные группы, а именно, выраженных эксплицитно антецедентов и антецедентов, не имеющих верbalного воплощения. Обнаруженное расстояние между антецедентами и их посессивными анафорами фиксируется как минимальное, в рамках соседних предложений, в ряде случаев стремящееся к нулевому значению. Обнаружена корреляция между типом антецедента, его локацией и дистанцией с посессивным анафором. Сделан вывод о возможном решающем значении такого расстояния для существования в качестве лицензирующего условия, обеспечивающего допуск посессивных именных групп в посткопулярную позицию английских бытийных предложений.

Ключевые слова:

эффект определенности, именная группа, определенность, анафора, антецедент, экзистенциальные предложения, притяжательные именные группы, посткопулярные именные группы, детерминативы, референциальный выбор

Введение

В работе предполагается установление дистанционного параметра текстуальной связи посессивного посткопулярного анафора с его антецедентом в условиях эффекта определенности. Понятие «эффекта определенности» введено Г. Милзарком в работе 1977 года и представляет собой ограничение на появление некоторых детерминативов в посткопулярных именных группах, а именно определенного артикла, универсальных квантификаторов “all, every, each”, квантификатора “most”, притяжательных и указательных местоимений, которые считаются определенными (отсюда и название явления – эффект определенности) [1]. Стандартной иллюстрацией выступают следующие примеры, где варианты 1а и 1б допустимы, а варианты 2 подвергаются сомнению:

1. a. *There was a man.*
- b. *There are some/several/many/three policemen.*
2. ?? a. *There was the man.*
- ?? b. *There is my uncle.*
- ?? c. *There is every man.*
- ?? d. *There are all pencils.*

Семантическим критерием разграничения выступала возможность (или невозможность) передавать значение размера множества, обозначенного существительным. Согласно этому критерию детерминативы условно разделялись на «слабые» и «сильные» (соответственно разрешенные и запрещенные в данной позиции). Практически сразу появились описания исключений, например, [\[2, 3, 4\]](#), сконцентрированные главным образом на определенном артикле, соответственно на первый план выходили вопросы определенности-неопределенности, основные положения содержатся, в частности, в [\[5, 6, 7\]](#). Эффект определенности имеет обширную историю изучения, регулярно появляются обзоры предшествующих работ, например, в [\[8, 9\]](#). В настоящее время эффект определенности обнаруживается исследователями на материале иных конструкций, в частности, притяжательных предложений (have-sentences) [\[10\]](#), а также иных, отличных от английского языков, например, [\[11-18\]](#). Кроме того, фокус внимания постепенно смещается от определенного артикла на условия допуска в указанную конструкцию других детерминативов: квантификаторов “all, every” [\[19, 20\]](#), притяжательных местоимений [\[21\]](#).

В статье рассматривается расстояние между анафором в посессивной посткопулярной именной группе английских экзистенциальных предложений и его антецедентом. Условия допуска притяжательных детерминативов с учетом семантико-прагматического интерфейса подробно описаны в [\[21\]](#), где авторами установлены следующие обязательные характеристики: существование объекта по умолчанию, перечисление, указание на локацию, дейксис. Поскольку фактор дистанции отмечается как значимый при референциальном выборе (см., например, [\[22, 23\]](#)), была предпринята попытка использовать его для выявления возможной закономерности между некоторым расстоянием от посессивного анафора до своего антецедента и собственно допуском притяжательной именной группы в посткопулярную позицию английских бытийных предложений.

Методы и материал

Материал представлен корпусом BNC. Из семейства больших корпусов университета Брайама Янга это самый консервативный и малочисленный корпус, именно из-за этих характеристик он и выбран в данном случае – он не отягощен ежедневными вхождениями новой информации, не приветствует варианты World Englishes (поскольку неизвестно, насколько устойчивыми они окажутся со временем). Выбраны примеры контекстов с посессивными посткопулярными именными группами в экзистенциальных конструкциях – всего 405 случаев. Использовались методы корпусного, синтаксического, контекстуального анализа, с помощью которых устанавливались типы и локации антецедентов. Все примеры представлены корпусом в письменном виде, с расставленной

пунктуацией, границами предложений, что позволяет определять линейное расстояние там, где это возможно в терминах предложений, клауз или отдельных слов.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования распределились следующим образом.

К первой группе, самой многочисленной из имеющейся выборки (254) отнесем примеры с неназванным явно антецедентом. К таковым относятся варианты следующего вида:

3. a) *See! There's **my licence**!*
- b) *There's **your mother** there, look!*
- c) *Ooh! There's **my rain cover**.*
- d) *I've got your two polo necks, there's **your hat, your gloves, your socks, your glasses**.*

В подобных случаях имеет место первое упоминание объекта, часто с указанием на этот объект, при этом собственно вербальный антецедент отсутствует, он не является ни отдельным словом, ни клаузой, ни предложением, ни текстом. Это реальный объект, к которому говорящий либо привлекает внимание собеседника (*There's your mother there, look!*), либо разговаривает сам с собой, комментируя происходящее, например, целенаправленный поиск какой-то вещи или случайную находку (*Ooh! There's my rain cover*). Ранее не происходил ввод этого объекта. Можно сказать, что расстояние между анафором и антецедентом отсутствует, действует принцип «вижу объект – произношу слово, устанавливаю его статус».

В следующей серии примеров антецедент тоже не обозначен, ни словом, ни короткой фразой, ни более обширным контекстом и кроме того, нет указания на конкретный объект как в предыдущем случае:

4. a) *There's **my three brothers and their spouses and one of the nephews**.*
- b) *Well there's **my business plan**, that's what I intend to do, there's **my profit**, and all the rest of it, plus accounts.*
- c) *There's **your tractor to do**, there's **my motorbike to do**... .*
- d) *I have a brother who's an apprentice electrician, and then there's **my ma**.*

В этих примерах локация антецедента определяется непосредственно в коммуникативной ситуации, собеседники понимают о каких реально существующих объектах идет речь, однозначно их идентифицируют благодаря своим общим фоновым знаниям.

5. *All around the house was a wide open piece of land; and around that was a fence, two metres high, with no doors or openings, and too strong to pull down easily. As soon as Ben Gunn saw the English flag flying over the house, he said, "There are **your friends**". "More likely to be the pirates", I answered.*

В примере 5 реальность объекта для антецедента не установлена. Здесь имеется описание ситуации, из которой следуют определенные выводы: увидев английский флаг Бен Ганн уверен, что в доме есть люди (ведь кто-то должен был вывесить этот флаг) и эти люди – друзья его спутника, в чем тот сомневается. Именная группа *your friends* отражает не столько реально существующие объекты, сколько представление об этом говорящем, его умозаключения, основанные на здравом смысле, предыдущем

жизненном опыте, любого рода фоновых знаниях. Расстояние между таким неназванным антецедентом и анафором можно опять-таки назвать минимальным, поскольку в представлении говорящего существование каких-то людей в доме и приписывание им определенного статуса происходит практически сразу. Можно предположить, что в момент речи происходит и отсылка к антецеденту и упоминание анафора. Типы антецедентов этой группы можно определить как видимый, известный говорящему антецедент и подразумеваемый говорящим антецедент. Оба эти типа антецедентов не имеют вербального выражения, будь то слово, фраза или описательная ситуация. Локацией такого антецедента является общая коммуникативная ситуация, разделяемая собеседниками.

Ко второй группе относятся случаи с вербально представленным антецедентом (151 случай).

6. *Here's Alison (pause), there's my good lad.*

7. *We got drunk together the night before Boris left. He got **the cross** out and showed **it** to me. He kissed **it**. 'There's **my beauty**'.*

В указанных примерах антецедент находится в ближайшем предложении слева от анафора. В 6 примере антецедент выражен именем собственным. В примере 7 определенный объект (антецедент) точно именуется (*cross*), затем два раза поддерживается местоимением *it* (что также является анафором), в конечном итоге этот объект классифицируется как некая ценность для говорящего (*my beauty*). В данном случае основной антецедент находится не в ближайшем соседстве с посессивным анафором, они отстоят друг от друга на расстоянии двух предложений. Связь антецедента с посессивным анафором не столько полностью обеспечивается сколько усиливается именно местоимением *it*, что не оставляет сомнения в референциальном выборе.

В примере 8 антецедент выражен через местоимение *you*, определяется через его родственные отношения с говорящим (*Daddy'll wash his hands*), а также описывается ситуация, по результатам которой он назван умницей (*Oh, you're brushing your teeth*). Исходя из этих данных читатель понимает, что речь идет о сыне говорящего, мальчик заслуживает похвалу правильными действиями. Антецедент находится в одном предложении с анафором.

8. *Oh right there we are close the window. Yeah. Eh eh eh Daddy'll wash his hands. Just wait there. Oh, you're brushing your teeth. There's **my clever boy**.*

В примере 9 в качестве антецедента наблюдается сочетание именования класса объектов и описания ситуации при которой происходит вычленение отдельного объекта.

9. *There are many different buildings in my usual day. I pass a great variety of them on the way to school and I myself actually live, work and play in some of them. For a start there is **my house**.*

Расстояние между антецедентом и анафором, таким образом, также минимально, как и в предыдущей группе, но в этом случае его можно действительно зафиксировать как расстояние от и до конкретных слов, условно говоря, от конкретной точки А до точки Б.

В следующем блоке примеров антецедентом является описание ситуации (в терминах Мельник О.Г. сложная дискурсивная единица [24]), а посессивный анафор – это своеобразное суммирование сказанного ранее.

10. a) *Then mark this, Master Harry: if you won't take Sam here on at fishing, you'll not have me as a wife. You either win me in fair competition, or you don't have me at all, and there's my last word.*

b) *Now, Alison and Jack were away, gone to Amsterdam. Or rather, they would now be on their way back, since they had decided (Franca could imagine the little conversation, she thought of it as a 'little' conversation) to stay away only one night, instead of the three nights originally planned. Franca was sorry about the change of plan. She had said to herself, thinking of that absence, there's my chance!*

Расстояние между антецедентом в виде такой сложной дискурсивной единицы и посессивным анафором минимально, суммирующий анафор находится либо в соседнем предложении, либо в последнем предложении сложной дискурсивной единицы.

Заключение

В статье рассмотрены варианты расстояния между антецедентом и посессивным анафором в посткопулярной позиции английских бытийных предложений. Определены типы антецедентов. Варианты установленных антецедентов группируются в соответствии с критерием степени их эксплицитного выражения. Соответственно выделены два укрупненных типа антецедента: выраженных различными способами вербально и подразумеваемых или инференциальных, выводимых из фоновых знаний участников коммуникации. Для обеих групп зафиксировано минимальное расстояние между антецедентом и анафором. Можно назвать такое, по сути, отсутствие дистанции между антецедентом и анафором характеризующей чертой данных контекстов и еще одним условием допуска посессивных именных групп в посткопулярную позицию английских экзистенциальных предложений. Вопрос о существовании такого критерия для допуска в посткопулярную именную группу иных детерминативов не может быть решен без соответствующих исследований. Продолжение работы видится также и в проверке полученных результатов на большем массиве данных.

Библиография

1. Milsark G. Toward an explanation of certain peculiarities of the existential construction in English // Linguistic Analysis. 1977. № 3. Pp. 1-29.
2. Rando E., Napoli, D. Definites in there-sentences // Language. 1978. № 54 (2). Pp. 300-313.
3. Abbot B. Definiteness, existentials, and the list interpretation // SALT II: Proceedings of the Second Conference on Semantics and Linguistic Theory, Columbus, USA, 1992. P. 1-16.
4. Abbott B. A pragmatic account of the definiteness effect in existential sentences // Journal of Pragmatics. 1993. № 19. Pp. 39-55.
5. Abbott B. Definiteness and indefiniteness // Handbook of Pragmatics. Oxford: Blackwell, 2004. P. 122-150.
6. Abbott B. The indefiniteness of definiteness // Frames and Concept Types: Applications in Language and Philosophy. New York: Springer, 2014. P. 323-431.
7. Аксельруд Д. А. О функционировании определенных и неопределенных дескрипций в английском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-2(64). С. 61-64.
8. Francez I. Existential propositions, Ph.D. Thesis. Stanford: Stanford University, 2007.
9. McNally L. Existential sentences cross-linguistically: variations in form and meaning // Annual Review of Linguistics. 2016. № 2. Pp. 211-231.
10. Bassaganyas T., McNally L. There be-and have-sentences: Different semantics, different

- definiteness effects // *The Linguistic Review*. 2020. № 37 (2). Pp. 179-208.
11. Kiss K.E. Definiteness effect in the PP // *Linguistic Inquiry*. 2023. № 54 (3). Pp. 625-648.
12. Bentley D. Subject canonicality and definiteness effects in Romance there-sentences // *Language*. 2013. № 89. Pp. 675-712.
13. Kagan O. The definiteness effect in Russian existential and possessives sentences // *Approaches to predicative possession*. London: Bloomsbury Academic, 2020. P. 61-79.
14. Mikkelsen L. Reanalyzing the definiteness effect: evidence from Danish // *Working Papers in Scandinavian Syntax*. 2002. № 69. Pp. 1-75.
15. Norris M. Extraposition and definiteness effects in Icelandic DPs // *Morphology at Santa Cruz: Papers in Honor of Jorge Hankamer*. Santa Cruz: Linguistics Research Center, 2011. P. 97-121.
16. Paducheva E. Definiteness effect: the case of Russian // *Reference and anaphoric relations*. Dordrecht: Kluwer, 2003. P. 133-146.
17. Rodriguez-Mondonedo M. A. Restriction on the definiteness effect in Spanish // *NELS 37*. 2007. Amherst: GLSA. P. 161-171.
18. Villalba X. Definiteness effect, pronouns and information structure in Catalan existential // *Definiteness Effects: Bilingual, Typological and Diachronic Variation*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 175-212.
19. Долматова О. В. О частном случае эффекта определенности: условия допуска квантификатора *every* ('каждый') в посткопулярную именную группу английской экзистенциальной конструкции // *Научный диалог*. 2019. № 10. С. 110-127.
20. Долматова О. В. Семантика английских детерминативов и эффект определенности. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2021.
21. Dolmatova O. V., Getmanskaya M. Y., Razduyev A. V. English possessives and the definiteness effect in there-sentences: a corpus-based study. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022. № 8 (4). Pp. 90-104.
22. Ariel M. *Accessing Noun-Phrase Antecedents*. London: Routledge, 2014.
23. Kibrik A. A. *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
24. Мельник О. Г. Указательные именные группы в английском художественном нарративе // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 69. С. 122-141.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается расстояние между анафором в посессивной (считаю, нужно убрать в первой позиции лишний «С») посткопулярной именной группе английских экзистенциальных предложений и его антецедентом. Тема работы имеет верный вектор оценки, вопрос достаточно актуален, интересен; рассмотрение востребовано. Как отмечает автор, «материал представлен корпусом BNC. Из семейства больших корпусов университета Брайджа Янга это самый консервативный и малочисленный корпус, именно из-за этих характеристик он и выбран в данном случае – он не отягощен ежедневными вхождениями новой информации, не приветствует варианты *World Englishes* (поскольку неизвестно, насколько устойчивыми они окажутся со временем). Выбраны примеры контекстов с посессивными посткопулярными именными группами в экзистенциальных конструкциях – всего 405 случаев». Методология исследования верифицирована: «в работе использовались методы

корпусного, синтаксического, контекстуального анализа, с помощью которых устанавливались типы и локации антецедентов. Все примеры представлены корпусом в письменном виде, с расставленной пунктуацией, границами предложений, что позволяет определять линейное расстояние там, где это возможно в терминах предложений, клауз или отдельных слов». Текст статьи дробится на т.н. смысловые блоки, в данном случае удобно следить за развитием авторской мысли. Примеров по ходу научной нарратии достаточно; аналитическая составляющая выстроена должным образом. Например, «в подобных случаях имеет место первое упоминание объекта, часто с указанием на этот объект, при этом собственно вербальный антецедент отсутствует, он не является ни отдельным словом, ни клаузой, ни предложением, ни текстом. Это реальный объект, к которому говорящий либо привлекает внимание собеседника (*There's your mother there, look!*), либо разговаривает сам с собой, комментируя происходящее, например, целенаправленный поиск какой-то вещи или случайную находку (*Ooh! There's my rain cover*). Ранее не происходил ввод этого объекта. Можно сказать, что расстояние между анафором и антецедентом отсутствует, действует принцип «вижу объект – произношу слово, устанавливаю его статус», или «5. All around the house was a wide open piece of land; and around that was a fence, two metres high, with no doors or openings, and too strong to pull down easily. As soon as Ben Gunn saw the English flag flying over the house, he said, "There are your friends". "More likely to be the pirates", I answered. В примере 5 реальность объекта для антецедента не установлена. Здесь имеется описание ситуации, из которой следуют определенные выводы: увидев английский флаг Бен Ганн уверен, что в доме есть люди (ведь кто-то должен был вывесить этот флаг) и эти люди – друзья его спутника, в чем тот сомневается. Именная группа «*your friends*» отражает не столько реально существующие объекты, сколько представление об этом говорящего, его умозаключения, основанные на здравом смысле, предыдущем жизненном опыте, любого рода фоновых знаниях» и т.д. Считаю, что основная тема, которая касается «установления дистанционного параметра текстуальной связи посессивного посткопулярного анафора с его антецедентом в условиях эффекта определенности» раскрыта, цель достигнута. Заключительный блок содержит объективно выверенные результаты: «Для обеих групп зафиксировано минимальное расстояние между антецедентом и анафором. Можно назвать такое, по сути, отсутствие дистанции между антецедентом и анафором характеризующей чертой данных контекстов и еще одним условием допуска посессивных именных групп в посткопулярную позицию английских экзистенциальных предложений. Вопрос о существовании такого критерия для допуска в посткопулярную именную группу иных детерминативов не может быть решен без соответствующих исследований. Продолжение работы видится также и в проверке полученных результатов на большем массиве данных». Список источников полновесен, общие требования издания учтены. Рекомендую статью «О параметрах текстуальной связи между антецедентом и пос(С)ессивным посткопулярным анафором в условиях эффекта определенности» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Зырянова И.П., Ильина А.А. Использование песенного дискурса как источника прецедентных имен при обучении английскому языку (на материале композиции «We Didn't Start the Fire») // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70255 EDN: QACSBA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70255

Использование песенного дискурса как источника прецедентных имен при обучении английскому языку (на материале композиции «We Didn't Start the Fire»)**Зырянова Ирина Петровна**

ORCID: 0000-0002-6676-0390

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков и русской филологии, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург)

622030, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57, оф. 308

✉ zyryanovairena@gmail.com

Ильина Анастасия Андреевна

ORCID: 0009-0009-9745-1361

преподаватель кафедры иностранных языков и русской филологии, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург)

622030, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57, оф. 308

✉ ivolga.99@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дидактика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70255

EDN:

QACSBA

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2024

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи являются прецедентные имена, зафиксированные в англоязычном песенном дискурсе, и особенности их использования

на уроках английского языка. В статье описываются примерные задания для трех этапов работы с текстом: предтекстового этапа, текстового этапа и послетекстового этапа. Указанные единицы изучаются в рамках песенного дискурса, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, данный тип дискурса отражают особенности современного английского языка и когнитивной базы среднестатистического представителя исследуемого лингвокультурного сообщества, а во-вторых является одним из самых популярных способов передачи информации от адресата к адресату, так как симбиоз вербального (текстового) и невербального (музыкального) компонентов ведет к тому, что информация, передающаяся таким образом, запоминается человеку гораздо проще. Именно легкость восприятия и запоминания текстов при помощи песен показывает, что песенный дискурс является эффективным способом изучения английского языка. Методологическую базу исследования составили отдельные положения теории дискурса, теории прецедентных феноменов, когнитивной теории и теории песенного дискурса. В рамках исследования применялся комплекс методов: метод сплошной выборки, статистической и типологической обработки данных, сопоставительный и описательный методы, метод дискурсивного анализа. Новизна настоящего исследования заключается в разработке упражнений на поиск, отработку найденных в ходе исследования прецедентных имен. Данный комплекс заданий может применяться на занятиях по английскому языку как в школах, так и в вузах. Практическая значимость данной работы заключается в возможности ее применения в практике преподавания иностранного языка, в курсах по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, стилистики, когнитивной лингвистике, а также страноведению. Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам: реализация предложенной методики применения прецедентных единиц в рамках преподавания иностранного языка позволяет расширить кругозор учащихся, познакомить с лингвокультурной базой английского языка, что позволяет корректно понимать аутентичные тексты, адекватно воспринимать особенности речевой коммуникации. Обращение к песенному дискурсу также призвано служить повышению мотивации к изучению английского языка и англоязычной массовой культуры.

Ключевые слова:

песенный дискурс, прецедентный феномен, прецедентное имя, методика преподавания, прецедентность, когнитивная лингвистика, песня, дискурс, лингвокогнитивная база, имя собственное

Взаимосвязь языка и культуры представляет собой обширное поле для исследования, одним из аспектов изучения этой связи является вопрос о необходимости владения культурными знаниями при изучении иностранного языка для ведения успешной коммуникации. Несомненно, при обучении любому иностранному языку обучающийся сталкивается не только с лексическими и грамматическими единицами, но и с цитатами и фразами, сказанными известными историческими личностями, героями фильмов, сериалов, книг и иных средств массовой информации, которые отсылают к конкретным культурным явлениям страны изучаемого языка. Исходя из этого можно сделать вывод, что знакомство с лингвокультурным аспектом при обучении иностранному языку необходимо для того, чтобы иметь полное представление о функционировании языка [\[1\]](#).

Согласна Е.И. Пассову, который предложил концепцию преподавания языка через культуру, «обучение языку в тесном взаимодействии с культурой позволяет участникам

межкультурного общения не только познакомиться с фактами из области иноязычной культуры и приобрести умения ими пользоваться в различных ситуациях общения, но и овладеть способностью: а) видеть в чужой культуре не только то, что нас отличает от представителей другой культуры, но и то, что нас объединяет; б) оценивать события, поступки людей не только со своей точки зрения, но и с позиции чужой культуры; в) менять оценки в результате постижения чужой культуры, отказываться от стереотипов; г) использовать познание чужой культуры для более глубокого понимания своей; д) получать удовлетворение от познания чужой культуры; е) видеть связь между фактом культуры и словесным выражением, его обозначающим» [\[2\]](#).

Лингвокультурный аспект предполагает наличие культурно-маркированных единиц, которые можно рассмотреть с разных позиций: история, авторство, источник. К таким культурным единицам относятся прецедентные феномены, которые актуализируются в сознании носителей языка, определяют логическую конструкцию и границы их употребления, а также связь с определенными жизненными ситуациями и культурой народа.

Под прецедентными феноменами Гудков понимает единицы, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [\[3\]](#). Соответственно, Гудков уделяет внимание большее внимание национальным прецедентным феноменам, Г. Г. Слышкина в свою очередь делает больший акцент на прецедентных текстах, которые характерны для малых социальных групп: семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы [\[4\]](#). Из этого следует вывод, что прецедентный текст может быть любой по объему и предназначен для определенного круга лиц.

Согласна концепции Гудкова, Захаренко, Красных и Багаевой прецедентные феномены классифицируются на: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные высказывания. В рамках данной работы мы остановимся на изучении именно прецедентных имен, так как именно их количество преобладает в материале, на базе которого строится исследование. Под прецедентными именами мы понимаем когнитивно и эмоционально значимые для большого круга носителей языка особый тип имен собственных, которые обретают дополнительное значение из-за связанных с ними конкретных событий, личностей или явлений. Эти имена часто используются в языке и культуре как символы, ассоциируемые с определенными контекстами или историческими ситуациями. Прецедентные имена могут служить образцами или точками отсчета при обсуждении или описании определенных событий или явлений, и они обычно вызывают у слушателей или читателей определенные ассоциации или эмоции [\[5\]](#).

Изучение прецедентных имен невозможно вне дискурса. Принимая во внимание множество трактовок данного термина с лингвистических позиций рядом отечественных зарубежных ученых [\[6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и др.\]](#) мы можем говорить о том, что он представляет собой «целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций [\[13\]](#), а также «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими); речь, рассматриваемая как социальное действие; речь, погруженная в жизнь» [\[14\]](#). Одним из видов дискурса, который в настоящее время подлежит глубокому анализу, является песенный дискурс. Песенный дискурс представляет собой одну из форм коммуникации и выражения идей, осуществленную

через тексты песен. Этот тип дискурса объединяет в себе лингвистические аспекты текста, музыкальные элементы, такие как мелодия и ритм, а также культурные и социальные контексты, которые отражаются в текстах и музыкальной композиции песни.

Актуальность его изучения заключается в том, что песни окружают человека на каждом шагу и довольно часто они служат мотивом для изучения иностранного языка, так как человек, который увлекается музыкальными композициями, начинает проявлять интерес к языку, на котором написана эта композиция с целью более глубокого понимания того, что хотел донести автор.

Л.Г. Дуняшева указывает следующие функции песенного дискурса: 1. Эмотивная функция (песенный дискурс заставляет человека сочувствовать и переживать). 2. Конативная функция (песенный дискурс побуждает к действию). 3. Референтная (информационная) функция (песенный дискурс передает содержание той или иной ситуации воображаемого или реального мира). 4. Поэтическая функция (песенный дискурс характеризуется образностью и неповторимостью). 5. Фатическая (контактоустанавливающая) функция (песенный дискурс направлен на поддержание общения). 6. Этноконсолидационная функция – песенный дискурс объединяет народ или этнос. 7. Самоидентификационная функция – песенный дискурс способствует позиционированию исполнителя как члена определённой группы [\[15\]](#).

Песенный дискурс является одним из самых популярных способов передачи информации от адресата к адресанту, так как симбиоз верbalного (текстового) и неверbalного (музыкального) компонентов ведет к тому, что информация, передающаяся таким образом, запоминается человеку гораздо проще, на что указывают ряд отечественных и зарубежных исследователей песенного дискурса [\[16, 17, 18, 19 и др.\]](#). Именно легкость восприятия и запоминания текстов при помощи песен показывает, что песенный дискурс является эффективным способом изучения английского языка. Кроме того, использование музыкальных элементов в рамках обучения иностранному языку повышает мотивацию, так как студенты могут более подробно изучить песни, которые вызывают у них интерес. Стоит также отметить, что развлекательный элемент не менее эффективно влияет на уровень освоения иностранной лексики и грамматики, так как студенты начинают смотреть на изученный материал под другим углом, а эмоции, вызванные от таких занятий, помогают вызвать положительную ассоциацию, что приведет опять же к более прочному освоению новой информации.

В рамках данной работы будет представлен фрагмент одного из занятий для учеников старших классов, студентов колледжей или университетов. Данное занятие может быть использовано как в рамках одной из дисциплин, связанных с английским языком, так и в качестве факультатива для более углубленного изучения страноведческого аспекта. Целью занятий является знакомство студентов с прецедентными именами и умение распознавать их и анализировать сферы, к которым они апеллируют. Работа строится на базе композиции «We didn't start the fire», написанной музыкантом Billy Joel.

Структура композиции представляет собой исключительно набор прецедентных имен, которые апеллируют к 180 ключевым событиям мировой истории, произошедшим в период с 1949 года (год рождения автора) и 1989 годом (год выпуска композиции).

Harry Truman, Doris Day

Red China, Johnnie Ray

South Pacific

Walter Winchell, Joe DiMaggio

Joe McCarthy, Richard Nixon

Studebaker, Television

North Korea, South Korea

Marilyn Monroe

Rosenbergs, H-Bomb

Sugar Ray, Panmunjom

Brando, The King And I,

And The Catcher In The Rye

Eisenhower, Vaccine

England's got a new queen

Marciano, Liberace

Santayana goodbye

Стоит отметить, что все события расположены в хронологическом порядке и на каждый год приходится около 5-7 прецедентных имен. Песня охватывает широкий спектр тем, включая войны, политических лидеров, научные открытия, культурные движения и другие важные события, которые сформировали и определили данную эпоху. Название «We Didn't Start the Fire» (Не мы разожгли огонь) подчеркивает идею того, что текущие поколения несут ответственность за многие проблемы и события, а скорее являются свидетелями и продолжателями прошлых явлений.

Ценность использования данной композиции во время обучения английскому языку заключается не только в знакомстве с прецедентными именами и расширении фоновых знаний о мировых событиях, но и в фонетической практике, так как очень часто произношение имен собственных в иностранном языке не совпадает с произношением тех же реалий в родном языке. Кроме того, работа с данной композицией развивает и навык аудирования, так как студентам необходимо на слух понять смысл композиции, а в данном случае сделать это достаточно сложно, так как для полного понимания смысла композиции не будет достаточно сложить смысл каждого слова, необходимо обладать фоновыми знаниями для того, чтобы понять, что имел в виду автор при создании данной композиции.

Работой с композицией состоит из 3 этапов:

1.Предтекстовый этап;

2.Текстовый этап;

3.Послетеекстовый этап.

Предтекстовый этап

До начала прослушивания самой композиции и знакомства с текстом студентов необходимо настроить на работу и подготовить к тому, с какой темой им предстоит

столкнуться.

Первое задание заключается в том, что студентам необходимо соотнести прецедентное имя со сферой, к которой оно апеллирует. В качестве материала для этого задания из композиции были выбраны самые известные имена собственные, которые на слуху у русскоговорящих студентов, это сделано с целью того, чтобы обучающиеся не испытывали трудности в связи с нехваткой фоновых знаний о прецедентных именах.

Таблица 1. Пример первого задания

Marilyn Monroe	Space	4th of October 1957
Hemingway	Acting	5th of August 1962
Sputnik	Place	17th of July 1955
Joseph Stalin	Singing	5th of March 1953
Elvis Presley	Writing	2nd of July 1961
Disneyland	Politics	16th of August 1977

После того как студенты справились с заданием, необходимо обсудить, какие ассоциации эти прецедентные имена имеют среди обучающихся и что они знают об этих именах собственных. На данном этапе у некоторых студентов могут быть разные ассоциации с этими прецедентными именами, поэтому преподавателю необходимо объяснить обучающимся, что такое прецедентные имена и в чем заключается их функция.

В качестве второго упражнения обучающимся необходимо соотнести прецедентные имена (которые обсуждались в предыдущем задании) с примерными датами, с которыми они ассоциируются. Стоит отметить, что имена собственные были так же выбраны и из разных временных промежутков, что обусловлено тем, чтобы обучающиеся не столкнулись с большими трудностями и не потеряли мотивацию. Однако у некоторых студентов, которые испытывают проблемы с историей, данное задание может вызвать трудности. Задача преподавателя в данном случае помочь этим студентам и подтолкнуть их к правильному ответу.

Текстовый этап

В рамках примера рассмотрим работу со вторым куплетом.

Первым заданием на основном этапе является первое прослушивание композиции вместе с просмотром видеоряда, так как это может натолкнуть студентов на понимание того, в чем основная мысль песни. Во время этого прослушивания обучающимся необходимо ответить на единственный вопрос: «What is this song about?». Кроме того, студентам необходимо постараться выделить те лексические единицы (прецедентные имена), которые им удалось понять. Проблема на это этапе может заключаться либо в незнании некоторых прецедентных имен, либо же в неправильном их распознавании, что связано с тем, что в английском и русском языке некоторые имена собственные произносятся иначе.

После первого прослушивания студенты и преподаватель обсуждают смысл композиции, а обучающиеся высказывают свое мнение о том, что они поняли и какие прецедентные феномены смогли услышать. Только после первого прослушивания преподаватель показывает студентам текст композиции и рассказывает, что за каждым прецедентным именем стоит определенное историческое событие, однако разбор всех прецедентных имен на этом этапе не предполагается. Студенты стараются правильно прочитать все имена собственные в тексте песни, после чего их задача во время второго

прослушивания заключается в написании транскрипций имен собственных, которые звучат в композиции, а также постараться подобрать русский эквивалент.

Таблица 2. Соотнесение английского и русского вариантов произношения ПИ

Proper Name	Pronunciation	Russian Equivalent
Joseph Stalin	['dʒoʊzəf 'staɪlɪn]	Иосиф Сталин
Malenkov	[mæ 'lɛŋkɒf]	Маленков
Nasser	['næsər]	Насер
Prokofiev	[prə 'kɒfɪev]	Прокофьев
Rockefeller	['rɒkəfɛlər]	Рокфеллер
Campanella	[,kæmpe 'nɛlə]	Кампанелла
Communist Bloc	['kɒmju:nɪst blɒk]	Коммунистический блок
Roy Cohn	[rɔɪ koʊn]	Рой Кон
Juan Peron	[wan pe' rɔn]	Хуан Перон
Toscanini	[,tɒskə 'ni:ni]	Тосканини
Dacron	['deɪkrɒn]	дакрон
Dien Bien Phu Falls	[di: ɛn bi:ɛn fu: fɔlz]	Дьенбьенфу
Rock Around the Clock	[rɒk ə 'raʊnd ðə klɒk]	-
Einstein	['aɪnstain]	Эйнштейн
James Dean	[dʒeɪmz din]	Джеймс Дин
Brooklyn's got a winning team	['brʊklɪnz gɒt ə 'wɪnɪŋ tim]	Бруклин
Davy Crockett	['deɪvi 'krɒkɪt]	Дэви Крокетт
Peter Pan	['pi:tər pæn]	Питер Пэн
Elvis Presley	['elvɪs 'prezli]	Элвис Пресли
Disneyland	['dɪzni, lænd]	Диснейленд
Bardot	[ba:d'ɒt]	Бардо
Budapest	['bu:dəpɛst]	Будапешт
Alabama	[,ælə 'bæmə]	Алабама
Khrushchev	['kruʃtʃev]	Хрущев
Princess Grace	[,prɪn'ses greɪs]	Принцесса Грейс
Peyton Place	['peɪtən pleɪs]	-
Trouble in the Suez	['trʌbəl ɪn ðə su: 'ez]	Суэцкий канал

Следующим этапом является непосредственно знакомство с тем, к каким событиям апеллируют использованные прецедентные имена. Для этого обучающимся нужно соотнести прецедентное имя с его объяснением.

Таблица 3. Пример задания на соотнесение ПИ и его объяснения

Proper Name	Explanation
Joseph Stalin	An American family of industrialists, politicians and bankers, one of the richest families in the world.
Malenkov	This person was the second President of Egypt after Muhammad Naguib. He was considered one of the more influential Arab leaders in history.
Nasser	The first rock-and-roll hit song.
Prokofiev	This person was a movie star who became a symbol of young people for his role in the movie Rebel

	Without a Cause.
Rockefeller	One of the baseball teams finally won the World Series over the New York Yankees.
Campanella	It was a top Broadway play.
Communist Bloc	Pighly popular TV series.
Roy Cohn	This actress left Hollywood to marry Prince Ranier of Monaco. She then attained the title of Princess.
Juan Peron	The dictator of the Soviet Union. He was a harsh leader who had millions of his people executed or sent to labor camps in Siberia.
Toscanini	This book became the number one best-seller.
Dacron	This event happened when General Nasser nationalized the important Suez Canal.
Dien Bien Phu Falls	It was formed by USSR and their satellite countries.
Rock Around the Clock	This person was a world-famous conductor, considered to have been one of the greatest classical conductors of all time. While conducting a radio broadcast of the NBC Symphony at Carnegie Hall in New York, he suffered a memory lapse during the performance.
Einstein	This person advocated reform and indirectly criticized Stalin and his methods. He became the Premier of the Soviet Union from 1958 to 1974.
James Dean	A new wonder-material which hit the market.
Brooklyn's got a winning team	This situation happened in a certain state when African-American Rosa Parks refused to give up her seat in the "colored section" to a white passenger, after the "white section" was filled, as was the law at that time. She was then arrested for her act of defiance.
Davy Crockett	This person was a Soviet politician and Communist Party leader, and a close collaborator of Joseph Stalin.
Peter Pan	This person developed the Theory of Relativity in 1903 and was considered one the world's smartest scientists.
Elvis Presley	This person is known as a popular leader in Argentina. He was strongly anti-American and anti-British, confiscating much of the British and American-owned assets in Argentina.
Disneyland	The French lose control over Indo-China, now known as Vietnam, with the fall of this city.
Bardot	Anti-communist riots took part in this city of Hungary. Soviet troops put down the revolt and arrested many Hungarians, especially students.
Budapest	This person was the all-star catcher for the Brooklyn Dodgers baseball team. His career was cut short by a paralyzing car accident.
Alabama	It was a theme park based around cartoon

	characters.
Khrushchev	the advisor to Senator Joseph McCarthy during the McCarthy Hearings on Communists in the movie industry and government.
Princess Grace	This person was a singer who became a national phenomenon with such number-one hit songs as Heartbreak Hotel, Don't Be Cruel and Hound Dog.
Peyton Place	The person was the most prolific Russian composer, pianist and conductor of the twentieth century. His works include such widely heard works ballets from Romeo and Juliet and Peter and the Wolf.
Trouble in the Suez	This woman was a popular French movie star.

После обсуждения правильных ответов и дополнения информации студентами и преподавателем необходимо научиться использовать данные прецедентные имена в правильном контексте. Для этого в следующем задании обучающимся необходимо заполнить пропуски, используя одно из прецедентных имен, которые обсуждались на предыдущем этапе.

1. It's so awful that I can't afford a new car on my salary! If I were one of ___ I would never face such problems. (**Rockefeller**)
2. When I was a little boy my only wish was to visit ___ because it was like a fairy tale in the real world (**Disneyland**)
3. Have you ever seen her seductive eyes? This actress can be called the modern ___ (**Brigitte Bardot**)
4. Stop making faces. You've already ruined your graduation photo, you stuck your tongue out just like ___ once did. But compared to you he was a genius and you are just a clown! (**Albert Einstein**)
5. You should work harder if you want to be on the same level with ___. No doubt, you're talented but you lack practice that's why you need more piano lessons. (**Sergei Prokofiev**)
6. Many people are familiar with ___, its production on an industrial scale was started in the 50s of the last century by the world-famous Dupont corporation. Soon, the general euphoria was replaced by caution due to the properties of the fabric. The main disadvantage was the almost zero air conductivity, which does not allow you to feel comfortable. (**Dacron**)
7. He's throwing the ball pretty far, but he's still a long way from hitting the bat with ___ accuracy. (**Roy Campanella's**)
8. Racing is a very dangerous hobby that can lead to death at a young age. Even celebrities like ___ are not immune to this. (**James Dean**)

Последним заданием в рамках текстового этапа является распределение изученных прецедентных имен исходя из того, к какой стране они относятся. Так как работа на уроке проводится лишь с одним куплетом, то можно прийти к следующим результатам.

Таблица 4. Соотнесение ПИ к странам, к которым они апеллируют

Country	Number of Proper Names
Soviet Union	5

Сообщество	Количество
Egypt	2
USA	14
Argentina	1
Italy	1
Vietnam	1
France	1
Hungary	1
Monaco	1

Послете́кстовый этап

В рамках работы с прецедентными именами не получится провести привычные лексические упражнения, которые должны выводить новую информацию в речь обучающихся, так как сама цель работы с прецедентными именами заключается в приобретении фоновых знаний или же их углубления. Поэтому в качестве послете́кстового этапа мы предлагаем дифференцированное задание. Первое задание предполагает проектную деятельность, цель которой заключается в том, что обучающимся необходимо подготовить доклады о некоторых прецедентных именах, которые показались им либо новыми, либо интересными. При подготовке к докладам студентам необходимо выполнить небольшую исследовательскую работу по поиску более углубленной информации о том или ином человеке или событии, а затем представить ее перед остальными обучающимися. Данный тип заданий эффективен с той точки зрения, что студентам нужно научиться анализировать прочитанную информацию, уметь сокращать её и презентовать перед аудиторией. Второй тип задания включает в себя написание эссе на тему «*The people whose contribution to the development of history I consider the most significant*». Целью написания данного эссе является высказывание обучающегося личного мнения о том, кого из людей, описанных в композиции Bill Joel, он считает самым влиятельным. Обязательным аспектом при оценке эссе является тот факт, что студент доказал свою точку зрения и представил аргументы, почему именно эти личности оказали наибольшее влияние на мировую историю.

Таким образом, работа с композицией «*We didn't start the fire*» может занимать по времени как одно занятие, так и несколько полноценных уроков, например, в рамках курса, где изучаются исторические и страноведческие аспекты. Композиция открывает для студентов обширное поле для получения новых знаний, так как большинство прецедентных имен апеллирует именно к истории США, некоторые из них можно считать локальными, поэтому знакомство с ними значительно расширяет кругозор обучающихся. Стоит так же отметить, что анализ хронологии событий и отслеживание того, к каким странам чаще всего происходит отсылка помогает понять, какие государства оказывали наибольшее влияние на мировую историю в конкретный промежуток времени. Данные сведения можно применять для дальнейшей проектной деятельности или для более глубокого изучения на других занятиях, связанных с историей и страноведением.

Библиография

1. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Перемена, 2001. С. 2–16.
2. Пассов Е. И. Обучение общению на иностранном языке. Воронеж: НОУ "Интерлингва", 2002.
3. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык

- средств массовой информации / Под ред. Н.Н. Трошина. Москва: Издательство МГУ, 2008. № 29. С. 141-161.
4. Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). Москва: Водолей Publishers, 2004.
5. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Лекц. курс. Москва: Гнозис, 2002.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса М. ИТДГК «Гнозис», 2003.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
8. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб: Издательство СПбГУЭФ, 2001. С. 11-12.
9. Чудинов А. П. Интертекстуальность политического текста // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 10. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. С. 27-34.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
11. Helgorsky F. Norme et Histoire // Le français moderne, 1982. N1, PP 15-41.
12. Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
13. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. Лабиринт, 2004.
14. Арутюнова Н. Д. Дискурс. БЭС. Языкоzнание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136-137.
15. Дуняшева Л. Г. Песенный дискурс как объект изучения лингво-культурологии // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания / Под ред. В.Н. Васильева. – Казань: Вестфалика, 2015. С. 190-197.
16. Кобзев А. А. Роль реалий в песенном дискурсе (на материале текстов англоязычных рок-исполнителей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2020. № 13(7). С. 185-188.
17. Плотницкий Ю.Е. Англоязычный песенный дискурс в контексте общественной жизни // Вопросы журналистики, педагогики, языкоzнания, 2023. Т. 42, № 2. С. 377-383.
18. Leeuwen van T. The critical analisus of musical discourse // Critical Discourse Studies, 2012. Vol. 9, p. 319-328.
19. Murphey T. The discourse of pop songs // TESOL Quartely, 1992. Vol. 26, N4, p. 770-774.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Использование песенного дискурса как источника прецедентных имен при обучении английскому языку (на материале композиции «We Didn't Start the Fire»)».

Предмет исследования. Автором была рассмотрена проблема использования лингвокультурного аспекта при обучении иностранному языку. В работе представлен теоретический обзор, а также практические рекомендации по его реализации. Автором был рассмотрен один из инструментов, внедрение которого является эффективным.

Методологией исследования являются подходы отечественных и зарубежных ученых, которые рассматривают методические проблемы обучения английскому языку, в том числе, через лингвокультурный аспект.

Актуальность исследования. Затронутая автором проблема является актуальной. Автором отмечается, что при обучении любому иностранному языку обучающийся сталкивается

не только с лексическими и грамматическими единицами, но и с конкретными культурными явлениями страны изучаемого языка. В работе отмечается, что знакомство с лингвокультурным аспектом при обучении иностранному языку необходимо для того, чтобы иметь полное представление о функционировании языка. Важным является нахождение соответствующих инструментов.

Научная новизна исследования заключается в том, что авторами:

- рассмотрена проблема преподавания иностранного языка через культурный аспект;
- представлен эффективный опыт использования композиции «We didn't start the fire» в образовательный процесс, а также описана композиция и подробное содержание основных этапов.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы не прослеживается четко. Автором не выделены основные смысловые части.

В вводной части работы не выделены объект, предмет, цель и задачи, а также методы. Автором кратко обозначена только проблема и ее актуальность.

Основной раздел содержит теоретическое описание затронутой проблемы. Автором рассмотрена концепция преподавания языка через культуру, которая позволяет: овладеть способностью увидеть отличия и объединяющее начало представителей разных культур; оценить события и явления с позиции чужой культуры; изменить оценки при постижении чужой культуры, отказываясь от стереотипов; использовать познание чужой культуры для того, чтобы глубоко понимать свою; получать удовлетворение от познания чужой культуры; увидеть связь между фактом культуры и словесными выражениями.

Особое вниманиеделено описанию использования песенного дискурса в обучении английскому языку, а также основных функций: эмотивная, конативная, референтная, поэтическая, фатическая, этноконсолидационная, самоидентификационная.

В следующем разделе представлено описание фрагмента одного из занятий для учеников старших классов, студентов колледжей или университетов. Цель занятий - познакомить с прецедентными именами и умением распознавать их и анализировать сферы, к которым они апеллируют. Работа была выстроена на базе композиции «We didn't start the fire», написанной музыкантом Billy Joel. Ценность использования композиции в процессе обучения английскому языку заключается не только в знакомстве с прецедентными именами и расширении фоновых знаний о мировых событиях, но и в фонетической практике, так как очень часто произношение имен собственных в иностранном языке не совпадает с произношением тех же реалий в родном языке. Работа с данной композицией развивает и навык аудирования, студенты на слух понимают смысл композиции. Для полного понимания смысла композиции не будет достаточным сложить смысл каждого слова, необходимо обладать фоновыми знаниями для того, чтобы понять, что имел в виду автор при создании данной композиции.

Следующий раздел касается подробного рассмотрения основных этапов работы с композицией: предтекстовый, текстовый и послетекстовый этапы.

В заключении представлен общий и краткий вывод об эффективной проводимой работы. Библиография. Библиография статьи включает в себя 19 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, имеются также монографии, методические и учебные пособия и интернет-источники. Источники оформлены не во всех позициях корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- необходимо структурировать статью, выделить вводную, основную и заключительные

части;

- определить и подробно описать актуальность, выделить проблему; обозначать объект, предмет, цель, задачи, методологию и методы исследования;
- оформить библиографический список в соответствии с предъявляемыми требованиями;
- более подробно представить и описать полученные результаты, а также предлагаемые рекомендации.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами методики обучения английскому языку. Статья может быть рекомендована к опубликованию, важно учесть выделенные рекомендации. Это позволить представить в редакцию научно-исследовательскую статью, отличающуюся научной новизной и значимостью.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бавула Ю.И. Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у- // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70236 EDN: QMEFCH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70236

Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-

Бавула Юлия Ивановна

преподаватель, кафедра русского языка, Балтийское высшее военно-морское училище имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

236022, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Советский Проспект, 82

✉ bavula07@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкоизнание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70236

EDN:

QMEFCH

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Аннотация: В статье на материале текстов разной жанровой принадлежности рассматриваются глаголы, входящие в структуру семантического поля мышления, а именно базовые глаголы думать, мыслить, усложнённые префиксом у-. Предметом исследования выступают следующие значения ситуативной модальности (так называемый семантический Х) – инвариантное значение желательности, а также значение возможности, реализуемые дериватами умыслить, удумать в процессе коммуникации. Целью работы является раскрытие специфики и условий модального функционирования указанных глаголов. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: 1) выявить модальные значения, реализуемые рассматриваемыми дериватами; 2) определить условия их модального функционирования в рамках высказывания; 3) выявить роль номинативно несамостоятельного словообразовательного форманта у- в процессе формирования модального, модально-оценочного значений соответствующих производных. Цели и задачи настоящей работы обусловили выбор комплексной методики исследования, включающей следующие методы: функционально-семантический, описательный,

контекстуальный. Научная новизна статьи определяется предметом исследования. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что глаголы мышления думать, мыслить с формантом у- способны реализовывать модальные значения возможности, желательности (являющейся условием реализации возможности), связанные преимущественно с интенциями, противоречащими морально-этическим, социальным нормам общества. Анализ текстов позволил определить лексико-грамматическую основу модального функционирования глаголов мышления, усложнённых префиксом у-, в семантике которых имплицитно содержится модальный компонент, установить синтаксические условия реализации значений ситуативной модальности, т. е. наличие при глаголе зависимого субъектного семантически неограниченного инфинитива. Определена усиливающая роль служебного форманта у- на формирование модального значения дериватов удумать, умыслить как самостоятельной (автономной) значимой единицы, в значении которой эксплицитно выражена сема «доведение до нежелательного состояния», а также содержится пейоративная сема «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)». Материалы статьи могут быть использованы на семинарах и практических занятиях вуза по актуальным вопросам категории языковой модальности.

Ключевые слова:

глаголы мышления, префикс у-, ситуативная модальность, модальное значение, значение желательности, значение возможности, сема нежелательности, пейоративная сема, модально-оценочное значение, негативизация

Универсальная категория модальности «как одна из ключевых семантических (понятийных) категорий, обеспечивающих живую связь высказывания с внеязыковой действительностью и устанавливающих его коммуникативный потенциал» [7, с. 4], осмысливается современными лингвистами как «уникальная ментальная», «глобальная научная» [26, с. 46], «познавательная» категория, рассматриваемая в контексте «неразрывной связи языка и мышления» [13, с. 4] как «особой ступени в процессе отражения сознанием объективной действительности» [31, с. 318]. Феномен языковой модальности находится в центре междисциплинарной научной мысли более семидесяти лет. Учёными достаточно полно установлен план её содержания и выражения в динамике (В. В. Виноградов, Ш. Балли, Г. А. Золотова, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, Г. П. Немец, Л. П. Дронова, И. Р. Гальперин, Г. Я. Солганик, Т. В. Романова, З. Я. Тураева М. В. Ляпон, Б. В. Хрычиков, О. Н. Соловьёва, И. Ю. Кукса, H. Brinkmann, J. Buscha, G Diewald, J. Erben, T. Fritz, M. Hanowell, G. Helbig, M. Krifka, G. Ohlschlager, F. Palmer, K. Sommerfeldt) и др.). Однако С. С. Ваулина отмечает «своеобразный парадокс», который состоит «в не ослабевающем, а, скорее, усиливающемся интересе к данной категории» [6, с. 3-4]. Объяснение тому – появление и нерешённость ряда вопросов. Например, определение специфики когнитивной проекции модальных значений, языковых форм их выражения, исследование модальной специфики глаголов, входящих в структуру поля мышления, реализация модального значения словообразовательными формантами, а также дискуссионность некоторых аспектов функционирования категории модальности. Лингвисты полемизируют о корректности использования термина «словообразовательная категория модальности» (Ваулина 2021; Шаповаленко 2021), введённого И. Г. Кудрявцевой (Кудрявцева 2008). Появление термина, вероятно, обусловлено тенденцией современного языкоznания собственно новейшего периода к экстраполированию

модальных значений на словообразовательную единицу (дериватор), в том числе на глагольный префикс.

Филологи обратили внимание на весьма значимую роль приставки в процессе формирования «модальной семантики в словах (в том числе глаголах мышления), прямо или косвенно выражающих некоторые типы модальных значений» [35]. Вышесказанным определяется актуальность настоящей работы, объектом изучения которой стали глаголы поля мышления думать, мыслить и их дериваты с префиксом у-. Предметом исследования, определяющим новизну работы, является модальная специфика глаголов мышления с формантом у-. Обоснованность изучения «фундаментальных лексических единиц русского языка (в том числе их производных), охватывающих широкий круг обозначений различного рода ментальных действий и состояний» [10, с. 47], относящихся к семантическому полю мышления, не вызывает сомнения.

Первые научные исследования, направленные на изучение глаголов мышления, их префиксальных дериватов в терминах модальности принадлежат С. С. Ваулиной (Ваулина 1988, 2008), а также С. В. Черновой (1996, 2008), Л. М. Васильеву (2006), частично Л. П. Дроновой (Дронова 2006), А. П. Морослину (Морослин 2001), Ю. И. Бавуле (Бавула 2022, 2023) и др. В результате анализа эволюции средств выражения категории модальности XI – XVII вв. С. С. Ваулина пришла к выводу о том, что глаголы, образующие семантическое поле мышления, входят в состав лексических средств выражения значений ситуативной модальности – одного из двух пластов пропозициональной модальности, выражающей отношения между субъектом действия (носителем признака) и предпосылками действия (предикативным признаком). В основе таких отношений лежат причины внутреннего (субъективного) характера. Глаголы мышления в сочетании с зависимым инфинитивом, отмечает С. С. Ваулина, «способны выступать в модальной функции» [5, с. 76], т. е. реализовывать в соответствии со спецификой своей семантики инвариантное значение желательности (вариантное – намерение, попытка, стремление) (Ваулина 1988, 1993, 2008).

Точке зрения учёного не противоречит теория Л. М. Васильева, согласно которой глаголы мышления (оценочные, побудительные, интенциональные) «могут быть квалифицированы как модальные» [4, с. 394]. Интересно отметить, что истоком модального функционирования рассматриваемых в статье глаголов является история их происхождения. По данным этимологических словарей глагол мыслити «образован от прасл. *myslъ, восходящего к и.-е. корню *men-, родственного литовскому maudziu, «тосковать, страстно желать» [37]. Также в словарях зафиксировано общеславянское происхождение древнерусского глагола думати, отмечена вероятность его образования от общеслав. сущ. *duma «мысль, раздумье, размышление» [40], одним из значений которого указывается значение «намерение» [38]. Данные историко-этимологических словарей убеждают в том, что в семантическом значении древнерусских глаголов мыслити, думати заключена сема желательности. Данная сема содержится в аналогичных глаголах современного русского языка, которые «сохраняют, аккумулируют исторически сформировавшийся модальный потенциал» [1, с. 35].

Подтверждение модального функционирования соответствующих глаголов находим как в древнерусских памятниках, так и в современном русском языке в Корпусе национального русского языка (далее НКРЯ). Практическим языковым материалом послужили тексты древнерусских памятников разной жанровой принадлежности, тексты из НКРЯ (Основной корпус, Газетный корпус). Объем отобранного материала для

проведения исследования составляет около 1 тысячи примеров, из которых 152 примера отобраны из памятников древнерусской литературы, всего исследовано 8 лексических единиц: думати, удумати, мыслити, умыслити, думать, удумать, мыслить, умыслить.

Ср.: Преподобный Игнатий епископъ **мышилише создати** церковь камену (Житие Авр. Смол.); ...царь Василий и **думаше** чрезъ реку **ехати**, хотяще, яко зайца в тяняте, яти Девгения (Девг. деян.).

Ср.: Впрочем, и продолжать-то уже абсолютно нечего, словно все, что еще трепетно **мыслил сказать**, тоже вдруг переметнулось... (В. Володин. Напрасные похороны, напрасный покойник (промашка смерти) // «Волга», 2010); Вот и **удумал** он **зavalить** снегом всю земелюшку – не только человеку, а и лисице не пробраться... (Е. Богданов «Вьюга») [\[23\]](#).

Исходя из положения о том, что план содержания глаголов мышления (как и глагола в целом) представляет «полиситуативный, полисобытийный, полипропозициональный комплекс, отражающий, как отмечает Н. Б. Лебедева, видение динамического фрагмента мира как смену ситуаций» [\[19, с. 22-23\]](#), становится возможным рассматривать глаголы мышления как некий «коннект» в речемыслительной деятельности человека, выполняющий коммуникативную, когнитивную и экспрессивную функции. Связано это с тем, что в их семантическом значении, по мнению А. П. Морослина, находят отражение и выражение «многообразные ракурсы и связи действий, обозначаемые глаголами» [\[22, с. 107\]](#). Лингвисты сходятся во мнении о том, что глаголы мышления, входящие в структуру семантического поля психической деятельности человека, характеризуются «предельной сложностью» [\[3, с. 5\]](#) (Васильев 1970, 1981; Морослин 2001; Глинка 2003; Гуднов 2013 и др.), особенно аффиксально усложнённые образования (в иной терминологии «асимметричные структуры» [\[9, с. 54\]](#)). В системе словообразования русского языка, характеризующейся «симметрией корня и асимметрией аффиксов» [\[9, с. 54\]](#), как отмечает В. А. Карпов, преобладают асимметричные структуры [\[15, с. 205\]](#). Они позволяют максимально разнообразить и увеличивать объём информации, а также передавать тонкие оттенки значений, в том числе модальных. При этом следует учитывать, что префикс имеет «большую (чем суффикс) самостоятельность в качестве значимой части слова» [\[39, с. 99\]](#). В словотворческом арсенале носителей русского языка представлен обширный пласт дериватов от корневых основ, в том числе от основ глаголов мышления, например, *подумать, помыслить; задумать, замыслить; недодумать, недомыслить; вздумать, отдумать, удумать, умыслить и т. д.*.

Префикс, конструируя значение деривата, в том числе модальное, номинирует определённую ситуацию действия. В процессе интуитивного или осознанного словотворчества на родном языке, по мнению лингвистов, находят выражение закреплённые результаты когнитивного, ментального опыта говорящего, его языкового мышления, социально обусловленное отношение к происходящему, антропоцентричность взглядов, которая выражается, как отмечает О. Ю. Крючкова, «в нарастающей роли субъекта, наблюдающего и оценивающего мир» [\[18, с. 6\]](#). Говорящий отбирает то или иное языковое средство, в данном случае префикс, в зависимости от модально-коммуникативной задачи и перспективы высказывания, опираясь на общее для участников коммуникации языковое знание. Семантическое значение приставки, по выражению Р. М. Гайсиной, «как бы надстраивается над денотативным значением глагола, входит в его семантику на автономных началах» [\[8, с. 15\]](#). Как отмечает И. С.

Улуханов, префиксы в составе дериватов «характеризуют с разных сторон действие, названное мотивирующим глаголом»[\[36, с. 53\]](#), «чаще всего, по мнению Н. М Шанского, оказываются не новообразованиями от соответствующих беспрефиксных глаголов, а существующими рядом самостоятельными (хотя и родственными) глаголами, воспроизведимыми как целостные значимые единицы»[\[39, с. 104\]](#), способные передавать дополнительный оттенок семантического, модального значений.

Сегодня элементы номинативно несамостоятельного морфологического уровня активно исследуются лингвистами в модальном ключе (Л. Г. Яцкевич 2006; И. Г. Кудрявцева 2008; В. В. Химик 2010; Е. И. Тимошенко 2013; Л. В. Рацибурская 2016, 2021, 2023; Е. В. Шаповаленко 2021; Ю. И. Бавула 2023 и др.). Однако малоизученным остаётся вопрос специфики модального функционирования глагольного префикса, в частности форманта *у-*, его модального потенциала в составе глаголов мышления как средств выражения значений ситуативной модальности, определение его роли в формировании модального значения производного.

Дериватологи достаточно полно изучили и описали функционирование префикса *у-* (РГ – 80; И. С. Улуханов 2017; О. И. Дмитриева 2021 и др.). Определили ряд реализуемых им значений, выявили общие семы производных с рассматриваемым формантом: *действие, названное мотивирующим глаголом, длительность, интенсивность, состояние как результат названного действия, насыщение*; описали случаи, связанные с отсутствием «жестких границ между словообразовательными, грамматическими и лексическими группировками в языковой системе и градуальным характером критериев системности», зафиксировали «неявный характер деривационной семантики глаголов с префиксом *у-*», а также отсутствие «типового характера оценочной пропозиции в полиситуативной семантической структуре производных данного словообразовательного типа» (далее СТ), выявили «выраженную негативную экспрессивность» производных с приставкой *у-*, «тенденцию к «негативизации» данной словообразовательной модели, используемой как средство интерпретации явлений окружающей действительности»[\[17, с. 182\]](#), определили сферу их функционирования. Были установлены морфематические (словообразовательные или формообразующие) связи префикса *у-*, определены семь лексико-семантических классов, в состав которых входят мотивирующие глаголы исследуемого в статье СТ, к которым относятся глаголы перемещения объекта (катить), глаголы приготовления пищи (варить), глаголы физического воздействия на объект (топтать), глаголы речевого воздействия (говорить), глаголы физиологического воздействия (пичкать), глаголы движения (ездить), глаголы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда (мучить)[\[17, с. 184\]](#). Отсутствие глаголов класса мышления в составе мотивирующих глаголов СТ с префиксом *у-* указывает на целесообразность изучения данного форманта в части его «сцепления» с последними, а также в плане реализуемых им модальных, модально-оценочных значений.

Первый научный труд, посвящённый в том числе рассматриваемому в статье вопросу, принадлежит С. С. Ваулиной. Исследуя эволюцию средств категории модальности, ученый обратил внимание на то, что «древнерусский глагол мыслити и его дериваты в сочетании с субъектным инфинитивом реализовывают значение желательности, однако, преимущественно связанное с «недобрыми» замыслами субъекта, входящими в противоречие с законами принятой морали»[\[5, с. 77\]](#). Ср.: и на вся дьни слышахъ яко царь **мыслить оубити** мя (Син. пат.); Довъмонть же **мысляшеть** бо, акы како **убити** Миндовга (Гал.-Вол. лет.). Аналогичное модальное функционирование глагола мыслити и его дериватов активизируется в языке старорусской письменности: и не всъхотѣ на них

посылати, бояся, понеже бо всѣ люди негодоваху о княжены его, но и на самово **мысляху (пойти/убрать)** (Пов. об ослепл. Вас. II). Реализация негативного значения желательности, отмечает С. С. Ваулина, «особенно последовательно, прослеживается на примере деривата **умыслити**» [\[5, с. 126\]](#). Ср.: хотяще великого князя на своем осподарьстви видѣти и **умыслиша** ему **дати** язву смертную, яко да убиють = хотят дать язву смертную (Пов. о Темир Аксаке); И аще который брат **умышляше и ти** из монастыря, он..... обличаше его мысль и утѣшаše брата = хотел сбежать из монастыря (Киев.-Печ. пат.).

Тождественное функционирование синонимичных глаголов мышления (и их дериватов с префиксом у-) прослеживается в современном русском языке. Подтверждение тому находим в НКРЯ: Ср.: ...леса просто так не стоят, ...иногда самопроизвольно вырубаясь, в пылу странных причин сгорая, – они наверняка **мыслят** тебя **посадить** или **заказать**, чтобы освободить себе место добычи под солнцем и самим под шумок стать заказниками (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011); Я знаю людей, которые только и **думают**, как бы яблочка **куснуть**, а я к ним спокоен (Ю. Коваль. Сиротская зима) [\[23\]](#).

В современном русском языке глагол **думать** и его дериваты с префиксом у-, реализующие модальное значение желательности, в ряде случаев желательности как условия возможности, являются более частотными по сравнению с синонимичным глаголом **мыслить** (**умыслить**). По данным словарей глаголы **мыслить** – **умыслить** являются устаревшими и малоупотребительными [\[31, 32\]](#). Однако низкочастотное употребление глагола **мыслить** «в значительной степени «компенсируется» активным функционированием соответствующего отглагольного существительного **умысел**» [\[1, с. 39\]](#), страдального причастия **умышленный**, в значении прилагательного **умышленный**, которые широко используются преимущественно в юридической сфере, а также в сфере публицистики. При этом существительное **умысел**, имеет словарное значение «заранее обдуманное тайное намерение (преимущественно предосудительное)» [\[31, с. 496\]](#), «злое умышление», т. е. действие по глаголу **умыслить**, одно из частных значений которого – «что, на кого, посягать, замышлять, задумать вредъ, зло, крамолу» [\[11, с. 454-455\]](#). Ср.: Мы предложили, на мой взгляд, эффективные меры, способствующие сокращению потребления контрафактного алкоголя, изготовленного с нарушением технологии, а иногда по злому **умыслу**, которые станут существенным препятствием для проникновения суррогата на прилавки (Борьба с табачным контрафактом может стать выгодной для регионов // Парламентская газета, 2021.01.06); За **умышленное** непредставление или искажение сведений заплатить придётся по 100 тысяч рублей за каждый факт (Банки будут штрафовать за сокрытие сведений о клиентах-нерезIDENTАХ // Парламентская газета, 2021.11.19) [\[23\]](#).

Дериваты глаголов мышления с формантом у- реализовывают, как было отмечено выше, модальное значение желательности, преимущественно связанное с негативным значением. Такое положение дел, по мнению С. С. Ваулиной, «связано со значением префикса у-» [\[5, с. 126\]](#). Подтверждение тому находим в Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка Т. Ф. Ефремовой, РГ-80, в которых указано одно из частных значений приставки у- – «доведение до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим словом (уездить, укачать, умучить и т. п.)» [\[14, 25\]](#). Отрицательное функционирование рассматриваемого форманта объясняется в том числе его этимологией. В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П. Я. Черных зафиксирован ряд значений приставки у-: «в

прошлом начальное *у* – это приставка, усиливающая отрицательное значение слова и ограничивавшая или ослаблявшая значение слова, когда оно не являлось отрицательным», а также одно из частных её значений – «в сторону, прочь, вон (уйти)», отмечены случаи с начальным *у*- «в таких (единичных) словах как *утлы*й и некоторых других» [38, с. 279]. В этимологическом словаре М. Фасмера зафиксирована глагольная приставка *у*- (убирать, убывать, убежать), отмечено её родственное отношение с лтш. *aumatis* «не в своём уме» [37]. Косвенным подтверждением того, что формант *у*- «надстраивает» негативное значение на основу мотивирующего глагола может быть словарное объяснение значения *у* через междометие *увы*: *увы* – «восклицание, выражающее горе» [33], только русск.-цслав. *оу*, ст.-слав. *оу*, болг. *у* – «восклицание удивления и ужаса», а также через значение *уже*, *уж*, народн. *ужо* – «...в качестве угрозы» [37]. Ранний случай реализации понятия «плохой» посредством префикса описан в монографии Л. П. Дроновой «Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект». Речь идёт о санскритском префиксе *ku-* (созвучном с русскому *у*): *ku-karman* «дурное действие», *ku-cara* «порочный, безнравственный» и т. п. Как отмечает Л. П. Дронова, данный префикс «в ряду аналогичных образований в индоарийских и славянских языках (в виде **ka*-, **ko*- **ki*-, **ca*-, **ce*-) рассматривается в качестве препозитивного компонента сложных слов, которые представляют собой эмоционально окрашенные имена, реже – глаголы, иногда с пейоративным значением либо включающие в круг своих значений элемент удивления, иносказания, табуированности» [12, с. 25-26].

Данные различных словарей убеждают в том, что рассматриваемый в статье префикс *у*- в составе производных глаголов мышления (удумать, умыслить) не только реализовывает, но и усиливает преимущественно отрицательное (негативное) значение на автономных началах, т. е. как самостоятельная значимая единица. Результаты настоящего исследования подтверждают данный факт, дополняя его тем, что словообразовательный формант *у*- содержит в своём значении оценочный компонент (в зависимости от контекста положительный или отрицательный). Подтверждение тому находим в Словаре русского языка XI – XVII вв., в котором зафиксировано, что префикс *у*- употребляется в том числе «для выражения нравственного участия или оценки: *у* (кого-л.): Какъ уйдешъ у нихъ, аще не Господь поможеть! Ав. Ж., 147 (~ 1672 г.)» [30, с. 303-307].

Выражение нравственного участия подразумевает содержание оценочной семы в значении слова, в данном случае пейоративной семы «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)» [2, с. 390], которая является «рефлектором национального представления об аморальном и асоциальном поведении членов социума» [20, с. 11]. Проиллюстрируем примерами из НКРЯ. Ср.: Но хватило же у него духу капитану перечить, а сейчас такое **умыслил** (сделать = ослушаться), душа переворачивается – приказ не выполнить! Да кого? Самого командира части (В. Кондратьев. Сашка (1979); Хозяин, псих, запер в машине пса, у него денег на сигнализацию нет, вот и **удумал**, гад, животное в автосторожа **превратить** (Дочь поселила мать с собакой в ржавых Жигулях и уехала на заработки из Твери в Москву // Комсомольская правда, 14.11.2012) [23].

В значении глаголов мышления *удумать*, *умыслить* становится совершенно очевидной неразрывная связь оценочного и модального компонентов, т. е. «двойственная природа» дериватов составе высказывания, а именно «утверждение о чём-то и одновременно оценка» [16, с. 91].

Основой модального функционирования отглагольного префикса у- является одно из его лексических значений (как отражение языкового знания (интуиции) носителя языка) – «доведение до нежелательного состояния (до крайней усталости, бессилия, исчерпанности) с помощью действия, названного мотивирующим словом» [14, 21, 25]. В вышеприведённой дефиниции приставки у- выражены семы желательности и возможности, связанные с недобрыми намерениями. Ср.: жених впервые видит невесту в день свадьбы, когда от стола ведут «к жене в постель, где видит ее при свече близко. А с ней век жить!». «Если жизнь не сложится, – объяснял Котошихин, – **умыслит** над нею **учинить** такое, чтобы ушла в монастырь, бьет и мучит всячески...» (А. Савинов. «Свидания в огороде и законы Петра I» // «Знание – сила», 2012); Сообразив, что пока болела и лежала в кровати, дочь и сын распорядились позаботиться о похоронах. Ухватившись за края гроба, она поволокла его к выходу, приговаривая: «Надо ж, чего **удумали** – заживо **зарыть** в могиле...» (С. Романов. Парламент (2000) [23]).

Следует отметить ряд значений префикса у-, в которых семы желательности и возможности выражены имплицитно: «удалить, удалиться или заставить удалиться откуда-л. с помощью действия, названного мотивирующим словом, отстранение»; «полностью покрыть или покрыться чем-л. с помощью действия, названного мотивирующим словом»; «уменьшить или уменьшиться в размере, в объеме с помощью действия, названного мотивирующим словом»; «исчерпывающей полноты действие», «доведение действия, названного мотивирующим инфинитивом, до нормы – в словообразовании – и до результативного завершения – в формообразовании»; «уместить что-л. в каком-л. пространстве, в каких-либо пределах, объеме»; «удержаться в том состоянии, которое названо мотивирующим словом или совершение действия вопреки чему-л., несмотря на трудности, препятствия и т. п.» [11, 14, 21, 25, 31]; «приобретение нового качества или усиление качества в результате действия» [31]; «уничтожить, израсходовать что-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [25, с. 371]; «сохранить то состояние, которое названо мотивирующим глаголом, привыкнуть», «сохранить тот признак, который назван мотивирующим глаголом [21, с. 235].

В результате исследования был выявлен модальный потенциал глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-, реализующих в сочетании с зависимым инфинитивом значения ситуативной модальности – значения желательности, возможности, связанные преимущественно с замыслами и намерениями, вступающими в противоречие с моральными, этическими, социальными нормами. Специфика такого модального функционирования глаголов умыслить, удумать объясняется их синтаксическим положением в строе предложения, лексическим значением префикса у- «доведение до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим словом» [14, 25], наличием пейоративной семы «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)» [2, с. 390], указывающей на «выражение нравственного участия или оценки» [30, с. 303-307]. Данное положение находит поддержку в этимологии древнерусских глаголов мыслити, думати, а также в историко-этимологическом происхождении приставки у-, в которых эксплицитно и имплицитно выражена сема желательности, как составляющая возможности, а также сема пейоративности.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что префикс у-, традиционно рассматриваемый как элемент номинативно несамостоятельного уровня, способен

выполнять модальную функцию не менее значимую, чем корневая морфема, а также «надстраивать» и усиливать преимущественно отрицательную семантику глаголов мышления думать, мыслить на автономных началах.

В ходе исследования было установлено, что глагол думать и его префиксальный дериват удумать являются наиболее частотными модальными модификаторами, реализующими инвариантное значение желательности, а также значение возможности, преимущественно связанные с интенциями субъекта, противоречащими морально-этическим нормам общества, принимающими, как отмечает С. В. Лескина, статус закона [20, с. 11]. Были установлены следующие сферы функционирования деривата удумать: художественная, публицистическая, преимущественно разговорная речь и просторечие.

Также зафиксированы единичные случаи функционирования устаревшего глагола мыслить и его префиксального деривата умыслить в аналогичной модальной функции, которые «лишь изредка употребляются в литературной речи» [31, 32]. Низкая частотность глаголов, практически вышедших из употребления, восполняется весьма активным использованием отглагольного существительного умысел, страдательного причастия умышленный и т. д. в сфере юриспруденции, а также в разговорной речи.

Автор статьи приходит к выводу о том, что носители языка легко дифференцируют значения префикса *у-* в составе мотивирующего глагола мышления структурно и семантически, используя его преимущественно в разговорной (просторечной), юридической, публицистической сферах. «Яркое значение приставки, по мнению Ю. А. Сухоруковой, коррелирует с определенной тематической и функциональной направленностью текста», т. е. является «ответственной» за выбор речевой сферы» [34, с. 38].

Важно обратить внимание на то, что в Словаре русских народных говоров зафиксированы значения глаголов мышления с префиксом *у-* (удумать – удумывать, умыслить – умыслять), а также родственных производных, не содержащие сему «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)». Напротив, их семантика отличается наличием мелиоративного компонента. Например, слово *умысел* имеет значения «ум, здравый смысл», «Божий промысел»; *умысель* – «замысел, умысел»; *умысленный* – «хорошо сделанный, удобный»; *умыслить* – *умыслять* – «1. Придумывать, замышлять что-либо. 2. Догадаться о чём-либо, понять что-либо. 3. Вспомнить что-либо. 4. Решить сделать что-либо» [29, с. 209]; *удумать* – *удумывать* – «1. Принять решение. 2. Догадаться о чем-либо. 3. Вспомнить что-либо. 4. С инф. решиться делать что-либо. 5. С инф. начать делать что-либо» [28, с. 316]. Однако отрицательная сема присутствует в значениях глагола мыслить – «1. Вести неуместные рассуждения, умничать. 2. Ухитряться, умудряться» [27, с. 62]. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что действие, называемое дериватами рассматриваемого типа, может быть осмыслено как отрицательное, положительное, нейтральное, а также согласиться с мнением современных дериватологов о том, что «характер оценки состояния, выражаемой дериватами этого СТ, не задан деривационной системой, он всякий раз проясняется в дискурсе» [17, с. 182].

Библиография

1. Бавула, Ю. И. Реализация модального потенциала древнерусских глаголов мышления в современном русском языке / Ю. И. Бавула, С.С. Ваулина // Экология языка и речи: Материалы X Международной научной конференции, Тамбов, 08–09 декабря 2022 года /

- Науч. редактор А. Л. Шарандин, отв. за выпуск Т. А. Дьякова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 35-39.
2. Васильев, Л. М. Семантические классы русского глагола: Глаголы чувства, мысли, речи и поведения: дис. ... д-ра филол. / Л. М. Васильев. – Уфа, 1970. – 661 с.
3. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – Москва: Наука, 1981. –184 с.
4. Васильев, Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики: сб. избр. ст. / Л. М. Васильев. – Уфа: РИО БашГУ, 2006, с. 387. – 574 с.
5. Ваулина, С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.): монография / С. С. Ваулина. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 143 с.
6. Ваулина, С. С. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка / С. С. Ваулина. – Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 206 с.
7. Ваулина, С. С. Модальность. Коммуникация. Текст: сб. науч. тр. / под ред. проф. С. С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. – 329 с.
8. Гайсина, Р. М. К семантической типологии глаголов русского языка / Р. М. Гайсина // Семантические классы русских глаголов. – Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 15-21.
9. Глинка, Е. В. Система глаголов восприятия, мышления и говорения (на материале исторических словарей русского языка): дис. ... канд. филол. наук. / Е. В. Глинка. – Брянск, 2003. – 264 с.
10. Гуднов, Р. Н. Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке (функционально-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук / Р. Н. Гуднов. – Санкт-Петербург, 2013. – 162 с.
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – Москва, 1955.
12. Дронова, Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект / Л. П. Дронова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с.
13. Егорова, О. М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. М. Егорова. – Нижний Новгород, 2017. – 21 с.
14. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – Москва: АСТ : Астрель, 2005. – 640 с.
15. Карпов, В. А. Язык как система / В. А. Карпов. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 302 с.
16. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – Москва: УРСС, 2005. – 120 с.
17. Косова, В. А. Префиксальное воплощение русской глагольной семантики: потенциал словообразовательной категории «каузация состояния» / Динамические аспекты русского словообразования / В. А. Косова, О. Ю. Крючкова, Л. В. Балашова, О. И. Дмитриева [и др.]; под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021. С. 170-202.
18. Крючкова, О. Ю. Динамические тенденции в области русской словообразовательной деривации и методические принципы изучения правил словообразования / О. Ю. Крючкова, Л. В. Балашова, О. И. Дмитриева [и др.]; под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021. С. 6-31.
19. Лебедева, Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной лексики / Н. Б. Лебедева. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2010, 192 с.

20. Лескина, С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц): автореф. докт. фил. н. / С. В. Лескина. – Челябинск: 2010, 44 с.
21. Лопатин, В. В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
22. Морослин, П. В. Семантическая структура глаголов мышления и их функция в тексте (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / П. В. Морослин. – Москва: 2001, 209 с.
23. Национальный корпус русского языка. 2003–2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.02.2024).
24. Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка в 2 т. / А. Преображенский. – Москва: 1910–1914, 1246 с.
25. Русская грамматика. В 2 т. Москва: Наука, 1980. Т. 1.
26. Сатина, Т. В. Модальность как универсальная категория семантики / Т. В. Сатина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 46-51.
27. Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Мутаситься – Накучить. Ленинград: Наука, 1983, 360 с.
28. Словарь русских народных говоров. Вып. 46. Тычак – Ужоля. Санкт-Петербург: Наука, 2013, 350 с.
29. Словарь русских народных говоров. Вып. 47. Ужом – Урос. Санкт-Петербург: Наука, 2014, 354 с.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва: Наука. Вып. 1 – 12. 1975–1987.
31. Словарь русского языка в 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981–1984.
32. Словарь синонимов русского языка в 2-х т. – Под. ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Астрель. АСТ. Транзиткнига. 2003, 680 с.
33. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. [Электронный ресурс] / И. И. Срезневский. – Режим доступа: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (Дата обращения: 01.02.2024 г.)
34. Сухорукова, Ю. А. Функциональные особенности глаголов и глагольных префиксов в русском языке: корпусное исследование (на материале глаголов с префиксом пред-) / Ю. А. Сухорукова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2021. № 4 (216). С. 37-47.
35. Тимошенко, Е. И. О функции приставки в словах с модальной семантикой (на материале русского языка) / Е. И. Тимошенко // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. № 1. 2013 <https://core.ac.uk/download/pdf/75998805.pdf>
36. Улуханов, И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами / И. С. Улуханов. – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2017, 516 с.
37. Фасмер, М. Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Р. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986–1987.
38. Черных, А. Я. Историко-этимологический словарь. В 2 т. / А.Я. Черных. – Москва: Русский язык, 1999.
39. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. – Москва: 1959, 245 с.
40. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского: В 2 т. Москва: 1963–1982.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автор к вопросам теоретической грамматики и лексикологии русского языка.

Объектом исследования явились глаголы поля мышления думать, мыслить и их дериваты с префиксом у-. Предметом исследования, определяющим новизну работы, является модальная специфика глаголов мышления с формантом у-.

В ходе исследования было установлено, что глагол думать и его префиксальный дериват удумать являются наиболее частотными модальными модификаторами, реализующими инвариантное значение желательности, а также значение возможности, преимущественно связанные с интенциями субъекта, противоречащими морально-этическим нормам общества. Были установлены следующие сферы функционирования деривата удумать: художественная, публицистическая, преимущественно разговорная речь и просторечие.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики.

Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами на древнерусском и современном русском языках.

Таким образом, практическим языковым материалом послужили тексты древнерусских памятников разной жанровой принадлежности, а также Корпусе национального русского языка. К сожалению, автор не приводит подробной информации об объеме языкового материала, отобранного для проведения исследования.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методами исследования послужили контент и компонентный анализ, методы семантического анализа, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ. Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены труды исключительно отечественных исследователей. Считаем, что обращение к работам зарубежных лингвистов, несомненно, обогатило бы сей труд.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. В тексте встречаются ряд технических опечаток, к примеру, «Автор статьи приходит к выводу у том,..» и др.

Кроме того, отметим, что в примерах упоминается физическое лицо – иноагент, без указания ссылки на данный факт.

Однако данные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования связана с тем, что его

результаты могут быть использованы в курсе истории языка, теоретической грамматике, а также в дальнейших исследованиях в данной области.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Феномен языковой модальности находится в центре междисциплинарной научной мысли. Ученые полно установили план её содержания и выражения, причем в разрезе динамических колебаний. Ряд исследователей, как отмечает автор рецензируемой статьи, полновесен и объемен: В. В. Виноградов, Ш. Балли, Г. А. Золотова, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, Г. П. Немец, Л. П. Дронова, И. Р. Гальперин, Г. Я. Солганик, Т. В. Романова, З. Я. Тураева, М. В. Ляпон, Б. В. Хрычиков, О. Н. Соловьёва, И. Ю. Кукса Н. Brinkmann, J. Buscha, G. Diewald, J. Erben, T. Fritz, M. Hanowell, G. Helbig, M. Krifka, G. Ohlschlager, F. Palmer, K. Sommerfeldt и др. Стоит согласиться, признать как данность, что «универсальная категория модальности «как одна из ключевых семантических (понятийных) категорий, обеспечивающих живую связь высказывания с внеязыковой действительностью и устанавливающих его коммуникативный потенциал», осмысливается современными лингвистами как «уникальная ментальная», «глобальная научная», «познавательная» категория, рассматриваемая в контексте «неразрывной связи языка и мышления» как «особой ступени в процессе отражения сознанием объективной действительности». Следовательно, данный труд имеет нужный вектор научного поиска, тема актуальна, интересна, подход исследования конструктивен. В начале труда обозначено, что «объектом изучения стали глаголы поля мышления думать, мыслить и их дериваты с префиксом у-. Предметом исследования, определяющим новизну работы, является модальная специфика глаголов мышления с формантом у-». Считаю, что работа имеет как теоретическую, так и практическую значимость; она информативна, целостна, оригинальна. Суждения по ходу научной наррации точны: например, «первые научные исследования, направленные на изучение глаголов мышления, их префиксальных дериватов в терминах модальности принадлежат С. С. Ваулиной (Ваулина 1988, 2008), а также С. В. Черновой (1996, 2008), Л. М. Васильеву (2006), частично Л. П. Дроновой (Дронова 2006), А. П. Морослину (Морослин 2001), Ю. И. Бавуле (Бавула 2022, 2023) и др. В результате анализа эволюции средств выражения категории модальности XI – XVII вв.». Формат работы выдержан в рамках требований издания, должный ряд ссылок наличен. Считаю, что работа не нуждается в серьезной правке и коррективе. Ссылки на авторитетные имена даны с уважением, но в режиме конструктивного диалога, что вполне верно: например, «точке зрения учёного не противоречит теория Л. М. Васильева, согласно которой глаголы мышления (оценочные, побудительные, интенциональные) «могут быть квалифицированы как модальные». Интересно отметить, что истоком модального функционирования рассматриваемых в статье глаголов является история их происхождения. По данным этимологических словарей глагол мыслити «образован от прасл. *mysisъ, восходящего к и.-е. корню *men-, родственного литовскому maudziu, «тосковать, страстно желать». Иллюстративный фон достаточен: «Ср.: Преподобный Игнатий епископъ мышише создати церковь камену (Житие Авр. Смол.); ...царь Василий и думаше чрезъ реку ехати, хотяще, яко зайца в тяняте, яти

Девгения (Девг. деян.). Ср.: Впрочем, и продолжать-то уже абсолютно нечего, словно все, что еще трепетно мыслил сказать, тоже вдруг переметнулось... (В. Володин. Напрасные похороны, напрасный покойник (промашка смерти) // «Волга», 2010); Вот и удумал он завалить снегом всю земельушку – не только человеку, а и лисице не пробраться... (Е. Богданов «Вьюга»). Проблема, которая рассматривается в качестве основной, разобрана в правильном методологическом ключе; фактические данные введены точно. Автор отмечает, что «в современном русском языке глагол думать и его дериваты с префиксом у-, реализующие модальное значение желательности, в ряде случаев желательности как условия возможности, являются более частотными по сравнению с синонимичным глаголом мыслить (умыслить). По данным словарей глаголы мыслить – умыслить являются устаревшими и малоупотребительными. Однако низкочастотное употребление глагола мыслить «в значительной степени «компенсируется» активным функционированием соответствующего отглагольного существительного умысел», страдального причастия умышленный, в значении прилагательного умышленный, которые широко используются...» и т.д. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом; терминологический уровень универсален. Анализ вопроса сделан на высоком филологическом уровне: «основой модального функционирования отглагольного префикса у- является одно из его лексических значений (как отражение языкового знания (интуиции) носителя языка) – «доведение до нежелательного состояния (до крайней усталости, бессилия, исчерпанности) с помощью действия, названного мотивирующим словом». В вышеприведённой дефиниции приставки у- выражены семы желательности и возможности, связанные с недобрыми намерениями. Ср.: жених впервые видит невесту в день свадьбы, когда от стола ведут «к жене в постель, где видит ее при свече близко. А с ней век жить!». Считаю, что тема раскрыта, цель исследования достигнута; материал можно продуктивно использовать в вузовском образовании при освоении дисциплин лингвистического порядка. Автор в финале делает вывод, что «префикс у-, традиционно рассматриваемый как элемент номинативно несамостоятельного уровня, способен выполнять модальную функцию не менее значимую, чем корневая морфема, а также «надстраивать» и усиливать преимущественно отрицательную семантику глаголов мышления думать, мыслить на автономных началах», «глагол думать и его префиксальный дериват удумать являются наиболее частотными модальными модификаторами, реализующими инвариантное значение желательности, а также значение возможности, преимущественно связанные с интенциями субъекта, противоречащими морально-этическим нормам общества, принимающими, как отмечает С. В. Лескина, статус закона. Были установлены следующие сферы функционирования деривата удумать: художественная, публицистическая, преимущественно разговорная речь и просторечие», «носители языка легко дифференцируют значения префикса у- в составе мотивирующего глагола мышления структурно и семантически, используя его преимущественно в разговорной (просторечной), юридической, публицистической сферах». Работа имеет завершенный вид, список источников объемен. Рекомендую статью «Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Омельченко Л.Н., Боякина М.В., Зырянова Е.В. Лексема "нормально" в русской речи: корпусное исследование // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70303 EDN: QIRNHT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70303

Лексема "нормально" в русской речи: корпусное исследование**Омельченко Лилия Николаевна**

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

670000, Россия, Бурятия область, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, оф. 2208

 liliya03-67@mail.ru**Боякина Марина Викторовна**

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

670000, Россия, Бурятия область, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, оф. 2208

 marina.bohieva@yandex.ru**Зырянова Елена Васильевна**

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова

670049, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, каб. 2208

 lenkor75@mail.ru[Статья из рубрики "Языкознание"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.4.70303

EDN:

QIRNHT

Дата направления статьи в редакцию:

30-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является лексема "нормально", многоаспектный анализ которой проводится на материале данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включающего более 2 млрд слов, что делает его достаточно представительным. Цель работы – определить состав омокомплекса "нормально" в современном русском языке, сопоставить омонимы в семантическом, синтагматическом, функциональном аспектах. Актуальность предпринятого исследования связана с тем, что в лексикографической литературе не представлено полное описание всех омонимов "нормально". Так, предикатив "нормально" остался вне внимания лексикографов, хотя именно в этой категории реализуется прагматический потенциал изучаемого слова; кроме того, не отмечены случаи употребления слова в дискурсивной функции. Данное исследование проведено на основе конкорданса из 4055 текстов с данной лексемой, большой объем материала позволил сделать выводы о количественных и качественных особенностях функционирования указанного омокомплекса. В соответствии с поставленной целью в работе применялись описательный, количественный, статистический методы, а также методы корпусного анализа. Методологической базой исследования послужили работы, посвященные проблеме функциональной омонимии (В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, В. В. Бабайцева, П. А. Лекант и др.) и методам корпусной лингвистики (О. Н. Ляшевская, Н. В. Перцов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, Д. В. Сичинава и др.). Результатами работы стали следующие положения: на основе данных, отобранных из корпуса, утверждается, что омокомплекс «нормально» объединяет группу функциональных омонимов (имя прилагательное в краткой форме; наречие; предикатив (категория состояния); междометие), которые различаются набором морфологических признаков, выполняемой синтаксической функцией, синтагматическими особенностями, выражаемой в речи семантикой. Сделан вывод, что все указанные омонимы являются активными в современной русской речи; в разных речевых сферах у них обнаруживаются прагматические и стилистические особенности. Первые тексты с предикативом "нормально", как и с омонимичным наречием, зафиксированные в НКРЯ, относятся к концу XIX в.; использование же "нормально" как междометия в дискурсивной функции появляется значительно позже, в 1980-х гг. Статистические методы позволили определить наиболее частотные коллокации с лексемой "нормально".

Ключевые слова:

функциональная омонимия, омокомплекс, краткое прилагательное, предикатив, наречие, междометие, дискурсивная функция, семантика, прагматика, Национальный корпус языка

1. Введение

Тема статьи связана с проблемой функциональной омонимии в современной отечественной лингвистике. В качестве предмета исследования выбрана лексема *нормально*, анализ которой проводится нами в семантическом, синтагматическом, функциональном аспектах. Кроме лексико-семантического анализа, использовались корпусные методы, поскольку в последние двадцать лет важным инструментом лингвистического исследования, наряду с традиционными источниками (словари, грамматики и др.), стали цифровые информационные ресурсы. Размышляя над перспективами развития корпусной лингвистики, В. А. Плунгян писал, что «корпус в каком-то смысле вернул лингвистам их подлинный объект – тексты на естественном

языке в максимально полном объеме, и последствия этого неожиданного приобретения еще скажутся в ближайшем будущем не только на лингвистической практике, но и на лингвистической теории» [\[17, с. 14\]](#). Материалом нашего исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [\[14\]](#).

Понятие «функциональные омонимы», введенное в научный оборот О. С. Ахмановой [\[2, с. 160\]](#), уточняется в дальнейших работах: «Это этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи. В большинстве случаев функциональные омонимы близки по значению» [\[3, с. 194\]](#). На омонимичность слов в grammatischem плане указывают и авторы «Русской корпусной грамматики» [\[20\]](#). Для разграничения функциональных омонимов лингвисты опираются на следующие критерии: категориальное значение, синтаксическая функция слова, синтагматические особенности, семантика. Группу функциональных омонимов принято называть термином «омокомплекс» [\[3, 5, 6, 10, 18, 23 и др.\]](#).

2. Обсуждение

На основе данных, отобранных нами из НКРЯ, можно утверждать, что омокомплекс «нормально» в современном русском языке объединяет группу функциональных омонимов (имя прилагательное; наречие; предикатив (категория состояния); междометие), которые различаются набором морфологических признаков, выполняемой синтаксической функцией, синтагматическими особенностями, выражаемой семантикой. Все омонимы можно считать активными, хотя не в равной мере. Кроме того, в разных речевых сферах у слова обнаруживаются pragmaticкие и стилистические особенности.

Лексико-семантический анализ слова предполагает обращение к лексикографическим источникам русского языка. В толковых словарях лексема *нормально* отмечена, прежде всего, как наречие, образованное от прилагательного *нормальный*, причем в его первом прямом значении: «**НОРМАЛЬНО**, нареч. 1. Нареч. к *нормальный* (в 1 знач.). Ребенок *развивается нормально*» [\[22\]](#). Словарная дефиниция прилагательного дается следующим образом: «**НОРМАЛЬНЫЙ**, -ая, -ое, -лен, -льно. 1. Соответствующий норме (во 2 знач.), полагающийся по норме. *Нормальный рост. Нормальная продолжительность рабочего дня.* || Соответствующий чему-л. общепринятым или обычному, положенному. *Нормальное поведение.* 2. Психически здоровый. *Нормальному, здоровому человеку кажется, что он понимает все, что видит и слышит.* Чехов. Страх. ◇ **Все нормально** – все в порядке» [\[22\]](#). Краткая форма прилагательного *нормально* не фиксируется отдельно толковыми словарями в соответствии с лексикографической практикой.

Данные НКРЯ указывают на тот факт, что в лексикографической литературе не представлено полное описание всех омонимов *нормально*. Так, предикатив (категория состояния) *нормально* остался вне внимания лексикографов, хотя именно в этой категории реализуется pragmaticкий потенциал изучаемого слова; кроме того, не отмечены случаи употребления лексемы в дискурсивной функции.

Перед тем, как приступить к собственно анализу лексемы, необходимо сделать следующее замечание. В морфологической разметке НКРЯ, как в последующем и в «Русской корпусной грамматике» [\[20\]](#), создаваемой на основе данных НКРЯ, границы частей речи определяются вслед за «Грамматическим словарем русского языка» А. А. Зализняка [\[9\]](#). Спорный вопрос русской грамматической традиции о том, является ли предикатив (категория состояния) самостоятельной частью речи, решается

положительно, что отражено в морфологическом стандарте корпуса, который «служит теоретической и методологической основой морфологической разметки» [\[13, с. 117\]](#).

В настоящий момент объем НКРЯ более 2 млрд слов, что делает его весьма представительным; объем текстов позволяет исследователю «обнаружить такие значения и употребления интересующей его единицы, которые отсутствуют в грамматиках и словарях и в лингвистической литературе вообще» [\[16, с. 318\]](#). Наше исследование выполнено на материале основного корпуса, включающего письменные прозаические тексты различных жанров с середины XVIII в. по начало XXI в.; объем корпуса – 131488 текстов, более 374 млн слов. В отдельных случаях для сопоставления к анализу привлекались примеры из корпуса устной речи, содержащего расшифровки магнитофонных записей публичной и бытовой речи, а также транскрипты кинофильмов; объем этого корпуса – 4396 текстов, более 13 млн слов. Важно, что в этих корпусах снята грамматическая омонимия.

Поисковая работа в корпусе позволяет получить конкорданс, то есть перечень примеров, в которых анализируемое слово используется в каком-либо тексте, причем с указанием на источник. Осуществив поиск по основному корпусу на наличие лексемы *нормально*, мы получили конкорданс из 4055 текстов с данной лексемой, функционирующей в разных сферах речи. Такой объем конкорданса становится ценным материалом для количественных и качественных исследований. В историческом плане специальное исследование нами не проводилось, вместе с тем, была сделана попытка проследить развитие семантико-прагматического потенциала анализируемой лексемы. График распределения результатов поиска по дате создания с 1800 г. по 2022 г. позволяет увидеть, что *нормально* впервые зафиксировано в основном корпусе в середине XIX в. Статистические возможности корпуса позволяют рассмотреть коллокации, то есть такие сочетания слов, которые «появляются рядом друг с другом благодаря регулярному характеру взаимного ожидания», что обусловлено речевой традицией [\[12, с. 35\]](#). Среди отобранных текстов небольшая часть оказалась со снятой «вручную» грамматической омонимией, основная часть – с неснятой омонимией, их разметка в корпусе сделана автоматически, поэтому нам пришлось дифференцировать примеры самостоятельно.

Нормально – имя прилагательное в краткой форме

Форма краткого прилагательного ед.ч. ср.р. у лексемы *нормально* занимает позицию именной части составного сказуемого в двусоставном предложении, как в следующем тексте (это хронологически первый пример с прилагательным *нормально* в основном корпусе, относящийся к первой половине XIX в.):

*Искусственная мертвенност! Да, коли хотите, она искусственна, и во всяком случае **не нормальна**: разве я стою за это? разве я говорю противное? Да назовите мне, ради бога, хоть что-нибудь, что было бы не искусственно; назовите хоть одно отношение, хоть одно побуждение, за которое можно было бы поручиться, что оно **нормально!**! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)]*

Определение частеречной принадлежности словоформ *не нормальна*, *нормально* в данном фрагменте не вызывает затруднений: *не нормальна* – бесспорно, краткое прилагательное ж.р. в составном именном сказуемом, которое координируется с подлежащим *она (мертвенност)* в двусоставном предложении; *нормально* – краткое прилагательное ср.р. в такой же синтаксической функции с подлежащим *оно (побуждение)*. Антонимическое употребление этих прилагательных в одном контексте в повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Противоречия» реализует первое значение лексемы

нормальный: «соответствующий норме, то есть сложившемуся порядку»; именно отступление от нормы вызывает у автора эмоциональное восклицание.

Полная форма прилагательного *нормальный* была предметом исследования в историческом аспекте, его значение рассматривалось в соотношении с лексемой «обычный» в практике перевода; установлено, что начало его употребления в русском языке относится к 1780-м гг. [17]. По нашим наблюдениям, краткая форма ср.р. этого прилагательного используется в русской речи крайне редко, что связано с грамматическими ограничениями, которые накладывает синтаксическая функция этого омонима. В семантическом плане в подобных предложениях происходит оценка говорящим того, соответствует ли некоторая ситуация определенной норме. Круг существительных ср.р., сочетающихся с прилагательным *нормально*, ограничен следующими коллокатами: *поведение, употребление, здоровье* и некоторые другие; в таких именных сочетаниях изменения в употреблении этого краткого прилагательного не произошли за полтора столетия:

– *Ваше поведение противно на небесах, – вздохнул он. – А на земле оно хуже некуда. – А твое поведение? – со смесью ужаса и нахальства спросил кастетный. – Мое поведение **нормально**, – пожал он плечами. – Я не могу ошибаться и делать что-то не так. Разве вам по ящику не рассказывали?* [А. Силаев. Армия Гутэнтака (2007)]

Синтагматическая ограниченность *нормально* способствовала формированию фразеологизма *все нормально*, который используется, по данным НКРЯ, преимущественно в нестрогих сферах речи. Толковый словарь отмечает у этого фразеологизма значение «все в порядке» [22], которое может быть уточнено при сопоставлении контекстов. В основном корпусе представлен 51 пример с данным фразеологизмом. Воспользовавшись новым инструментом корпуса, мы провели ранжирование примеров по дате создания, это позволило установить первый случай употребления *все нормально*, отмеченный в корпусе, – это дневники композитора П. И. Чайковского, написанные во второй половине XIX в.:

*Вообще я ценю и люблю Алешу вполне только в деревне, где **все нормально** и спорить не об чем. Суeta с перекладкой вещей как раз, когда его звали обедать. Моя злоба. Уехали.* [П. И. Чайковский. Дневник (1886)]

Контекст в деревне... *все нормально* сохраняет в указанном омониме первое значение прилагательного, отмеченное в толковых словарях: «соответствующий норме», то есть сложившемуся в деревне порядку. Далее в других примерах из основного корпуса можно наблюдать, что постепенно пространственный детерминант в этой конструкции заменился на личностный: *У меня* (у *нас* и т.п.) *все нормально*. Употребление подобных конструкций встречается в письменных жанрах, отражающих частную жизнь (письма, дневники) (всего 35 примеров), что зафиксировано впервые в дневнике академика М. В. Нечкиной (1940 г.):

*У меня ничего нет. Основное мое чувство, проникающее все, – отчаяние. Я пятнадцать лет думала, что если бы *у меня все* было **нормально** и был бы ребенок, я жила бы. Но сейчас уже поздно и ничего нет. Только отчаяние.* [М. В. Нечкина. Дневник (1940)]

Представляется интересным сопоставить данные по функционированию фразеологизма *все нормально*, полученные из основного корпуса, с подобными данными из корпуса устной речи. В устном корпусе этот фразеологизм зафиксирован в репликах диалога более 700 раз, что указывает на его уместность и активное использование именно в

устной нестрогой сфере речи. В следующем диалоге фраза *все нормально* используется как стереотипный ответ, как и предшествующая ей в реплике частица *ничего*, «указывающая на нормативность ситуации» [23, с. 112].

[Юра (Андрей Миронов, муж, 21)] А что?

[Алик (Олег Даль, муж, 21)] Да нет/ **ничего/ всё нормально**.

[Юра (Андрей Миронов, муж, 21)] А ты что/ на филологический?

[Алик (Олег Даль, муж, 21)] Да/ да. Надо учиться/ это я понял. [А. Зархи, В. Семаков, В. Аксенов, М. Анчаров. Мой младший брат, к/ф (1962)]

Дискурсивная функция лексемы *нормально* особенно активизируется в одиночном употреблении без подлежащего, о чем будет сказано ниже.

Нормально – наречие

Как известно, «наречия на -о/-е – самый большой и продуктивный класс русских наречий», они «регулярно образуются от качественных прилагательных» [21, с. 115]. Наречие *нормально* в этом плане не является исключением: оно образовано от прилагательного *нормальный* (в первом прямом значении), что отмечается в толковых словарях. По мнению лингвистов, для описания семантики слова важна частотность его синтагматических связей. Наиболее частотна связь наречия *нормально* с глаголами.

В результате поиска в НКРЯ глагольных коллокатов для этого наречия было отобрано 2720 текстов, в которых встречается 198 различных коллокаций, наиболее частотными из них являются следующие: *нормально работать* – 441 пример; *нормально идти* – 352; *нормально жить* – 296; *нормально пройти* – 227; *нормально развиваться* – 171; *нормально чувствовать* – 142; *нормально функционировать* – 114 (одна треть примеров представлена с частотностью других глаголов менее 6). Такое разнообразие в сочетании *нормально* с глагольными лексемами вполне ожидаемо. Так, сочетание с самым частотным глаголом *работать* появляется в конце XIX в., причем зафиксирован лишь один пример, относящийся к этому времени, – повесть писателя А. В. Амфитеатрова:

*С Людмилою не было так... Ее воображение не было расстроено. Голова **работала нормально**, рассудок не изменял. Но убийство Ревизанова стало теперь для Людмилы Александровны главным событием жизни, навсегда отравило ее память.* [А. В. Амфитеатров. Отравленная совесть (1882)]

Далее наречие *нормально* с коллокатом *работать* активизируется в 1920-е гг. и используется затем относительно равномерно; резкий скачок, по понятным причинам, происходит в 1941 г., затем в 1961 г., далее следует продолжительный период относительно равномерного употребления этого сочетания. Тематика подобных текстов преимущественно связана с техникой, приборами и т. п. Так, 19 примеров встречаем в дневниках Н. П. Каманина, организатора и руководителя подготовки первых советских космонавтов; вот один из типичных примеров, где в качестве актантов используются имена *связь, оборудование*:

*После окончания заседания все члены комиссии пошли в цех и смотрели тренировку Гагарина и Титова в корабле. Тренировка прошла хорошо, связь и оборудование корабля **работали нормально**.* [Н. П. Каманин. Дневник (1961)]

В текстах, где наречие *нормально* характеризует действия какой-либо техники, в его

лексическом значении не проявляется оценочная сема «хорошо/плохо», говорящий не выступает в роли субъекта оценки. В 1920-е гг. употребление этого наречия постепенно переходит в личную сферу, тематика текстов стала касаться частной жизни, что способствовало развитию в дальнейшем оценочной коннотации, как в следующем примере:

*Сегодня я весь день сам не свой. **Работать нормально не мог**. Уж какая там работа, когда вся фабрика гудела, как потревоженный улей... В семье у нас настроение тоже похоронное. [Н. Ф. Новиков. Дневник (1926)]*

В устном корпусе особенностей в употреблении наречия *нормально* с глаголами мы не отметили. С другими частями речи оно, по-видимому, не сочетается, в редких случаях может зависеть от прилагательного, например:

*Против нас одна видимость: количества **нормально развитых** личностей несравненно меньше в человечестве, чем уклонений от условий **нормы**. Зато, какая же и цель жизни и деятельности великих людей, как не та, чтобы освобождать массу человечества от оков внешности и таким образом приближать ее к чистоте и полноте богоподобия? [В. Н. Майков. Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статью о его жизни и сочинениях (1846)]*

Нормально – предикатив (в другой терминологии – категория состояния)

Наиболее спорное место в омокомплексе *нормально* занимает именно предикатив, который обычно не отмечается в толковых словарях. Такая ситуация связана, прежде всего, с дискуссионным отношением в грамматических исследованиях к группе слов русского языка, которая была названа, как известно, Л. В. Щербой категорией состояния. В работах других лингвистов используется термин «предикатив» [\[3, 5, 9, 10, 11 и др.\]](#). На основе типологических наблюдений А. Б. Летучий утверждает, что в русском языке признаковая зона включает «не только прилагательные и наречия, но и предикативы, тогда как, например, в германских или романских языках можно говорить только о первых двух типах. Если наречия и прилагательные – типологически распространенные части речи, то предикативы как отдельный разряд слов представляют собой довольно редкое явление» [\[11, с. 107\]](#). В русском языке предикативы, как отмечал еще В. В. Виноградов, активно развивающаяся часть речи, и образование предикатива *нормально* от прилагательного *нормальный* соответствует указанной тенденции.

Первые тексты с предикативом *нормально*, зафиксированные в НКРЯ, относятся к концу XIX в., как и тексты с омонимичным наречием. Вот пример этого периода – фрагмент из дневника Н. И. Пирогова, в котором у предикатива реализуется значение «в соответствии с нормой», как и у соответствующего наречия. Ученый задается вопросом «Нормально ли анализировать себя?» (то есть соответствует ли это действие принятой в психологии норме), поскольку основы психоанализа в это время только формируются в науке:

*Едва ли тот, кто много упражнялся в анализе поступков, чувств и мыслей другого, приобретает этим же самым упражнением и способность анализировать безупречно себя самого. Вообще для меня остается еще открытым вопрос – **нормально ли анализировать** себя? Человек, что называется, цельный, кажется, живет, мыслит, действует без разбирательства своего «я». [Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881)]*

В приведенном примере наблюдаем характерное для предикатива *нормально* сочетание

с инфинитивом в зависимой позиции. В таком сочетании у предикатива реализуется фактивное значение, которое можно сформулировать следующим образом: **является ли нормальным тот факт**, что человек анализирует себя сам? Отмеченное в конце XIX в. фактивное значение предикатива *нормально* сохраняется в его последующем употреблении в разных сферах:

*Вольф говорил: – **Нормально идти** в гости, когда зовут. Ужасно идти в гости, когда не зовут. Однако самое лучшее – это когда зовут, а ты не идешь.* [Сергей Довлатов. Записные книжки (1990)]

В дальнейшем становится распространенным, по-видимому, под влиянием разговорной речи, вариант безличного предложения с усечением, который включает только предикатив с личным дативом. Отметим, что именно в безличных предложениях наблюдается развитие прагматического потенциала слова *нормально* от первого прямого значения к оценочному (субъективному) значению. «На градационной шкале норма может занимать разное место» [\[1, с. 67\]](#). В следующем примере говорящий выражает именно оценку некоторой ситуации (факта) его жизни: **тот факт, что я работаю каждый день, для меня является нормальным**, – а не свое временное состояние, как в безличных предложениях типа *Мне холодно*:

*–Не-а, – Ира помотала головой. – Когда мне отдыхать? Работаю каждый день. Но вы не думайте, я не сильно устаю. **Мне нормально.** Справлюсь.* [Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)]

Размышляя о роли предикативов в русской системе частей речи, А. Б. Летучий выделяет два типа этого класса слов: предикативы свойства, выражающие значение факта, и предикативы состояния [\[11, с. 107\]](#). По нашим наблюдениям, предикатив *нормально* в современной русской речи может иметь оба вида семантики: и фактивное значение, связывающее предикатив с соотносительным прилагательным (как в предыдущих примерах), и значение временного состояния (физического или психологического). Так, в примере из устного корпуса (фрагмент кинокомедии о 1990-х гг.) у *нормально* реализуется семантика физического состояния, которая поддерживается контекстом вопросительной реплики собеседника с «традиционным» предикативом физического состояния *холодно* (а также действиями собеседника: *заворачивает Гришу в плед*). Видно, как физическое состояние говорящего после действий собеседника переходит по шкале «холодно – тепло» из средней зоны «нормально» (то есть «нейтрально, не холодно и не тепло») в правую зону «тепло», что сопровождается появлением оценки *лучше, очень*:

[Гриша (Леонид Ярмольник, муж, 41, 1954)] Ты уедешь?

[Лучана (Ирина Селезнева, жен, 34, 1961)] Тебе холодно?

[Гриша (Леонид Ярмольник, муж, 41, 1954)] **Мне нормально.**

[Лучана (Ирина Селезнева, жен, 34, 1961)] [заворачивает Гришу в плед вместе с собой]
Так лучше?

[Гриша (Леонид Ярмольник, муж, 41, 1954)] Очень. [Алла Сурикова, Эмиль Брагинский. Московские каникулы (1995)]

В устном корпусе подобных примеров достаточно большое количество; можно утверждать, что безличные конструкции типа *Мне нормально*, выражающие временное состояние

субъекта, не синонимичны конструкциям с полным прилагательным типа **Я нормальный**.

На основе данных НКРЯ можно наблюдать развитие семантики предикатива **нормально**, образованного в конце XIX в. от прилагательного **нормальный** (его употребление зафиксировано столетием раньше): семантика соответствующего некоторой норме переходит в правую зону шкалы – в область положительной оценки.

Нормально – междометие

Междометия традиционно определяются как «класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто непроизвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: *ах, батюшки, ну и ну, ох, помилуйте, тьфу...* » [19]. Как было нами отмечено, первые тексты с предикативом **нормально**, как и с омонимичным наречием, зафиксированные в основном корпусе НКРЯ, относятся к концу XIX в.; использование же лексемы **нормально** в функции междометия появляется значительно позже, в 1980-х гг. В первую очередь междометие **нормально** позволяет говорящему передать оценку соответствия некоторой ситуации определенной норме:

*Живой, здоровый. Он подтянулся, ногами зацепился за конструкцию и так вот до площадки долетел. – Ну как, Саша? – говорю. – **Нормально**, – отвечает и к пилотам в вертолет нырнул. Этот парень тогда не только свою жизнь, он идею вертолетного монтажа спас. [Г. Розов. Три часа над телебашней // «Огонек», 1981]*

В словарях русского арго отмечается междометное употребление анализируемого слова: «**НОРМАЛЬНО**, межд. Отлично, прекрасно; ну и ну, вот это да, ничего себе» [8]. Отметим, что по данным НКРЯ значение «отлично, прекрасно» реализуется у междометия **нормально** не регулярно. Так, в следующем диалоге, представленном в устном корпусе, в лексическом значении слова **нормально** действительно актуализируется сема «хорошо» (не «отлично, прекрасно»), выражающая одобрение говорящим того события, о котором сообщает собеседник (по-видимому, покупки одежды):

[Лиля, жен, студентка] За сколько?

[Эльвира, жен, студентка] Будем вместе носить. Четыреста.

[Лиля, жен, студентка] **Нормально**.

[Эльвира, жен, студентка] Да.

[Лиля, жен, студентка] Ну ладно/ Эльвир/ давай/ я те потом перезвоню. Хорошо?
[Разговор сестер по телефону (2015)]

Прагматический потенциал слова **нормально** наиболее ярко проявляется в дискурсивной функции. Причем оценочная семантика может варьироваться в пределах полярных зон положительного/отрицательного. В следующем примере положительная оценка у междометия **нормально** поддерживается контекстом – лексемой **хорошо**, также выполняющей дискурсивную функцию:

[Вера (Людмила Гурченко, жен, 47, 1935)] И вот... деньги за дыни...

[Андрей (Никита Михалков, муж, 37, 1945)] Ага.

[Вера (Людмила Гурченко, жен, 47, 1935)] Чемоданы... вон там/ под служебным столиком.

[Андрей (Никита Михалков, муж, 37, 1945)] **Нормально.** Ага. Хорошо.

[Вера (Людмила Гурченко, жен, 47, 1935)] Я с тобой в расчёте! [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Вокзал для двоих, к/ф (1982)]

В контексте из художественного произведения (основной корпус) писателем зафиксировано распространяющееся в устной речи использование *нормально* как междометия, выражающего уже отрицательную оценку. Прием вставной конструкции в ответной реплике персонажа позволяет автору включить параллельный комментарий диегетического повествователя [\[15, с. 206\]](#). Именно повествователь дает негативную оценку речевого поведения молодого персонажа, который обращается к старику на «ты»:

Он (то есть ты) сказался больным. — Вот именно — сказался! СТАРИК молчит. — А если завтра тебя (молодой и старику тычет, **нормально!**) вот так же прижмут к ногтю. Мы ведь не станем раздумывать и говорить, что больны. Мы бросимся на защиту — мы сразу готовы защищать, разве нет? [Владимир Маканин. Стол, покрытый сукном и с графином посередине (1993)]

В ситуациях устной речи с междометием *нормально* смыслоразличительную роль, по-видимому, играют интонация и жестикуляция, сопровождающие высказывание, как это часто бывает со словами в дискурсивной функции [\[4\]](#).

Частотность употребления лексемы *нормально* в значении соответствия норме, то есть середине на шкале оценки, привела к появлению в некоторых контекстах устной речи коннотации безразличия. Безразличие не одобряется в обществе, поэтому *нормально* в качестве ответной реплики зачастую воспринимается адресатом речи, как нежелание говорить, как способ отстранения, что нашло отражение в критических рассуждениях о прагматике коммуникации:

— Неправда, не из вежливости я спрашиваю тебя, «как дела», не из вежливости!.. — возмутилась я. — А вот ты отвечаешь мне формально! Ты всегда отвечаешь **мне** одинаково — «**нормально**». А «нормально» значит, что ты вообще не отвечаешь!.. Такой ответ ты можешь присыпать мне на пейджер, электронную почту или путем sms на мой номер телефона... [Е. В. Колина. Дневник изменения (2011)]

Екатерина Андреевна почти каждый вечер ругалась с Димочкой и кричала: «Уеду». Но они остались. Алла с Димочкой не разговаривала. С матерью общение свелось к **трем словам** — «**нормально**», «нет», «поела». [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)]

3. Заключение

Корпусные методы исследования позволяют проследить динамику функционирования омокомплекса «*нормально*». Прилагательное в краткой форме ед.ч. ср.р. используется в русской речи, начиная с первой половины XIX в. Первые тексты с предикативом *нормально*, как и с омонимичным наречием, зафиксированные в НКРЯ, относятся к концу XIX в.; использование *нормально* как междометия в дискурсивной функции появляется значительно позже, в 1980-х гг. Наблюдается постепенный процесс движения семантики лексемы *нормально* от рассуждений о нормальном (соответствующем какой-либо установленной норме) — к стиранию первичного значения, переход в зону положительной оценки, а затем к стереотипному, дискурсивному употреблению, не связанному с нормой как таковой. Многофункциональность слова, наличие лексических

оттенков делают лексему *нормально* сложной для понимания и правильного употребления при изучении русского языка как иностранного.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. М.: URSS, 2019. 296 с.
3. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
4. Бычкова П. А., Рахилина Е. В., Слепак Е. А. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова. 2019. №21. С. 256-284.
5. Высоцкая И. В. Предикативизация имен существительных в современном русском языке // Речь. Речевая деятельность. Текст: материалы Всероссийской межвузовской научной конференции, посвященной памяти проф. Г. Г. Инфантовой. Таганрог: Издательство ТГПИ, 2012. С. 95-103.
6. Высоцкая И. В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «ничего» // Русский язык в школе. 1992. № 2. С. 40-42.
7. Егорова Ю. В., Трухтанова Е. В. Трудности перевода: нормально или обычно? // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2018. № 2. С. 50-61.
8. Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980-1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
9. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Русские словари, 2003. 800 с.
10. Лекант П. А. Лексема-омокомплекс *раз*: формы, семантика, функции, экспрессия в современном русском языке // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. ст. Москва: МГОУ, 2016. С. 231-238.
11. Летучий А. Б. Предикативы в системе русских признаковых слов – наречий и прилагательных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 105-147.
12. Лощакова Н. П. Понятие «коллокация» в истории традиционной и корпусной лингвистики // Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (79). С. 34-37.
13. Ляшевская О. Н., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. Москва, 2005. С. 111-135.
14. Национальный корпус русского языка URL: www.ruscorpora.ru (18/03/2024).
15. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
16. Перцов Н. В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во РХГА, 2006. С. 318-331.
17. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7-20.
18. Политова И. Н. Омокомплекс *всё* в современном русском языке // Русский язык и литература: актуальные проблемы теории и практики преподавания: сб. науч.-метод. статей. Коломна: ГСГУ, 2016. С. 54-61.
19. Русская грамматика. Т. 1 / гл. ред. Ю. Н. Шведова. Москва: Наука, 1980. 783 с.

20. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/> (18/03/2024).
21. Сичинава Д. В. Наречие // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2011. С. 108-135.
22. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 2. К-О. 736 с.
23. Шерстяных И. В. Омокомплекс «ничего» и его функции в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. №1. С. 109-114.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лексема "нормально" в русской речи: корпусное исследование», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к исследованию проблемой функциональной омонимии в современной отечественной лингвистике. В качестве предмета исследования выбрана лексема "нормально", анализ которой проводится в семантическом, синтагматическом, функциональном аспектах.

Работа выполнена на материале русского языка.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Практическим материалом явились данные Национального корпуса русского языка. Исследование выполнено на материале основного корпуса, включающего письменные прозаические тексты различных жанров с середины XVIII в. по начало XXI в.; объем корпуса – 131488 текстов, более 374 млн слов. В отдельных случаях для сопоставления к анализу привлекались примеры из корпуса устной речи, содержащего расшифровки магнитофонных записей публичной и бытовой речи, а также транскрипты кинофильмов; объем этого корпуса – 4396 текстов, более 13 млн слов.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Для решения исследовательских задач в статье использовались как общенаучные методы, так лингвистические и статистические, в том числе методы сплошной выборки, основными методами явились лексико-семантический анализ и корпусные методы.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение в том числе к работам зарубежных исследователей, несомненно, могло бы усилить теоретическую составляющую работу, в том числе, в русле зарубежных научных школ.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации.

Приведенные замечания нисколько не умаляют огромной работы, проведенной автором и не ухудшают общего положительного впечатления от рецензируемой работы.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по теории языка, курсов по русской филологии. Статья «Лексема "нормально" в русской речи: корпусное исследование» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фэн Ю. Аргументативная геометрия китайского восьмичленного эссе // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70438 EDN: QCUTPT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70438

Аргументативная геометрия китайского восьмичленного эссе

Фэн Юньфэй

аспирант, кафедра теоретической и прокладной лингвистики, Байкальский государственный университет

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

✉ 1279746232@qq.com

[Статья из рубрики "Языкоизнание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70438

EDN:

QCUTPT

Дата направления статьи в редакцию:

12-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются лингвокультурные особенности китайской традиции аргументации. Объектом исследования являются элементы логической структуры рассуждения. Автор рассматривает такие аспекты темы, как различия между восточной и западной моделями аргументации и предпосылки формирования китайского стиля аргументации. Приводятся определения аргументации и смежных терминов, входящих в круг понятий аргументативного дискурса. В аспекте этой проблематики также освещается вопрос о соотношении функционально-смыслового типа рассуждения и аргументации. Автор считает, что аргументация является более детализированной разработкой рассуждения, основанной на способах представления фактов, цитат, апеллирований к авторитету, эмоциям, мнению экспертов, законам. В социальных контекстах полемики, общественных дискуссий, ессеистики, науки умение аргументировать понимается как искусство. Автор также отмечает, что аргументация – это ментальная и преимущественно вербальная деятельность. Особое внимание уделяется структуре классической китайской литературной аргументации. Для анализа автор обращается к научной метафоре «геометрия аргументации». Эта грань

аргументации представляет собой методологию реконструкции аргументативного дискурса. Согласно этому, применяются метод реконструкции, основанный на выявлении схем аргументации. Схемы аргументации представляют собой обобщенные модели связи аргумента с выводом или тезисом. Основным выводом работы является то, что структура аргументации в китайском тексте отличается от таковой в общепринятой модели аргументации западного типа. Для обоснования этого вывода автор рассматривает модель С. Тулмина, которая состоит из шести элементов, полагая, что в текстах-репрезентантах аргументации можно выделить элементы модели. Следовательно, эссе можно рассматривать как экспликацию схем аргументации. После этого автор переходит к анализу структуры аргументации в тексте «Эссе о восьми ногах» (八股文), которое состоит из восьми элементов. Промежуточным выводом работы являются сведения о положительном и негативном прескриптивном аспектах использования схемы восьмичленного эссе в учебно-профессиональном контексте и в контексте применения в менее институциональных дискурсах.

Ключевые слова:

аргументация, модели аргументации, китайский язык, китайская культура, западная культура, схемы аргументации, тезис, логика, восьмичленное эссе, Луньюй

Вступление. Восточные модели аргументации привлекают внимание теоретиков и практиков в современном мире, поскольку исследователи и преподаватели стремятся лучше понять межкультурные различия в аргументации в условиях постглобализации, чтобы улучшить межкультурную коммуникацию и способствовать эффективному диалогу. Преподаватели и исследователи в области образования могут обращаться к восточным моделям аргументации, чтобы разработать новые способы обучения критическому мышлению и навыкам аргументации в различных образовательных и социальных контекстах. Более того, восточные философские системы, такие как конфуцианство (儒家), даосизм (道家) и буддизм (佛教), проявляются в рассуждениях таким образом и в таких аспектах, которые для современной западноевропейской традиции логического мышления и построения речи являются необычными. Самобытность восточного стиля рассуждения, проявляющегося в многообразных чертах в политических, межкультурных, образовательных практиках обеспечивает богатую основу для изучения аргументации [\[10\]](#).

Термин «аргументация» (в переводе с лат. “argumentation”, “argumentum”) означает «доказательство или довод, который будет служить подтверждением какого-либо другого суждения (предположительно являющегося истиной)» [\[3\]](#). Поскольку доказательства, доводы, аргументы встречаются в разных научных сферах, то аргументативный дискурс находит свое отражение в конфликтологии, социологии, логике, когнитологии, философии, риторике и многих других науках. К настоящему времени сложилось мнение о том, что рассуждение и аргументация тесно связаны, поскольку аргументация является составной частью функционально-смыслового типа речи рассуждения. В рамках рассуждения автор обычно придерживается некоторых общих алгоритмов логического следования от предпосылок к выводу. Аргументация представляет более специализированный аспект представления аргументов в поддержку какой-либо точки зрения или утверждения. Аргументация связана с более детализированной разработкой рассуждения в виде представления фактов, цитат, статистики, экспертных мнений, правил их сочетания для демонстрации валидности всего рассуждения. В связи с этим

неслучайно, что есть выражение «искусство аргументации», но не «искусство рассуждения» [\[16\]](#).

Среди многочисленных определений аргументации приведем мнение Е. Н. Лисанюк, считающей, что: «Аргументация — это интеллектуальная познавательная деятельность, осуществляемая когнитивными агентами преимущественно на основе естественного языка в форме речевого коммуникативного взаимодействия (диалога) с целью проверки аргументативной состоятельности позиций сторон. Объектом аргументации как интеллектуальной познавательной деятельности выступает когнитивный агент в аспекте своих знаний, убеждений, целей и намерений, выдвигаемых им на обсуждение в споре в форме критики и защиты в качестве своей позиции в нем» [\[5, с. 4\]](#).

Модели аргументации в разных странах отличаются по ряду причин. Культура, которая лежит в основе социальных норм и ценностей, влияет на формирование способов рассуждения. Обобщая работы ученых компаративистской направленности [Бузальская 2015; Garrett 2001; Defoort 2005; Gentz 2015; Plaks 2015; Reu 2015; Wagner 2015], укажем на следующие группы различий между стилями аргументации, которые реализуются в культурах Востока и Запада.

1. В западных культурах, как правило, ценится прямая аргументация. Для нее характерны дедуктивные умозаключения и рассуждения по индукции с переходом от аргументов к тезису. Иллюстрацией является аргументативная пропозиция «аргумент→ инференция→ тезис». В то же время в некоторых восточных культурах предпочтение отдается косвенной аргументации [\[18\]](#).
2. В западных культурах, особенно в европейской и американской, аргументация обычно основана на логическом и рациональном подходе. Акцент здесь делается на выражении своей точки зрения, представлении фактов и аргументов в поддержку этой точки зрения, а также на использовании формальных логических и рациональных аргументов. В западных культурах обычно ценятся прямота, сила аргументов и умение отстаивать свою позицию [\[13\]](#).
3. В восточных культурах, таких как китайская, японская и индийская, подход к аргументации может быть более философским и контекстуальным. Здесь важными факторами являются уважение к статусу и авторитету, поддержание социальной гармонии и установление соответствующих отношений между людьми.

Однако стоит отметить, что эти различия являются общими наблюдениями и не относятся ко всем представителям этих культур. Индивидуальность каждого человека и полученное им образование также имеют решающее значение.

По мнению Е. П. Борзовой [\[2\]](#), А. А. Крушинского [\[4\]](#) и Т. А. Мадалимова [\[7\]](#), между восточной и западной системами логики существуют значительные различия, а источником различий в стиле аргументации являются различия между восточной и западной системами логики.

Геометрия аргументации. Раскроем смысл научной метафоры «геометрия аргументации». В фундаментальной работе С. Тулмина принято выделять три грани аргументации: диалектическую, антропологическую, геометрическую [Toulmin, 2003]. Геометрия аргументации — это та часть теоретического конструкта, которая составляет логико-категориальные схемы рассуждения. В аргументации используется ряд логических законов, таких как закон противоречия, закон исключенного третьего, закон

достаточного основания и другие. В соответствии с этим, выделяют схемы аргументации, которые представляют собой логическую структуру в виде связи элементов, реализующих рассуждение [6].

В разных подходах мы можем встретить варианты схем аргументации. Например, силлогизм представляет собой схему рассуждения. В аргументации это получает развитие в виде некоторых моделей. Наиболее известной и применимой к анализу рассуждений в западной традиции является модель аргументации С. Тулмина [Toulmin, 2023]. В ней выделяют следующие элементы.

Данные (Data) – то факты, доказательства или убедительные аргументы, которые поддерживают вашу позицию. Данные служат основой для аргументации и должны быть достаточно убедительными.

Утверждение, тезис (Claim) – это основное утверждение или тезис, который вы пытаетесь поддержать с помощью данных. Утверждение должно быть четким, специфичным и подкреплено доказательствами.

Обоснование (Warrant) – обоснование связывает данные с утверждением и объясняет, почему данные поддерживают утверждение. Это логическое объяснение того, как данные приводят к выводу.

Оговорка (Rebuttal) – это предполагаемое опровержение конструкции.

Квалификатор (Qualifier) – этот элемент выражает степень уверенности или сомнений относительно связи между тезисом и данными.

Данная модель носит дескриптивный и прескриптивный характер. То есть по этой модели можно не только делать анализ текстов, но и рекомендовано составлять тексты и эссе.

Эссе как экспликация схем аргументации.

Исходя из структуры классической китайской литературы, можно понять, что китайские методы обучения и научная методология также играют важную роль в формировании аргументативной модели. В основе этого метода лежит текст о «Эссе о восьми ногах» (八股文). Структура классических китайских аргументативных текстов называется «Восьминогое эссе». «Восьминогое эссе» широко использовался так же, как и на государственных экзаменах, в результате чего идеи втискивались в эту предписанную и обязательную литературную структуру и становились окостеневшими и мертвыми [15].

«Эссе о восьми ногах» было введено в национальные экзамены во времена династий Мин и Цин как способ отбора чиновников, созданный в древние времена для того, чтобы сковывать умы читателей. «Эссе о восьми ногах» – это стандартизированная литературная структура, также известная как «восьминогий стиль». Структура обычно состоит из следующих восьми элементов.

1. Открытие – раскрываем тему(破題): два прозаических предложения, раскрывающие тему.
2. Усиление – получение темы (承題): проза из пяти предложений (или трех-четырех), которая развивает и освещает тему и демонстрирует знания экзаменуемого по теме и ее источникам, не раскрывая содержание последующих глав.
3. Предварительное изложение – начало обсуждения(起讲): это также момент, когда статья официально начинается. Это помогает определить тему и форму эссе.

4. Первоначальный аргумент – начальный этап(起股): определенное количество (4, 5, 8 или 9) сопоставленных предложений «гармонично контрастируют», развивая исходный аргумент.

5. Центральный аргумент- средняя нога(续股): предложения в свободной форме определяют центр эссе. Здесь обычно нет ограничений по количеству слов, и предложения не обязательно писать рядом.

6. Последний аргумент – поздний этап(后股): предложения пишутся параллельно, без ограничения их количества. Здесь рассматриваются моменты, не затронутые в предыдущем разделе; в противном случае писатель может продолжить изложение пунктов центрального аргумента. Оно должно быть основано на реализме и написано в серьезном тоне. Это самая важная часть эссе [\[8\]](#).

7. Последний аргумент – финальный этап(束股): группы параллельных предложений, каждое из которых состоит из двух-трех или четырех-пяти строк. Здесь происходит повторное обращение к теме и формулируется концовка [\[8\]](#).

8. заключение – большой узел(大结): проза с заключением. Экзаменуемый представляет тщательное и убедительное резюме эссе [\[8\]](#).

Об этом свидетельствует книга Конфуция «Луньюй» [\[9\]](#).

Ван Ао (мастер формы из восьмичленного эссе) участвует в экзамене, вопрос, заданный в экзаменационной работе, звучит так: Когда народ богат, как может монарх не быть богатым? (百姓不足, 君孰与足?).

Эта цитата взята из «Луньюй», главы «Янь Юань(颜渊)», оригинальный текст выглядит следующим образом [\[17\]](#):

哀公问于有若曰:“年饥, 用不足, 如之何?”有若对曰:“盍彻乎?”曰:“二, 吾犹不足, 如之何其彻也?”对曰:“百姓足, 君孰与不足?百姓不足, 君孰与足?”

Кратко поясним смысл: герцога Лу Ай спросил у Ю Рую, что делать, когда наступил голод и в стране не хватало денег. Ю Рую ответил: «Почему бы нам не использовать закон «Че»? (Закон «Че» (彻法) - это налоговая система династии Чжоу, которая просто означает, что крестьянин распахивает девять частей своей частной земли для себя и одну часть своей общественной земли для государства)».

Герцога Лу Ай недоумевал: «Я беру двух из десяти, и этого мало; неужели ты хочешь одного из десяти?». Ю Рую ответил: «Если народ богат, как может император не быть богатым? Если народ не богат, как может быть богат император?»

Таким образом, мы можем судить, что цель экзаменатора, придумавшего этот вопрос, - дать кандидатам возможность обсудить соотношение между богатством народа и богатством правителя (богатством страны). Конечно, если кандидаты совершенно не знают источников, они, скорее всего, напишут тарабарщину.

Что касается истории вопроса, то Ван Ао сдавал экзамен в 1475 году, когда династия Мин была ослаблена, а такие расходы, как пенсии раненым, еще больше опустошали государственную казну. У правителей тоже болела голова о том, откуда брать деньги и еду, и поэтому они придумали этот вопрос.

Проанализируем эссе Ван Ао с точки зрения структуры «восьмичленного эссе».

1. Открытие – раскрываем тему(破題).

Когда люди внизу богаты, правитель наверху, естественно, будет богат.

民既富于下, 君自富于上。

Автор не выбирает, кто должен быть богатым, а говорит, что богатыми должны быть все, но богатство должно идти снизу вверх. Простые люди находятся в самом низу, и пока они богаты, правитель наверху (государство), естественно, тоже будет богатым.

2. Усиление – получение темы (承題).

Это происходит потому, что богатство правителя - это то, что хранится у народа. Если народ уже богат, как можно рассуждать о том, что беден только правитель? Так Ю Руо рассказал герцогу Лу Ай об концепции «единства правителя и народа».

盖君之富, 藏于民者也; 民既富矣, 君岂有独贫之理哉? 有若深言君民一体之意以告哀公。

Этот параграф объясняет предмет и показывает, что я, Ван Ао, прекрасно разбираюсь в книгах и знаю источники.

3. Предварительное изложение – начало обсуждения(起讲).

Подразумевалось, что предложение герцога увеличить налогообложение было вызвано недостаточностью его доходов для государственных расходов; в таком случае, что может иметь приоритет над мерами по обеспечению достаточности государственных расходов для его народа? Если закон «Че» удастся претворить в жизнь, всегда иметь любовь и заботу о народе, использовать метод налогообложения «одного из десяти», не увеличивать нагрузку на народ ради него самого, то отдача от народа будет больше, и больше не будет застравать в стране нехватка поставок. Затем усилия народа не были бы обременены чрезмерными налогами, накопление народной собственности не было бы исчерпано чрезмерными требованиями^[8].

盖谓: 公之加赋, 以用之不足也; 欲足其用, 盖先足其民乎? 诚能百亩而彻, 恒存节用爱人之心; 什一而征, 不为厉民自养之计, 则民力所出, 不困于征求; 民财所有, 不尽于聚敛。

4. Первоначальный аргумент – начальный этап(起股).

В обычных семьях было бы достаточно сбережений и накоплений, чтобы не беспокоиться об уходе за родителями и воспитании детей. На обычных фермах было бы в изобилии зерна и проса, что избавляло бы от забот о заботах о живых и о почитании мертвых.

闾阎之内, 乃积乃仓, 而所谓仰事俯育者, 无忧矣。

里野之间, 如茨如梁, 而所谓养生送死者, 无憾矣。

5. Центральный аргумент – средняя нога(续股).

Если народ живет в достатке, то почему правители должны оставаться в нищете?

百姓既足, 君何为而独贫乎?

6. Последний аргумент – поздний этап(后股).

Поэтому я знаю, что народные продукты, будь то дома или на полях, могут легко

принадлежать монарху, и нет необходимости собирать их все в казну и делать своими. При неисчерпаемом запасе нужно ли беспокоиться о том, что мы не сможем удовлетворить свои потребности? Если мы не можем его израсходовать, стоит ли беспокоиться о том, что его не хватит на крайний случай.

藏诸闾阎者，君皆得而有之，不必归之府库，而后为吾财也。

蓄诸田野者，君皆得而用之，不必积之仓库，而后为吾有也。

取之无限，何忧乎有求而不得？

用之不竭，何患乎有事而无备？

7. Последний аргумент – финальный этап (束股).

Скот для религиозных жертвоприношений и зерно для ритуалов были в изобилии, как и нефрит и шелк для подношений и дипломатических подарков. Даже если возникал дефицит, люди, естественно, обеспечивали его сполна. Чего же не хватало?

Горных и морских деликатесов, вина и мяса было достаточно для развлечения государственных гостей; колесниц, лошадей, инструментов и оружия - для подготовки к войне и обороне. Даже если их не хватает, народ удовлетворит свои потребности. Чего же еще не хватает?

就义粢盛，足认为祭祀之供；玉帛筐篚，足以资朝聘之费。借曰不足，百姓自有以给之也，其孰与不足乎？

饔飧牢醴，足以供宾客之需；车马器械，足以备征伐之用。借曰不足，百姓自有以应之也，又孰与不足乎？

8. Заключение – большой узел (大结).

О! Изначальная цель закона «Че» - приносить пользу людям, и именно для этого достаточно государственных расходов. Зачем же тогда увеличивать налоги, чтобы сделать страну богатой?

吁！彻法之立，本以为民，而国用之足，乃由于此，何必加赋以求富哉！

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что данная структура письма также запечатлена в современной китайской логической мысли, которую для упрощения можно кратко резюмировать: «начальные посылки, основания, пример, дополнение, заключение» [\[11\]](#). Здесь «дополнение» обычно содержит «начальный этап», «средняя нога», «поздний этап» и «финальный этап» в восьмичленном эссе.

Что касается современного этапа развития аргументации, то нельзя не заметить двух аспектов, один из которых связан с тем, что достаточно древняя структура восьмичленного сочинения актуальна и используется в современной коммуникации. Эта структура письма актуальна в институциональном контексте, что составляет положительный аспект. Такая структура удобна для проведения экзаменов для большой группы кандидатов, поскольку кандидаты с меньшей вероятностью будут отклоняться от требований [\[14\]](#). Также этот формат помогает обеспечить стандарты и справедливость в системе экзаменов на государственную службу. Экзаменаторы могут сократить количество времени, затрачиваемого на выставление отметок, привыкнув к формату и неопределенности в схеме [\[11\]](#).

Второй аспект негативного свойства связан с тем, что принятие этой формы письма уже в XVII веке стало причиной упадка классической поэзии и прозы в период правления

династии Мин. Критик У Цяо писал: «люди исчерпали себя над восьминогим эссе, а стихи сочинялись только за счет их свободной энергии». Современный политический теоретик и философ Хуан Цзунси поддержал это мнение^[12]. Ряд современных китайских критиков утверждает, что сочинение на восьми ногах привело к постепенному сужению творческого мышления людей, что, в свою очередь, привело к постепенному сужению идеологии людей и, таким образом, оказалось сдерживающее влияние на китайский народ и нацию в целом.

Заключение. Из этого можно сделать несколько выводов. Во-первых, одной из главных причин анализа восточных моделей аргументации является их отличие от западных. Восточные философии по своей сути сложны для понимания и применения западной аудиторией. Это может создавать препятствия в аргументации для людей, незнакомых с восточными культурами. Во-вторых, широко используется классическая китайская структура аргументации, которую можно наблюдать в «восьминогом эссе». С одной стороны, соответствующая модель аргументации имеет достоинства унифицирующего характера в учебно-профессиональном дискурсе. Однако эта структура также в определенной степени ограничивает воображение и творческий потенциал, что препятствует литературному развитию.

В-третьих, между логическими системами Востока и Запада существуют значительные различия, которые проявляются в разных стилях аргументации. Анализ «восьмичленного эссе» позволяет получить новые результаты о природе и текстовой организации этой структуры, а также о месте «восьмичленного эссе» в китайском способе аргументации.

В свете сказанного перспективу исследования мы видим в том, чтобы более глубоко исследовать схемы и модели аргументации, реализующиеся в разных областях лингвосоциума Китая. Не стоит забывать, что культурные, исторические и религиозные традиции каждой страны влияют на стиль аргументации, и в современную эпоху стремительного развития восточный стиль аргументации может не сохраниться от значительных изменений в будущем. Поэтому, рассматривая проблему аргументации на международном уровне и ища ее корни, важно быть в курсе текущих событий, а также учитывать культурный контекст.

Библиография

1. Баребина Н. С., Фан Ч. К вопросу о лингвокультурных особенностях восточной модели аргументации в политической экологии // Филология: научные исследования. 2023. №10. С. 15–27.
2. Борзова Е. П. Восток и Запад: сравнительный анализ культур // ТРУДЫ СПБГИК. 2010. vol. 190. С. 282–311.
3. Бузальская Е. В. Эссе: к истории становления жанра // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 36–41.
4. Вендина Т. И. Введение в языкознание: учебник для академического бакалавриата. Люберцы: Юрайт, 2020. 333 с.
5. Крушинский А. А. Логика «И Цзина» // Дедукция в древнем Китае. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. 173 с.
6. Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации: автореф. дисс. ... докт. филос. наук: 09.00.07. / Е. Н. Лисанюк. Москва, 2016. 50 с.
7. Мадалимов Т. А. Основные черты логики древнего Востока // "Science and Education" Scientific Journal. 2020. Volume 1. Issue 4. P. 236–241.
8. Ту Цзин-и. Экзаменационное эссе по китайскому языку: некоторые литературные соображения // Monomenta Serica. 1974. 31 (1): 393-406.

- URL:10.1080/02549948.1974.11731106.
9. 孔子. 论语. 江西:江西人民出版社. Конфуций. Цзянси: Народное издательство Цзянси. 2016. 725 c.
10. Defoort C. Argumentation and Persuasion in Ancient Chinese Texts –Introduction // Oriens Extremus. 2005. Vol. 45. P. 91–98. URL: <http://www.jstor.org/stable/24047642> (accessed 30.04.2024).
11. Elman B. A. Civil Examinations and Meritocracy in Late Imperial China. Cambridge: Harvard University Press. 2013. 416 p.
12. Garrett M. M. Language and Logic in China: A Guide for Argumentation Scholars // OSSA Conference Archive. 2001. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/ossaarchive> (accessed 30.04.2024).
13. Gentz J. Defining Boundaries and Relations of Textual Units: Examples from the Literary Tool-Kit of Early Chinese Argumentation // Literary Forms of Argument in Early China; J. Gentz, D. Meyer (eds.). Sinica Leidensia. 2015. Volume: 123 P. 112–157. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004299702_006
14. Plaks A. H. Beyond Parallelism: A Rethinking of Patterns of Coordination and Subordination in Chinese Expository Prose // Literary Forms of Argument in Early China; J. Gentz, D. Meyer (eds.). Sinica Leidensia, Volume: 123 P. 67–86. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004299702_004
15. Reu W. D. A Ragbag of Odds and Ends? Argument Structure and Philosophical Coherence in Zhuangzi 26 // Literary Forms of Argument in Early China; J. Gentz, D. Meyer (eds.). Sinica Leidensia. 2015. Volume: 123 P. 243–296. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004299702_010
16. Toulmin S. E. The Uses of Argument. Cambridge University Press. 2003. 262 p.
17. Wagner R. G. A Building Block of Chinese Argumentation: Initial Fu 夫 as a Phrase Status Marker // Literary Forms of Argument in Early China / J. Gentz, D. Meyer (eds.). Sinica Leidensia. 2015. Volume: 123 P. 37–66. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004299702_003
18. Willman M. D. Logic and Language in Early Chinese Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta, U. Nodelman (Eds.). Stanford University. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/chinese-logiclanguage/> (дата обращения: 27.03.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Аргументативная геометрия китайского восьмичленного эссе», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей аргументации в китайском языке, который набирает все большую популярность среди обучающихся в нашей стране. Кроме того, исследования восточной модели аргументации привлекают внимание теоретиков и практиков в современном мире, поскольку исследователи и преподаватели стремятся лучше понять межкультурные различия в аргументации, чтобы улучшить межкультурную коммуникацию и способствовать эффективному диалогу.

Статья является теоретической. Постулируемое проиллюстрировано языковыми примерами на китайском языке. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В

статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Для решения исследовательских задач в статье использовались как общенаучные методы, так лингвистические. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых представлены труды как отечественных авторов, так и китайских лингвистов. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Так, перспектива исследования видится в том, чтобы более глубоко исследовать схемы и модели аргументации, реализующиеся в разных областях лингвосоциума Китая. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста и практике китайского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Аргументативная геометрия китайского восьмичленного эссе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ляшенко Т.М. Архетипическая многофункциональность образа Бекки Хильдебрандт в романе Дж. Франзена «Перекрестки» // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70281 EDN: QDNKPQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70281

Архетипическая многофункциональность образа Бекки Хильдебрандт в романе Дж. Франзена «Перекрестки»

Ляшенко Татьяна Михайловна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных и русского языков, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА им. К.И. Скрябина

109472, Россия, г. Москва, ул. Ак. Скрябина, 23

✉ po-russki@list.ru

[Статья из рубрики "Архетип"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70281

EDN:

QDNKPQ

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2024

Аннотация: Объектом исследования является роман американского писателя Джонатана Франзена "Перекрёстки", получивший широкую известность за пределами США и переведённый на русский язык в 2022 году. В качестве объекта исследования выступает один из женских образов этого романа - образ Бекки Хильдебрандт, совмещающий в себе ряд архетипических функций: дочь по отношению к родителям Мэрион и Рассу, сестра для братьев Клема и Перри, невеста для молодого музыканта Таннера Эванса. В последних главах романа Бекки становится матерью, проходя таким образом через все женские семейные архетипические роли. Творческий метод Франзена, тяготеющего к психологическому реализму, сконцентрирован на специфике внутреннего мира персонажей, и можно утверждать, что глубокий психологизм его произведений основан на последовательном и системном осмыслиении архетипических ролей. Исследование образа героини осуществляется с позиций архетипического подхода, восходящего к трудам К.Г. Юнга. Архетипический подход раскрывает перед исследователем возможность глубже проникнуть в психологическую суть

художественного текста. Женские образы, рассматриваемые с точки зрения отражения в них архетипических черт, предстают во взаимосвязи с другими персонажами, и полоролевая специфика их функционирования становится более зримой. В современном мире, где отчётливо ощущается кризис традиционных ценностей, лучшее понимание значимости и комплементарности гендерных ролей позволяет формировать нравственные опоры, ведущие и человека, и общество в направлении психического благополучия. Архетипический анализ позволяет выявить одну из базовых установок писателя: современная женщина вынуждена играть несколько ролей сразу; смешение этих ролей, их неустойчивость неизбежно ведут к возникновению проблемных ситуаций в жизни не только самой женщины, но и всей её семьи.

Ключевые слова:

архетипический анализ, литературный образ, женский образ, архетипический образ, Джонатан Франзен, семейный роман, творческий метод, психологизм, волшебная сказка, психологический реализм

Современный американский писатель Джонатан Франзен успел приобрести известность далеко за пределами своей родины: его романы, отличающиеся глубиной и тонкостью психологических наблюдений, пользуются огромной популярностью во всём мире, в том числе и в России. Творческий интерес писателя сосредоточен в областях внутренней реальности создаваемых им персонажей, поступки и самый образ жизни которых подвергаются многостороннему осмыслению. Изображая своих современников, типичных представителей американского среднего класса, белых обитателей благополучных районов, Франзен концентрируется на тех проблемах, которые мешают его героям сохранять душевное равновесие, ощущать уверенность в своих силах, наслаждаться тёплыми отношениями с близкими. Отчего человек несчастен и подвержен деструктивным импульсам в условиях экономической и социальной стабильности? Как выходит, что он становится врагом самому себе? Эти вопросы, по-видимому, занимают Джонатана Франзена более, чем какие бы то ни было другие.

Нетрудно заметить, что в самых популярных своих романах («Поправки», «Свобода», «Безгрешность», «Перекрёстки») писатель использует смену позиции рассказчика (нarrатора) – приём, весьма популярный в русской классической литературе и дающий широкие возможности для создания психологически достоверного текста. Франзен превращает этот приём в исследовательский инструмент; герои его романов хоть и не говорят о себе от первого лица, но делятся с читателем наиболее интимными своими переживаниями, вскрывая внутреннюю логику поступков, обнажая мотивирующие импульсы. В романе «Свобода» этот способ повествования получает сюжетную обусловленность: часть произведения представляет собой автобиографию, которая была написана Патти Берглунд «по предложению психотерапевта» и в которой героиня говорит о себе исключительно в третьем лице. Такие же «автобиографии» персонажей, хотя и никак формально не обозначенные, мы обнаруживаем и в романе «Перекрёстки». Все эти «монологи от третьего лица» отличает саморазоблачительная исповедальность, предельная искренность, самообвиняющая и самооправдывающая, весьма узнаваемая каждым, кто имеет более или менее выраженную склонность к рефлексии. Романы Франзена, явно тяготеющие к психологическому реализму, становятся, таким образом, интересным объектом для психоаналитических интерпретаций и, в частности, для анализа с архетипических позиций.

Кроме того, роман «Перекрёстки», имеющий жанровые признаки семейной саги, представляет нашему вниманию особо выстроенную систему отношений между персонажами, раскрывая не только индивидуальные особенности каждого из них, но и взаимные влияния, которые способствуют формированию этих особенностей. Семья как система носит надличностный характер, и в семейном романе с наибольшей очевидностью пропускают функциональные архетипические связи в том их виде, в каком они существуют в сознании автора. В отношении произведений Франзена будет, пожалуй, справедливым утверждение, что именно задачей последовательного и системного осмыслиения архетипических ролей определяются творческие методы писателя в целом.

Уже отмечалось в ряде работ [1], что в семейном романе обнаруживается немало общего с волшебной сказкой. Исходное для сказочного героя состояние часто содержит описание семейной ситуации; завязка действия нередко осуществляется с участием представителей старшего поколения, которые активно или пассивно способствуют тому, что стазис разрушается и герой (героиня) оказывается оторванным от привычной среды – в волшебном мире, в тёмном лесу, в чужом жилище. В основе сюжета семейной саги также обычно лежит мотив становления личности молодого человека, покидающего родной дом в физическом или метафорическом смысле, стремящегося утвердить себя в мире чужих ему людей, и семейные связи играют на этом пути направляющую и даже в каком-то смысле программирующую роль. Архетипический подход, предполагающий анализ функционирования персонажа во взаимодействии с другими персонажами, позволяет обнаружить в семейном романе древнейшие образы коллективного бессознательного, которые являются по сути универсальными.

Действие в романе «Перекрёстки» происходит в 70-е годы XX века. Один из центральных женских персонажей – старшеклассница Бекки Хильдебрандт, чей образ совмещает в себе ряд архетипических функций: дочь по отношению к родителям Мэрион и Рассу, сестра для братьев Клема и Перри, невеста для молодого музыканта Таннера Эванса. В последних главах романа она становится матерью, проходя таким образом через все женские семейные архетипические роли. Её влияние на героев-мужчин так же велико, как и влияние её матери: писатель наделяет Бекки поистине сверхчеловеческими возможностями, способностью «делать удивительные дела» [2, с. 383]. Эту способность Бекки осознаёт в себе тогда, когда с очевидностью приобретает статус архетипической невесты – после того, как Таннер окончательно расстаётся со своей бывшей девушкой.

Физическая привлекательность Бекки делает её популярной в школьной среде: «В Нью-Проспекте слова «Бекки Хильдебрандт» действовали в прямом смысле как волшебное заклинание» [2, с. 38] (в оригинале – «words were *magical*») [3, с. 27]. События романа развиваются в период, когда Бекки проходит этап возрастной трансформации: у неё начинаются первые серьёзные отношения с молодым человеком; проснувшись утром, она ощущает внутренние изменения – теперь она «a woman a man had kissed» («женщина, которую целовали») [2, с. 57].

Разумеется, Бекки, как волшебное существо, подобное сказочной царевне, не может сделать своим избранником рядового мужчину; человек, который достоин её поцелуя, должен быть исключительным, подлинным героем. Молодой человек, в которого влюблена Бекки, Таннер Эванс – «a nice person, from a nice family, but he was also a gifted musician and the *coolest guy*» («хороший парень из хорошей семьи, а ещё одарённый музыкант и самый клёвый парень») [3, с. 61]. Влюблённость Бекки в Таннера своей исходной точкой имеет «подтверждение статуса» – «*crowning confirmation of her*

status» [\[3, с. 66\]](#), фактически возможность «коронации», превращения из царевны в царицу: «Это был расчёт, но вскоре подоспели и чувства» [\[2, с. 88\]](#).

Чувства героини усиливаются имеющимися препятствиями: Таннер встречается с другой девушки. Бекки прилагает усилия, чтобы быть ближе к своему герою: по воскресеньям он посещает церковь – она тоже начинает туда ходить. Желание преуспеть в любви неожиданно открывает для Бекки духовную сторону жизни; говоря с позиций архетипического анализа, она приобретает способность вступать в контакт с высшими силами, которым приносит «любовную клятву» [\[2, с. 351\]](#). Женщина для Франзена стоит гораздо ближе к сверхъестественному, чем мужчина, и подобные отношения для неё более чем возможны. Точно так же, как и Бекки, в контакте с трансцендентным способна пребывать её мать [\[4, с. 49\]](#). Буквально в тот же день при непосредственном участии героини свершаются «удивительные дела»: Таннер и его девушка расстаются, он признаётся Бекки в любви, и на концерт приходит агент, который готов организовать музыкальной группе Эванса концертный тур.

Таннер обладает особой притягательностью в глазах Бекки ещё и потому, что связан приятельскими отношениями с её старшим братом Клемом. Клем для героини долгое время оставался самым значимым человеком в семье, ему она доверяла больше других. Автор говорит о Бекки и Клеме как о «паре» («unit»), связь в которой несколько выходит из сферы братско-сестринской дружбы в область «запретного» («*forbidden*» – слово, повторяемое пять раз в одном абзаце, повествующем об их взаимоотношениях в подростковом возрасте) [\[3, с. 52\]](#). Однако брат уезжает учиться в колледж, где у него появляется девушка Шэрон, и такое, в целом совершенно естественное, развитие событий вызывает у сестры чувство ревности: «Бекки бы порадовалась за брата, она же расстроилась, словно её обошли» [\[2, с. 59\]](#). «Неуместная неприязнь», «неуместность» (прилагательное «*inappropriate*» и существительное «*inappropriateness*» употреблены в соседних предложениях) [\[3, с. 78\]](#) проявляются в отношениях брата и сестры даже тогда, когда Бекки уже начинает интересоваться Таннером.

В соревновании с девушкой Клема Бекки явно выигрывает. Испытав смущение («*discomfort*») при виде повзрослевшей сестры, в которой он замечает «совсем взрослую женщину» («*fully grown woman*»), Клем задумывается о чувствах к Шэрон и приходит к выводу об их отсутствии. Он представляет двух девушек рядом, воображает совместное будущее с Шэрон и «желеет, что он сейчас не с Бекки» («*wishing he could be wherever Becky was instead*») [\[3, с. 108\]](#). Разрыв с Шэрон драматичен, и писатель недвусмысленно показывает, что этой драмы могло и не быть, если бы в сознании Клема не возникла конкуренция между влюблённой в него девушкой и сестрой: «Клем видел, что сердце его по-прежнему принадлежит Бекки, что именно поэтому он расстался с Шэрон» [\[2, с. 640\]](#).

Позже Клем настраивает против себя сестру, нелестно высказываясь о личностных качествах её избранника, называя его «*passive*» (в русском переводе – «мямля»). Её реакция на эти слова («*sensation of hating*», «*it was like love ripped brutally inside out*») напоминает реакцию обманутой любовницы: «You've got your amazing life-changing sex-loving girlfriend (У тебя же теперь есть твоя удивительная подруга, которая любит секс и которая изменила твою жизнь)» [\[3, с. 320\]](#). Но мнение брата оказывается пророческим: связав свою судьбу с Таннером, человеком, чьи достоинства по сути не были такими уж исключительными, Бекки мистическим образом утрачивает надежды на успех в будущем;

стечение обстоятельств вынуждает её отказаться от наследства и, как следствие, от поступления в престижный частный колледж, а внезапная беременность превращает из перспективной девушки, бывшей «королевы класса», в провинциальную домохозяйку. Таким образом, мы можем наблюдать, как взаимное влечение брата и сестры, попытка обрести в лице жениха «альтернативного брата» взамен утраченного, то есть смешение архетипических ролей сестры и невесты, приводят к непредсказуемым и не самым позитивным последствиям. В финале романа становится понятно, что Таннер не реализовался как музыкант, он работает в магазине музыкальных инструментов, у них «того с деньгами» («*money is tight*»), и несмотря на то, что Бекки упрямо называет своего мужа «лучшим», а себя «счастливой», это не то, к чему они оба стремились.

Что касается пророчеств, то и сама Бекки владеет подобным даром. В её отношениях с младшим братом Перри сквозит взаимная неприязнь, и в минуту откровенности сестра заявляет: «Я не считаю тебя хорошим человеком» [\[2, с. 48\]](#). Бекки лучше других членов семьи осведомлена о том, что Перри употребляет алкоголь и наркотики, она обвиняет брата в том, что он умело и эгоистично манипулирует окружающими. Всё, что она говорит о брате в первой части романа, впоследствии обретает свойство реальности: Перри в наркотическом опьянении совершает ряд противоправных действий, в которые невольно вовлекаются его близкие и друзья.

Надо заметить, что отчасти преступлениям младшего брата способствуют поступки самой Бекки: она отдаёт ему часть полученного ею наследства, и именно на эти деньги Перри приобретает наркотические вещества, а затем крадёт и средства, выделенные старшему брату. Слова сестры точно отражают самооценку Перри, которая колеблется от крайнего самоуничтожения («она ненавидит его..., поскольку он дрянь, эгоистичный червь», «он плохой человек») до мании величия, и некоторым образом программируют (а не только предсказывают) дальнейшие события, так как Перри, чувствуя себя «плохим», намеревается реализовать свои негативные качества в полной мере. Деяния брата оставляют без средств всю семью; Бекки вынуждена отдать родителям сохранившуюся у неё долю наследства, то есть она тоже страдает от последствий своих «волшебных слов». Франзен изображает семью как систему, в которой слова и действия одного из членов так или иначе влияют на всех остальных, причём женщине приписывается гораздо более важная и ответственная роль. В этой системе женщина – волшебница, она через своё внутреннее состояние и отношение способна создать условия как для благополучного развития, так и для полного краха, который задевает и её саму.

В качестве дочери Бекки Хильдебрандт также демонстрирует смешанные архетипические черты. Она «любимица» («*favorite childe*») отца, который относится к ней «с уважением, как к взрослой», но сама Бекки считает их отношения «фальшивой близостью» («*the charade closeness*»). Окружающие замечают, что отец ревнует дочь к Клему («Они вздорили только из-за религии и из-за Бекки», «старик силился развести Бекки и Клема»), то есть и здесь происходит наложение одной архетипической роли на другую. На юную Бекки возложена большая ответственность за сохранение супружеской связи между родителями. Когда она отправляется гулять с отцом, то делает это не просто так и не ради удовольствия; как ревниво подмечает Клем, «маме нравится, что ты ходишь с папой гулять, потому что с тобой он не сбежит» [\[3, с. 65\]](#).

Как результат, закономерный процесс сепарации проходит для Бекки болезненно, тяжёлая обида на родителей, которые вынудили её отказаться от денег, завещанных тётей, приводит к разрыву отношений, и даже рождение собственной дочери не смягчает сердца героини. Она нарочито избегает отца и мать, избегает Клема, отрекается от

Перри, и хотя со стороны может казаться, что она «стала ещё сильнее» («she'd become dominating force») [\[3, с. 580\]](#), но всё же это деструктивная линия поведения, которая, несомненно, отражается уже на новой семейной системе, на новорождённом ребёнке.

Функционирование Бекки в качестве матери описано в романе лишь несколькими чертами. Клем узнаёт, что сестра изолирует свою дочь от Мэрион и Расса, не позволяет матери даже подержать внучку, хотя охотно доверяет малышку своим подругам и случайным прихожанкам церкви. При встрече Клем тоже получает возможность взять девочку на руки, при этом «улыбающаяся Бекки не сводила глаз с дочки, словно напоминая, с кем ей лучше» [\[2, с. 647\]](#). Улыбка становится для Бекки формой защитной реакции: она улыбается, когда отказывается от приглашений матери, улыбается при встрече с Клемом после долгой разлуки («her smile was perhaps more incredulous than joyful» – «улыбка скорее недоверчивая, чем радостная») [\[3, с. 577\]](#). При этом за улыбкой Клем чувствует «деланое равнодушие» («expression of not caring»), то есть затаённую обиду.

Завершение истории Бекки по сути похоже на финал волшебной сказки: герои поженились, стали жить-поживать и добра наживать. Однако автор, по-видимому, предостерегает читателя от чрезмерного оптимизма: ведь не случайно же Бекки и Таннера сочетает браком главный антагонист её отца-священнослужителя. Иначе говоря, противоречия не устранены, они будут перенесены в будущее и отразятся на судьбах последующих поколений – на тех, кто родился в относительно стабильные семидесятые и позднее. В романе, таким образом, можно усмотреть попытку психологического анализа поколенческих проблем белых жителей благополучных американских пригородов, правдивое и вместе с тем деликатное описание истоков этих проблем. Франзен если и предлагает читателю финал, подобный сказочному, то делает это с серьёзной оговоркой: современные сказки не заканчиваются без последствий, неразрешённые конфликты имеют пролонгированное действие, втягивая в зону своего деструктивного влияния всё более широкий круг лиц и формируя в конце концов нездоровую социальную реальность.

Итак, образ Бекки, как и другие женские образы романов Джонатана Франзена, многофункционален, причём эта многофункциональность переходит в смешение архетипических ролей. Франзену свойственно видеть в женщине сверхвлияльное существо, способное роковым образом подействовать на мужское внутреннее состояние и судьбу в целом. Женщина, будь она мать, сестра, невеста или даже дочь, через своё отношение к мужчине создаёт условия для его благополучия, поэтому именно женские образы в произведениях Франзена выступают в качестве главной движущей силы развития действия. Сюжетная линия «Бекки – Клем» наиболее показательна в этом смысле; она с очевидностью демонстрирует, как «неуместные» отношения в семье накладывают отпечаток на особенности организации значимых личных контактов, а линия «Бекки – Таннер» отражает идею о том, что выбор, сделанный по ложным основаниям, негативно сказывается и на том, кто выбирает, и на том, кого выбрали.

Нетрудно заметить, что писателя беспокоит наложение женских архетипических ролей друг на друга, в его картине мира это явление представляется явно нездоровым, негативно отражающимся на семье. Красавица-Бекки, воспринимаемая как невеста своим отцом и братом, не только сама становится заложницей этой неоднозначной роли, но и распространяет деструктивные импульсы по всей семейной системе. Важно понимать также, что Франзен, ориентируясь на нормы психологического реализма, избегает обвинительной позиции по отношению к своим персонажам. На юной Бекки не

лежит никакой вины; обстоятельства и специфика семейных отношений сформировали её характер, выработали особенности мировосприятия, что и стало основой судьбы героини.

Архетипический подход, восходящий к трудам К.Г. Юнга [8]; [9]; [10], раскрывает перед исследователем возможность глубже проникнуть в психологическую суть художественного текста. Женские образы, рассматриваемые с точки зрения отражения в них архетипических черт, предстают во взаимосвязи с другими персонажами, и полоролевая специфика их функционирования становится более зримой. В современном мире, где отчётливо ощущается кризис традиционных ценностей, лучшее понимание значимости и комплементарности гендерных ролей позволяет формировать нравственные опоры, ведущие и человека, и общество в направлении психического благополучия.

Библиография

1. Ляшенко Т.М. Классификация женских архетипических образов в художественном тексте // Филология: научные исследования. 2022. №2. С. 54-65.
2. Франзен Дж. Перекрестки: роман. Москва: Издательство ACT: CORPUS, 2022. 656 с.
3. Franzen J. Crossroads. London, 4th Estate, 2021. 580 р.
4. Ляшенко Т.М. Архетипический подход как метод анализа женского образа в литературном тексте (на примере образа Мэрион в романе Дж. Франзена «Перекрёстки») // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. №2-3, 2023. С. 42-50.
5. Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI – XX веков (архетипы русской культуры). Москва: ИНФРА-М; Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. 259 с.
6. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 256 с.
7. Chetwynd T. A Dictionary for Dreamers. Routledge, 2019. 258 р.
8. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва: ACT, 2019. 224 с.
9. Юнг К.Г. Об архетипах бессознательного // Вопросы философии. Москва: Наука, 1988. №1. С. 132-152.
10. Юнг К. Г. Человек и его символы. Санкт-Петербург: Б.С.К., 1996. 454 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Архетипическая многофункциональность образа Бекки Хильдебрандт в романе Дж. Франзена «Перекрестки», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей творчества современного американского писателя Джонатана Франзена. В статье автор обращается к образу героя в романе «Перекрёстки», действие которого происходит в 70-е годы XX века.

Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно

статья состоит из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы.

Отметим, что в вводной части слишком скучно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Кроме того, заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается в том числе к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору материала и его анализу.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены как отечественные, так и зарубежные труды. Так, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов, а также интересующимся современной американской литературой. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья «Архетипическая многофункциональность образа Бекки Хильдебрандт в романе Дж. Франзена «Перекрестки» рекомендована к публикации в журнале из перечня ВАК.

Англоязычные метаданные

Symbolic images in V.G. Korolenko's short story "In bad society" and their interpretation in the film of K.G. Muratova

Il'chenko Natal'ya Mikhailovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Kozma Mnin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

603002, Russia, g. Nizhni Novgorod, ul. Ul'yanova, 1, kab. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Il'chenko Natal'ya Mikhailovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Kozma Mnin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

603002, Russia, g. Nizhni Novgorod, ul. Ul'yanova, 1, kab. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Sovina Natalia Konstantinovna

Graduate student of the Department of Russian and Foreign Philology of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Mnin

603002, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1.

✉ ilchenko2005@mail.ru

Sovina Natalia Konstantinovna

Graduate student of the Department of Russian and Foreign Philology of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Mnin

603002, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1.

✉ ilchenko2005@mail.ru

Abstract. The actuality of the research is connected with the problem of "translation" of a classical literature piece by a director-interpreter. The subject of the study is the story by V. G. Korolenko "In a Bad Society" (1885) and its film adaptation by K. G. Muratova – "Among the Gray Stones" (1983). It is demonstrated that on the basis of the story and symbolic images of V.G. Korolenko – the garden, the apple, the flowers, the portarait, the birds and others, K.G. Muratova provides them with additional characteristics, concordant with the new cultural context. The portrait of the mother performs a plot-forming function in the film, and flowers are the main symbol associated with Marusya. K. G. Muratova uses symbols of animal masks - tiger, lion, wolf, with their help Vasya tries to build relationships with others.

In the analysis a complex literature study approach is applied that combines historical and cultiral, biographical, comparative-typological methods that make it possible to determine the specific implementation of symbolic imagery in "texts" of various kinds.

The substantive dominants of a classic work of Russian literature of the XIX th century are clarified and supplemented in the metalanguage of Russian cinema. The film uses Pushkin's tales ('The tale of the dead princess and seven knights, 'Winter evening'), fairy story of birds, symbolism of colors as specifying elements of cinematic speech. The language of a film is made more complicated with the introduction of musical accompaniment, sound symbols

(sound of steps, dripping water and others).

The analysis of the “new reading” of symbolic images of V.G. Korolenko's short story “In bad society” in the film “Among the grey rocks” by K.G. Muratova reveals the hidden meanings of a classical piece of Russian literature.

Keywords: film, space, poetics, flower, short story, image, motif, plot, symbol, interpretation

References (transliterated)

1. Chukovskii K. I. Vladimir Korolenko kak khudozhnik // Chukovskii K. I. Sochineniya: v 2-kh tt. M.: Pravda, 1990. T. 2. S. 180-197.
2. Temaeva Kh. N. Osobennosti sinteticheskoi prozy V. G. Korolenko // Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 4 (16). S. 121-124.
3. Korolenko V. G. O naznachenii literatury // Korolenko V. G. Vospominaniya. Stat'i. Pis'ma / Sost., vstup. st. i primech. S. I. Timinoi. M.: Sov. Rossiya, 1988. S. 294-297.
4. Korolenko V. G. V durnom obshchestve // Korolenko V. G. Sobranie sochinenii: v 6-ti tt. M.: Biblioteka «Ogonek». Izdatel'stvo «Pravda», 1971. T. 2. S.5-65.
5. Gersova L. Rezhisser Ivan Sidorov: «Kira Muratova sredi serykh kamnei // Teatral'nyi zhurnal «OKOLO». 2017. №4. URL: <https://journal-okolo.ru/rezhisser-ivan-sidorov-kira-muratova-sredi-seryih-kamney> (data obrashcheniya: 8.01.2024).
6. Yampol'skii M. Muratova. Opyt kinoantropologii. SPb: Seans, 2015. 544 s.
7. Tresidder D. Slovar' simvolov / Perevod s angl. S. Pal'ko. M.: FAIR-PRESS, 1999. 448 s.
8. Sredi serykh kamnei: khudozhestvennyi fil'm / rezhisser K. Muratova; v rolyakh: I. Sharapov, O. Shlapak, R. Levchenko, S. Popov, S. Govorukhin. Odessa: Odesskaya kinostudiya, 1983. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vRPaKt1UUq0> (data obrashcheniya: 12.01.2024)
9. Lavrova S. A. Tsarstvo Flory. Tsvety i derev'ya v legendakh i mifakh. M.: Belyi gorod, 2009. 351 s.
10. Kirlo Kh. Slovar' simvolov. 1000 statei o vazhneishikh ponyatiyakh religii, literatury, arkitektury, istorii / Perevod s angl. F.S Kapitsy, T.N. Kolyadich. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2007. 525 s.
11. Kozlova O., Shekhter S. Iskusstvo i flora. Ot akanta do yabloni. M.: Slovo / Slovo, 2022. 320 s.
12. Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. 512 s.
13. Pushkin A. S. Skazka o mertvoi tsarevne i o semi bogatyryakh // Pushkin A.S. Sobranie sochinenii: v 10-ti tt. M.: Pravde, 1981. T. III. S. 326-339.
14. Baeshko L. S, Gordienko A. N., Gordienko A. N. Entsiklopediya simvolov / Pod redaktsiei O.V. Perzashkevicha. M.: EKSMO, 2007. 304 s.
15. Pushkin A. S. Zimnii vecher // Pushkin A. S. Sobranie sochinenii: v 10-ti tt. M.: Pravde, 1981. T. II. S. 62-63.

Translations of portrait characteristics of the heroes of V.G. Korolenko's Siberian short stories into the Yakut language

Postgraduate student, Department of Yakut Literature, Maxim Kirovich Ammosov Northeastern Federal University

42 Kulakovskiy str., Yakutsk, 677000, Russia

✉ fiayalex11@yandex.ru

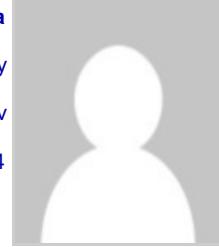
Basharina Zoya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Yakut Literature, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

677021, Russia, Yakutsk, Ostrovskiy str., 10/1, 54

✉ zbasharina@mail.ru

Abstract. The object of the study is the Siberian stories of V.G. Korolenko. The subject of the study is the portrait characteristics of the heroes of V.G. Korolenko's Siberian short stories. The material for the study was the portrait characteristics of the heroes of V.G. Korolenko's Siberian short stories translated by N.E. Mordinov-Amma Achchygyya. His stories are rich material for research, since in them the portrait characteristics of the characters are presented very figuratively, using various expressive means (metaphors, comparisons, personifications, metonymies, hyperboles). The short stories "Makar's Dream", "Marusina Zaimka", "At-Davan" from the Yakut cycle of Siberian short stories were chosen for the study. The theoretical basis for the research is the works of G.N. Pospelov, A.B. Esin, L.S. Kulik, O.I. Ivanova, K.I. Platonova, I.S. Yemelyanov and others. The purpose of this work is to identify the features of the translation of portrait characteristics in the translation of Korolenko's literary texts from Russian into Yakut. The purpose of the work identified the following tasks: 1) to analyze the concept of "portrait characteristics"; 2) to make a solid selection of portrait characteristics from Siberian stories; 3) to consider the features of the translation of portrait characteristics when translated into the Yakut language. Descriptive and comparative methods were used to solve the research tasks. The material was collected using a continuous sampling method. The relevance of this study is due to the lack of scientific works in Yakut literary studies on the comprehensive study of portrait characteristics when translated into the Yakut language. The scientific novelty of the work lies in the fact that in modern literary criticism, the transfer of portrait characteristics in the translation of literary texts remains still unexplored. The theoretical significance of the study lies in the fact that it reveals for the first time the features of portrait characteristics when translated into the Yakut language. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results in the analysis of other similar works and their translations. Also, the research materials can be used in universities of the humanities in the creation of textbooks, textbooks on translation practice for students of the philological department.

Keywords: metaphor, russian language, yakut language, Siberian stories, portrait characteristic, yakut literature, russian literature, epithet, comparison, personification

References (transliterated)

1. Bashkatova, Yu. A. Lingvisticheskie osobennosti opisanii portreta v intertekstual'nom aspekte (na materiale angliiskoi literatury XVIII- XX vekov): Dis. ... kand. filol. nauk / Yu. A. Bashkatova. – Kemerovo, 2003.
2. Basharina Z.K. Aktual'nye problemy literaturnogo protsessa Yakutii v XXI veke:

- uchebnoe posobie. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2020. – 220 s.
3. Basharina Z.K. Vzaimodeistvie russkoi i yakutskoi literatur v XX veke (istoriya i problemy vzaimosvyazei): monografiya. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2013. – 280 s.
 4. Boeskorov G.K. Masterstvo N.E. Mordinova. Yakutsk. kn. izd-vo, 1973. – 240 s.
 5. Vvedenie v literaturovedenie: Ucheb. dlya filol. spets. un-tov / G.N. Pospelov, P.A. Nikolaev, I.F. Volkov i dr.; Pod red. G.N. Pospelova. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Vyssh. shk., 1998. – 528 s.
 6. Dmitrievskaya, L. N. Peizazh i portret: problema opredeleniya i literaturnogo analiza (peizazh i portret v tvorchestve Z. N. Gippius) / L. N. Dmitrievskaya. – Yaroslavl': OOO «Litera», 2005.
 7. Esin A.B. Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebnoe posobie. M.: Flinta, 2017. – 248 s.
 8. Ivanova O.I. Vliyanie yakutskoi deistvitel'nosti na evolyutsiyu konstantnykh motivov v tvorchestve V.G. Korolenko: monografiya / O.I. Ivanova. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2013. – 144 s.
 9. Korolenko V.G. Povesti i rasskazy. M., «Khudozh. lit.», 1978. – 366 s.
 10. Korolenko V.G. Sakha sirin tuhunan / V. G. Korolenko; [Nikolai uonna Avksentii Mordinovtar tylb.]. Yakutskai: Sakha sirineej kinige izd-vata, 1954. – 362 s.
 11. Kulik L.S. Sibirskie rasskazy V.G. Korolenko. Kiev, 1961. – 60 s.
 12. Chakovskii A., Anri Barbyus. Literaturnyi portret.

Quasi-synonyms of the ophthalmological terminological system: towards the formulation of the problem

Kripak Anna Valentinovna

Postgraduate student, Buryat State University n.a. Dorzh Banzarov (Ulan-Ude)

664003, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, 4th Sovetskaya str., 102, sq. 46

 anna_kripak@mail.ru

Abstract. Ophthalmic terminology is a part of the medical terminology system. The medical terminological system has been studied in sufficient detail, however, to date, questions remain open regarding the synonymy of linguistic units within the ophthalmological terminological system. The purpose of the study is to consider the problem of relations within the ophthalmological terminological system and to prove the existence of a triple series of terms – quasi-synonyms. The object of the study is ophthalmological terminology, the thematic group is "ophthalmological diseases". The relevance of this work is due to the fact that ophthalmological terms with semantic similarity that can both replace each other and function in parallel in speech have not yet been sufficiently studied, in addition, it is necessary to establish what type of synonymy exists between these terms. The method of linguistic experiment used in the work makes it possible to achieve the purpose of the study. The study included 2,535 ophthalmological terms, of which 51 were names of ophthalmological diseases. An experiment was conducted to obtain evidence of the existence of different types of ophthalmic terms. The experiment involved ophthalmologists, nursing staff, patients of the ophthalmological center of Irkutsk (324 people – medical staff, 324 patients). The main conclusion of the study is that there are synonymous relations between terms within the ophthalmological terminological system. The conducted experiment allows us to talk about the existence of a triple set of terms, which confirmed the hypothesis about the functioning, in addition to the generally accepted terminology and professional jargonisms, of "folk"

terminology (70% of the total number of terms included in the study). All terms of the triple series, being quasi-synonyms, have semantic similarity, but are not identical, relations of inclusion and intersection arise between them, they exist in the language in parallel. In the future, it is necessary to consider quasi-synonyms of other thematic groups of the ophthalmological terminological system in order to better understand the specifics of their use and the source of their occurrence, as well as whether they can become absolute synonyms and under what conditions.

Keywords: synonyms, folk terms, professionalism-jargonisms, generally excepted terms, ophthalmological terminology system, medical terminology system, quasi-synonyms, semantic similarity, linguistic experiment, language doublets

References (transliterated)

1. Lukyanova T. V., Madzhaeva S. I. Spetsial'nyi slovar' – istochnik izucheniya terminologii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheski nauki. 2016. № 1 (383). S. 117-121.
2. Kiseleva L. A. Terminosistema oblasti meditsiny «Akusherstvo» // Vestnik KalmGU. 2017. № 33 (1). S. 76-80.
3. Temirova D. B. Ponyatiino-tematicheskaya klassifikatsiya terminov predmetnoi oblasti «Kosmetologiya» (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) // Vestnik AGU. 2016. № 1 (172). S. 78-83.
4. Glinskaya N. P., Cherezova T. L. Sovremennaya meditsinskaya terminologiya v svete globalizatsii // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser.19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2019. № 3. S. 28-32.
5. Vavilova K. Yu. Obrazovanie oftal'mologicheskikh terminov v angliiskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 12. S. 231-235.
6. Khantakova V. M., Shvetsova S. V. O statuse eponimnykh edinits v angliiskoi oftal'mologicheskoi terminologii // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 1 (22). S. 74-78.
7. Kagarmanova L. F., Abdullina G. R., Abutalipova R. A., Dzhelyalov M. Z. Oftal'mologicheskaya leksika v bashkirskom yazyke (na primere proizvedenii Mustaya Karima) // Vestnik Bashkirskogo un-ta. 2020. № 4. S. 933-937.
8. Boldina A. S., Sheveleva G. I. Lingvisticheskii analiz slovoobrazovatel'nykh modelei v nemetskoi oftal'mologicheskoi terminosisteme i sposoby ikh perevoda na russkii yazyk // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2019. № 6-3. S. 65-69.
9. Leffler C. T., Schwartz S. G., Stackhouse R. Evolution and impact of eye and vision terms in written English // JAMA Ophthalmol. 2013. № 131 (12). P. 1625-1631.
10. Daminique R. Eye Representation and Ocular Terminology from Antiquity to Helmholtz. Bonn: Wayenborgh publishing, 2020. 562 p.
11. Myles W. M. Ophthalmic etymology // Surv Ophthalmol. 1993. № 37 (4). P. 306-309.
12. Baethge C. The languages of medicine // Dtsch Arztebl Int. 2008. № 105 (3). P. 37-40.
13. Chernyavskii M. N. Kratkii ocherk istorii i problem uporyadocheniya meditsinskoi terminologii. Entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov: v 3 t. / pod red. B. V. Petrovskogo. M.: Sov. entsiklopediya, 1984. T. 3. S. 411-425.
14. Slozhenikina Yu. V., Zvyagintsev V. S. Iz istorii uporyadocheniya russkoi meditsinskoi terminologii // Yazyk i kul'tura. 2017. № 38. S. 94-104.

15. Khusnutdinov A. Kh. Anglo-russkii, russko-angliiskii oftal'mologicheskii slovar'. Ufa: INESh, 2022. 564 s.
16. Fitch T., Gut I., Kordonets' I. i dr. Oftal'mologicheskii slovar'. L'vov: Izd-vo Kvart, 2006. 156 s.
17. Lewis J. J. Pocket ophthalmic dictionary, including pronunciation, derivation and definition of the words used in optometry and ophthalmology. Chicago, 1916. 286 p.
18. Ulumbekov E. G. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov. M.: GEOTAR-MEDIA, 2012. 2242 s.
19. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Nazran': Pilgrim, 2005. 376 s.

Problems of alcohol consumption in the oral and written literary tradition of the Yakuts (late 19th – early 20th centuries)

Semenova Valentina Grigorevna

Doctor of Philology

Associate professor, Department of Yakut Literature, Ammosov North-Eastern Federal University

42 Kulakovskiy str., Yakutsk, Republic of Yakutia, 677013, Russia

✉ semenova_ykt@mail.ru

Efimova Lyudmila Stepanovna

Doctor of Philology

Associate Professor, Department of Cultural Studies, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 226

✉ ludmilaxoco@mail.ru

Basharina Zoya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Yakut Literature, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 235

✉ zbacharina@mail.ru

Abstract. The research subject of this article is the texts of folklore and literary works of the late 19th to the early 20th centuries, dedicated to the issue of alcohol consumption. The research was conducted using historical-cultural and comparative-historical methods. The scientific novelty of the work lies in the authors' attempt to comprehensively study the problem of alcohol in folklore and written literary works of the pre-revolutionary period. The study examines the initial instances of critical understanding of alcohol consumption in Yakut society, as expressed in oral and written literary traditions of the people. In their analysis of the texts, the authors explored previously undiscovered archival documents. They conclude that, starting from the late 19th century, "songs about vodka" emerged in Yakut folklore, addressing the issues of alcohol consumption and explaining the harmful effects of alcoholic beverages to the population. The article acknowledges the contribution of folk singers who, alongside intelligentsia, initiated efforts the combat excessive drinking in Yakutia. In the 1910s, A.E. Kulakovskiy, the founder of Yakut literature, authored two works addressing the problem of alcoholism. These were the first works in Yakut literature presented in the form of literary genres: a short poem and a narrative poem with a clearly expressed and developing

plot, and a well-balanced composition. While folk singers raised awareness of the issue of drinking in their songs and portrayed its harmful effects on individuals, Kulakovskiy, recognizing alcoholism as a potential national threat, vividely illustrated the potential consequences of alcohol addiction and its destructive impact on people's lives. A.E. Kulakovskiy, as an educator, public figure, and spiritual leader of the nation, endeavored through his creative work to caution his people against excessive alcohol consumption.

Keywords: appeal to the people, Orosin, folk singers, oral literature, written literature, Kulakovskiy, alcoholism, the problem of excessive drinking, Yakut folklore, oral tradition

References (transliterated)

1. Seroshevskii V. L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. – 2-e izd. – M.: ROOSPEN, 1993. – 736 s.
2. Pavlova A. I. Molochnaya produktivnost' kobyl yakutskoi porody i tekhnologiya proizvodstva zamorozhennogo kobyl'ego moloka. Avtoref. diss... kand. sel'skokhozyaistvennykh nauk. – Yakutsk, 2004. – 20 s.
3. Nikolaev A. V. Bor'ba s p'yanstvom i alkogolizmom v 1894-1932 gg.: opyt otechestvennoi istorii. Avtoref. diss... kand. istoricheskikh nauk. – 2002. – 21 s.
4. Popov I. E. Vinnaya monopoliya v Yakutskoi oblasti / V doline skorbi: (Rasskazy i zamechki iz zhizni yakutov). Ch. I. – Yakutsk: Obl. Tip., 1914. – S. 14-15.
5. Mestnikov V. G. Arygy buortuta = Vred vodki // Sakha sañata. – 1912. – № 4. – S. 29-32.
6. Matveeva N. P. Rasprostranennost', faktory risika i klinicheskaya dinamika alkogolizma i alkogol'nykh psikhozov sredi korennoi naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya) (etnokul'turnyi, reabilitatsionnyi aspekty). Avtoref. diss... kand. meditsinskikh nauk. – Tomsk, 2010. – 24 s.
7. Alekseeva S. N. Osobennosti sostoyaniya zdorov'ya i mikroelementnogo statusa novorozhdennykh, rodivshikhsya u materei, upotrebiayushchikh alkogol' (na primere g. Yakutska). Avtoref. diss... kand. meditsinskikh nauk. – Yakutsk, 2011. – 21 s.
8. Sofronova G. I. Klinicheskie i eticheskie osobennosti techeniya fetal'nogo alkogol'nogo sindroma u detei v Respublike Sakha (Yakutiya). Avtoref. diss... kand. meditsinskikh nauk. – SPb, 2013. – 27 s.
9. Bessonova O. G. Nauchnoe obosnovanie sovershenstvovaniya organizatsionnykh meropriyatiy po snizheniyu alkogol'-atributivnoi smertnosti v Respublike Sakha (Yakutiya). Avtoref. diss... kand. meditsinskikh nauk. – M., 2022. – 25 s.
10. Arygy yryata = Pesnya vodki [bez avtora] // Zhivaya starina. Vypusk 1. Otdel II. – 1890. – S. 30-33.
11. Sakha narodnai yryalara = Yakutskie narodnye pesni. Chast' II. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1977. – 422 s.
12. Ergis G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. – Yakutsk: Bichik, 2008. – 400 s.
13. Selivanov F. M. Sravnenie v bylinakh // Fol'klor kak iskusstvo slova. Vypusk 3. Khudozhestvennye sredstva russkogo narodnogo poeticheskogo tvorchestva. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1975. – S. 107-127.
14. Arygy yryata = Pesnya vodki [bez avtora] / Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN, f.99, op.2, d.3, ll. 19-20.
15. Orosin K. G. Arygy yryata = Pesnya o vodke / Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN, f.99, op.2, d.3, ll. 17-19.

16. Semenova V. G. Izustnaya literatura kak osobaya forma tvorchestva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – №12 (Ch. 4). – S. 48-51.
17. Aata Suokh. Burduk uuta Boiun Bukhatyyr = Muchnovodnyi bogatyr' Voin // Golos yakuta. – 1913. – №2. – S. 32-33.
18. Kulakovskii A. E. Yakutskoi intelligentsii. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1992. – 78 s.
19. Kulakovskii A. E. Itirik bursui yryata = Bakhval'stvo p'yanogo bogacha // Polnoe sobranie sochinenii: v 9 t. T. 1: Poeticheskie proizvedeniya. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – S. 264-268.
20. Khalizhev V. E. Teoriya literatury: uchebnik. – Moskva: Vysshaya shkola, 1999. – 398 s.
21. Timofeev L. I., Turaev S. V. Slovar' literaturovedcheskikh terminov. – M.: Prosveshchenie, 1974. – 512 s.
22. Volkov I. F. Teoriya literatury: uchebnoe posobie dlya studentov i prepodavatelei. – M.: Prosveshchenie; Vlados, 1995. – 256 s.
23. Kulakovskii A. E. Arygy = Oboroten' // Polnoe sobranie sochinenii: v 9 t. T. 1: Poeticheskie proizvedeniya. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – S. 298-308.

Infinitive as a verb form of the German language

Dolgopolova Liliya Anatol'evna

Doctor of Philology

Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295044, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bastionnaya str., 41, of. –

✉ lilian2000@mail.ru

Mustafaeva Alie Hairedinovna

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295015, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, lane Educational, 8, of. –

✉ alie_mail@mail.ru

Abstract. The object of the study is the infinitive of the German language, and the subject is its semantic, structural and functional characteristics, which make it possible to interpret it as a verb form. The authors consider in detail such aspects as the specificity of the infinitive expression of the verbal categorical meaning, which brings it closer to the noun; structural division and microsystem of infinitive forms of the modern German language. Morphological features of the infinitive are considered through the prism of historical changes in the structure of the word in the German language. The authors pay special attention to the syntactic behavior of the infinitive. At the same time, the authors pay special attention to the multifunctionality of the infinitive, which is maximally identical to the nominal parts of speech. At the same time, the authors note the manifestation of the verb character of the infinitive in the ability to form a verb group. The methodological basis of the work is based on a systematic approach to the interpretation of linguistic phenomena in synchrony and diachrony. The theoretical basis of the research is the fundamental principles of general, comparative historical and Germanic linguistics. The comparative method and the method of distributive analysis were used to identify the functional potential of the infinitive and innovative

phenomena. The main conclusions of the study are to identify the complexity of interpreting syncretic units to which the infinitive belongs. It was found that during the development of the German language, the infinitive gradually entered its verbal system, losing nominal grammatical features, such as the case paradigm. At the same time, the infinitive acquired verbal signs, as a temporary and collateral meaning. A special contribution of the author is the conclusion that the dual nature of the infinitive, which determines its peripheral position, is the basis for expanding its functional potential, which contributes to the participation of the infinitive in the formation of new grammatical structures/forms. The novelty of the study lies in the identification of such a function of the infinitive as participation in the formation of verb groups, where maximum proximity with the final verb is manifested.

Keywords: syntactic roles, syncretism, case form of infinitive, structural division, theory of parts of speech, category of representation, infinitive construction, infinitive, verb group, infinitive group

References (transliterated)

1. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo / per. s frants. E. V. i T. V. Venttsel'. M.: URSS, 2001.
2. Belyaeva, N.V. Infinitiv: grammaticheskii status, spetsifika, problemy sintaksicheskogo razbora [Elektronnyi resurs] // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2018. № 3 (30). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/030-003.pdf>
3. Zhirmunkii V. M. Iстория немецкого языка. Серия История языков народов мира. M.: URSS. 2023.
4. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001.
5. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. M.: OOO "Izdatel'stvo Astrel'", OOO "Izdatel'stvo AST", 2001.
6. Smirnitskii A. N. Morfologiya angliiskogo yazyka. M.: URSS, 2019.
7. Stepanova M. D., Flyaisher V. Teoreticheskie osnovy slovoobrazovaniya v nemetskom yazyke. M.: Vyssh. shkola, 1984.
8. Frolova E. A. Lingvisticheskii status sintaksicheskoi konstruktsii s rasshcheplennym infinitivom v angliiskom yazyke / Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 6 (85). 2020. S. 679-682.
9. Braune W. Althochdeutsche Grammatik. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1955.
10. Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Bd. I. Strassburg: Trübner, 1893.
11. DUDEN: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von der Dudenredaktion, bearb. von P. Eisenberg. [6., neu bearb. Aufl.]. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2005.
12. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Groos, 2004.
13. Germanic Lexicon Project.
Texts. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/ohg_sievers_tatian_about.html
14. Grammis. Grammatisches Informationssystem. Infinitivkonstruktionen: <https://grammis.ids-mannheim.de/terminologie/909>
15. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, New York: Langenscheidt, Verl. Enzyklopädie,

2001.

16. Othlos Gebet. In: Althochdeutsche Lesebuch / Zusammengestellt und mit Wörterbuch. W. Braune (Red.), E.A. Ebbinghaus (Herausg.). Tübingen : Niemeyer. 1994. S. 80-81.
17. Paul H. Deutsche Grammatik. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag. Bd.2, T.III: Flexionslehre. 1958.
18. Poitou J. Zum Status des Infinitivs (reiner Infinitiv und zu-Infinitiv) // Der Infinitiv im Deutschen. J.F. Marillier, C.Rozier (Hg.). Tübingen: Stauffenburg, S. 31-46.

The discursive formation of British national identity: the lexical aspect

Vlasova Vlada Vladimirovna

Postgraduate student, Department of Theory and Practice of the Foreign Languages of the Institute of Foreign Languages; Assistant of the Department of Foreign Languages of the Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1142230126@pfur.ru

Abstract. British national identity has been in the zone of constant study by scientists for a long period of time, but after Brexit, interest in this topic has increased significantly. The British nation, especially the part of it that was on the side of the Eurosceptics, after Brexit was aimed at strengthening the British identity and completely destroying any influence of globalization on the British nation. But despite the expectations of the British, many scientists agree that the national British identity is still in crisis. Thus, the object of this research is the culture-bound lexical elements of the English-language political discourse of online mass media, and the purpose is to identify the current state of British national identity through the analysis of the words-realities of the British political discourse.

Current works (not older than five years) by Russian and foreign scientists in the fields of political discourse and national British identity form the methodological basis of the research. The analysis of the culture-bound lexical elements of English-language political discourse is carried out on the basis of online media texts for the period January–April 2024, which makes the study innovative and reflects the trends of modern linguistic science.

As a result of the study, it was revealed that the national British identity is in a state of crisis. Brexit and subsequent events gave the British nation hope for the ascent of national identity and the return of its former imperial greatness, but analyzing the current articles of British online publications on political topics, it becomes evident that international processes still prevail over the British identity.

The further perspective of the research lies in the field of studying the discursive formation of British identity from the point of view of syntactic, grammatical, and social aspects.

Keywords: English language, vocabulary, political discourse, culture-bound elements, online-magazine, British national identity, Brexit, Great Britain, national identity, discourse

References (transliterated)

1. Malkin S. G. Obrazovatel'naya politika i formirovanie britanskoi identichnosti na natsional'nykh okrainakh // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2021. №4 [Elektronnyi resurs] – DOI: 0.37313/2658-4816-2021-3-4-66-71 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
2. Kornienko O. Yu. Bazovye tsennosti Velikobritanii vchera i segodnya// Tsennosti i

- smysly. 2020. №5. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.24411/2071-6427-2020-10045 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
3. Ignatova E. S. Yazykovaya situatsiya v Velikobritanii kak otzhenie natsional'nogo samosoznaniya // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2019. №2. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.17516/2311-3499-053 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
 4. Tranter B., Donoghue J. (2021). Embodying Britishness: National identity in the United Kingdom. Nations and Nationalism. [Electronic recourse] – DOI: 10.1111/nana.12730 (date of application: 08.04.2024).
 5. Mosyagina M. S. Natsional'naya identichnost' kak antropotsentricheskii faktor angloyazychnogo mediadiskursa: dis. kand. filolog. nauk / M. S. Mosyagina. – Nizhnii Novgorod, 2022. – 189 s.
 6. Garsiya-Kaseles K., Malenkova A. A. Leksiko-kognitivnye osobennosti kontsepta Brexit / Breksit v kontekste sovremennoi angliiskogo i Evropeiskogo politdiskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. №9. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.37 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
 7. Atapin E. A. Vliyanie partii nezavisimosti Soedinennogo Korolevstva na angliiskiyu natsional'nyu identichnost' na sovremennom etape // Vestnik NVGU. 2022. №2. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.36906/2311-4444/22-2/01 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
 8. Kazakov I. V. Konstruirovaniye britanskoi natsional'noi identichnosti v kontekste Brekzita: evolyutsiya diskursa prem'er-ministrov Velikobritanii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2021. №1. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-109-118 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
 9. Gavrilko N. V. "Strakh" kak faktor dezintegratsii: kontseptual'noe osmyslenie britano-evropeiskikh otnoshenii v kontekste Brekzita // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. №2. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.7256/2454-0641.2023.2.41052 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
 10. Honeyman V. The Johnson factor: British national identity and Boris Johnson // British Politics. 2023. № 18. P. 40–59. DOI: 10.1057/s41293-022-00211-0
 11. Painter C. Reconstructing British identity: Formula One, Michael Schumacher and the British Press at the turn of the century // Language and Intercultural Communication. 2024. №2. R. 77-89, DOI: 10.1080/14708477.2023.2250751
 12. Ashcroft R. T., Bevir M. Brexit and the Myth of British National Identity // British Politics. 2021. №16. R. 117–132, DOI: 10.1057/s41293-021-00167-7
 13. Record O., Edverton F. British nationalism in the era of integration // International Tax and Public Finance. 2022. №1. S. 139-145.
 14. Mel'nichuk M. V., Starodubtseva E. A. Ispol'zovanie yazyka kak instrumenta upravleniya obshchestvom (opyt zarubezhnykh stran) // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. №6. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
 15. Matytsina M. S. Dinamika razvitiya angloyazychnogo immigratsionnogo diskursa: dis. dok. filolog. nauk / M. S. Matytsina. – Belgorod, 2020. – 340 s.
 16. Shekhovtsova E. E. Latinskie vyrazheniya v diskurse politikov Velikobritanii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. №1. S. 120-126.
 17. Abrahamyan S., Banshchikova M. Peculiarities of Argumentative Strategies of Modern English Political Discourse // Functional Approach to Professional Discourse Exploration

- in Linguistics/ E. Malyuga. Singapore: Springer, 2020. Pp. 165-198.
18. Aleshina E. Yu., Golova D. D. Britanskaya politicheskaya ritorika v rakurse kul'turospetsifichnosti // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 4. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.46539/gmd.v5i4.426 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
19. Elizar'eva M. A., Nagumanova V. A., Chigasheva M. A., Goncharova N. A. Demonstratsiya natsional'noi identichnosti politika pri pomoshchi kul'turno-markirovannoi leksiki // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorya, pedagogika, filologiya. 2023. № 3. [Elektronnyi resurs] – DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-3-195-204 (data obrashcheniya: 08.04.2024).
20. Kul'turno-markirovannaya leksika politicheskogo diskursa Germanii : monografiya / M. A. Chigasheva, M. A. Elizar'eva, T. S. Larina, A. P. Kryachkova; pod redaktsiei V. A. Nagumanovoi; Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (universitet) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii, kafedra nemetskogo yazyka. – Moskva: MGIMO-Universitet, 2021. – 203 s.
21. Wilson Ch. Addicted to hunting lodges, horses and endless parties, the free-spending Queen Mother was entangled in the honours-selling scandal of the century-but got clean away when her crooked friend was (helpfully) banished to France! // Daily Mail. 12.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13266831/Endless-parties-Queen-Mother-crooked-friend.html> (data obrashcheniya: 14.04.2024).
22. Cox M. King Charles' little known role in William and Kate's wedding revealed as close bond with Princess of Wales is strengthened through their respective battles with cancer // Daily Mail. 07.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: https://www.dailymail.co.uk/femail/article-13272597/King-Charles-little-known-role-William-Kates.html?ico=topics_pagination_desktop (data obrashcheniya: 07.04.2024).
23. Rajeev S. Sunak welcomes Kagame to No 10 as Rwanda scheme hits fresh snags // The Guardian. 09.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/apr/09/sunak-welcomes-kagame-to-no-10-as-rwanda-scheme-hits-fresh-snags> (data obrashcheniya: 09.04.2024).
24. Starmer K. KEIR STARMER: My commitment to the UK's nuclear deterrent is... Unshakeable. Absolute. Total // Daily Mail. 11.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-13299023/KEIR-STARMER-commitment-UKs-nuclear-deterrent-Unshakeable-Absolute-Total.html> (data obrashcheniya: 11.04.2024).
25. Wilcock D. New Irish premier Simon Harris says relationship with UK is 'a lot better' than a year ago thanks to new Brexit agreement // Daily Mail. 15.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13310103/New-Irish-premier-Simon-Harris-says-relationship-UK-lot-better.html> (data obrashcheniya: 15.04.2024).
26. Topping A. Michael Gove admits to 'moral cowardice' during Brexit campaign // The Guardian. 05.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2024/apr/05/michael-gove-moral-cowardice-brexit-campaign> (data obrashcheniya: 05.04.2024).
27. Jewers Ch. Communist Vietnam's secret death penalty conveyor belt: How country trails only China and Iran for its 'astonishing' number of executions with prisoners dragged from cells at 4am without warning to be given a lethal injection // Daily Mail. 12.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13297639/Communist-Vietnams-secret-death-penalty-conveyor-belt-country-trails-China-Iran-astonishing-number-executions-prisoners-dragged-cells-4am-without-warning-given-lethal-injection.html> (data obrashcheniya: 12.04.2024)

28. Helm T. Brexit has made the UK a lower-status nation, says David Miliband // The Guardian. 07.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2024/apr/07/brexit-has-made-the-uk-a-lower-status-nation-says-david-miliband> (data obrashcheniya: 07.04.2024).
29. Parashar A., Salvoni E., Davies E. J. Israel describes Iran's 350-missile attack as a 'declaration of war' and vows more 'offensive and defensive action' as G7 leaders including Rishi Sunak 'stand ready to take further measures'-but the US WON'T join any retaliation // Daily Mail. 15.04.2024 [Elektronnyi resurs] – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13307411/Israel-vows-offensive-defensive-action-Iran-launched-350-missile-attack.html> (data obrashcheniya: 15.04.2024)

The Chekhov Digital project: semantic markup of a parallel corpus of translations of Chekhov's fiction into German

Severina Elena Mikhailovna

Doctor of Philosophy

Professor, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University

344006, Russia, Rostov-On-Don, lane University, 93

 emkovalenko@sfedu.ru

Fyodorov Nikita Aleksandrovich

Master's degree, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University

344006, Russia, Rostov-On-Don, lane University, 93

 nfyodorov@sfedu.ru

Abstract. The article discusses the issues of developing the principles of a semantically marked parallel corpus of translations of Chekhov's fiction into German within the framework of the Chekhov Digital project, a digital academic publication of the writer's collected works in TEI (Text Encoding Initiative) format. The parallel corpus project is focused on creating a digital infrastructure for studying the writer's works, allowing researchers to analyze and compare original texts with their translations. Difficulties were identified related to the interpretation of significant elements of the writer's works, the specifics of their translation into German and the semantic markup of translations of fiction, for example, difficulties arose with defining the boundaries and relationships between the elements of semantic markup. Ways to overcome them are proposed, including the use of digital methods and natural language processing technologies. The project uses digital methods and technologies of natural language processing, the standard of digital publication Text Encoding Initiative (TEI). The text markup structure based on the TEI standard makes documents machine-readable, which allows to develop tools for complex semantic information retrieval. The inclusion in the Chekhov Digital project of parallel corpora of translations of A. P. Chekhov's works into different languages makes it possible to expand research tools in the field of translation studies, making it possible to compare texts of translations and originals, detect similarities and differences in vocabulary, grammar, style and cultural references, as well as automate routine research processes, which makes search and analysis much more effective information on large volumes of texts. The results of the project will contribute to the development of the digital humanitarian environment, contributing to the preservation and popularization of the literary heritage of A.P. Chekhov. The creation of a semantically marked parallel corpus of translations will be important for literary critics, linguists and translators, allowing them to

study the specifics of translations of Chekhov's works and develop new forms of text analysis and interpretation. The experience gained during the project will be valuable for future research and practical applications, demonstrating the effectiveness of digital technologies in humanitarian research and education.

Keywords: Natural Language Processing, Digital Technologies, Semantic Search, Machine-readable Markup, Text Encoding Initiative, Parallel Corpora, Chekhov, Digital Edition, Chekhov Digital project, Parsing

References (transliterated)

1. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1974-1983.
2. TEI Consortium, eds. TEI P5: Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange. Version 4.7.0. Last updated on 16th November 2023. TEI Consorti-um. URL: <http://www.tei-c.org/Guidelines/P5/> (data obrashcheniya: 24.03.2024).
3. Wikidata // URL: https://www.wikidata.org/wiki/Wikidata:Main_Page (data obrashcheniya: 10.04.2024).
4. Severina E. M., Bonch-Osmolovskaya A. A., Kudin A. M. Tsifrovye filologicheskie praktiki: proekt "Chekhov Digital" // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2022. №2. S. 153-165.
5. Dobrovolskii D. O., Kretov A. A., Sharov S. A. Korpus parallel'nykh tekstov: arkhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003-2005. M.: Indrik, 2005, 263-296.
6. Kalinina E. E. Ramochnaya konstruktsiya predlozheniya kak rezul'tat genezisa poryadka slov indoevropeiskikh yazykov // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2017. №5-1 (59). S. 141-143.
7. Severina E.M., Larionova M.Ch. Novye filologicheskie praktiki: semanticheskoe izdanie tekstov A. P. Chekhova // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2020. № 10. S.13-21. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.10.33970 URL: https://enotabene.ru/fmag/article_33970.html
8. Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/> (data obrashcheniya 10.04.2024).
9. Chekhov Digital. Semanticheskoe izdanie tekstov A. P. Chekhova. URL: <https://chekhov-digital.sfedu.ru/> (data obrashcheniya: 10.04.2024).
10. Tschechow Anton Pawlowitsch Gesammelte Erzählungen: Geschichten in Grau + Kleine Erzählungen + Lustige Geschichten + Von Frauen und Kindern + Duell... // Sharp Ink Publishing. 2023.
11. Eder M. Rolling stylometry //Digital Scholarship in the Humanities. 2016. 31(3). P. 457-469.
12. Fedorov N. A. Proekt Chekhov Digital: stilometricheskii analiz tekstov perevoda rasskazov A.P. Chekhova na nemetskii yazyk // Innovatsii v nauke i transformatsiya paradigmy sovremenennogo obrazovaniya: sbornik nauchnykh trudov. Kazan': OOO "SANTREM", 2024. S. 147-150.
13. Men'shikov Ya. S. Preimushchestva avtomaticheskogo sbora dannykh v seti internet nad ruchnym sborom dannykh // Universum: tekhnicheskie nauki. 2022. №10-1 (103). S. 33-36.
14. ENI «Chekhov» / FEB. URL: <https://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp> (data obrashcheniya 10.04.2024).

obrashcheniya 10.04.2024).

The image of a rebel writer (based on the novels "The Revolt of Denis Bushuev" by S. S. Maksimov and "The Revolt of the Sunflower" by L.D. Rzhevsky)

Konovalov Andrei

PhD in Philology

Associate Professor, Russian Literature Department, Moscow State Pedagogical University

119435, Russia, Moscow, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1, room 303

 aa.konovalov@mpgu.su

Petrova Anastasiia

Postgraduate student, Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University

121108, Russia, Moscow, Moscow, Kastanaevskaya str., 45 k.1, sq. 65

 nroslavceva@gmail.com

Abstract. The article examines the image of the writer in the novels "The Sunflower Rebellion" by Leonid Rzhevsky and "The Rebellion of Denis Bushuev" by Sergei Maksimov. The subject of the study is the poetics of the image of the writer in the works of major writers of the second wave of Russian emigration. Russian literature is based on the general problems of the novels, the similarity of the destinies of the main characters and the authors belonging to one direction of Russian literature of the XX century – the second wave of Russian emigration. Using the example of the fate of an emigrant writer and a writer of the metropolis, the uprising against the ideological restrictions dictated by the political regime is considered. Special attention is paid to the literary tradition of depicting the hero-creator at the beginning of the 20th century, as well as autobiographical and historical facts that influenced the transformation of the image in question in the work of second-wave emigrants. The methodological basis of the study is an integrated approach that includes biographical, historical, typological and comparative methods. The author's attention is focused on the conflict "artist-power", which is at the center of the novels "The Revolt of Denis Bushuev" and "The Revolt of the Sunflower". The novelty of the study is due to the introduction of previously little-studied material, and for the first time a comparative analysis of novels authored by representatives of the second wave of emigration is presented. As a result of the analysis, the following typological similarities were revealed in the depiction of hero-artists by S.S. Maksimov and L.D. Rzhevsky: the personal experience of the authors lies at the heart of the images of rebellious hero-creators; the main conflict of both works is the aggravation of contradictions between the writer and the authorities; this conflict underlies the creativity of the majority of emigrants of the second wave. Russian literature also proved that the depiction of the literary hero in the works of the second wave of Russian emigration continues the tradition of classical Russian literature in depicting the conflict between the artist and power, but emigrant creativity interprets it in a tragic way.

Keywords: artist and power, writer's image, autobiographical hero, creator hero, writer hero, S.S.Maksimov, L.D.Rzhevsky, second wave of emigration, literature of emigration, politics and art

References (transliterated)

1. Agenosov V. V. Literatura "vtoroi volny" russkoi emigratsii // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyi zhurnal. 1996. №4. S. 136-154.
2. Babicheva M. E. Na chuzhbine pisali o Rodine: proza vtoroi volny russkoi emigratsii: bibliograficheskie ocherki; Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka, Nauchno-issledovatel'skii otdel bibliografii. – Moskva: Pashkov dom, 2020. – 590 s.
3. Antoshin A.V. Russkoe zarubezh'e posle vtoroi mirovoi voiny: v poiskakh konsolidiruyushchei idei // RSM. 2021. №1 (110). S 20-30.
4. Konovalov A. A. Tvorcheskii put' L. D. Rzhevskogo (Surazhevskogo). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – M.: 2000. – 329 s.
5. Agenosov V. V. Bunt Sergeya Maksimova // Vestnik RAEN. 2014. № 4. S. 102-105.
6. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / sost. S. G. Bocharov, primech. S. S. Averintsev, S. G. Bocharov. M.: Iskusstvo, 1979. – S. 7-181.
7. Vinogradov V. V. Poetika russkoi literatury: izbrannye trudy / red.: M. P. Alekseev, A. P. Chudakov; Akad. nauk SSSR, Otd-nie lit. i yaz. M.: Nauka, 1976. – 511 s.
8. Solganik G. Ya. Obraz avtora // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie / Sibirskaa federal'nyi universitet; Pod redaktsiei A. P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: Sibirskaa federal'nyi universitet, 2014. – S. 343-344.
9. Babicheva M.E. Russkie pisateli v emigratsii: tvorcheskii put' S. S. Maksimova. *Observatoriya kul'tury*. 2016; 13(6): S. 712-719.
10. Bukareva N.Yu. Tema vzaimootnoshenii khudozhnika i vlasti v dilogii Sergeya Maksimova «Denis Bushuev» i «Bunt Denisa Bushueva» // Mir russkogovoryashchikh stran. 2021. №1 (7). S. 62-72.
11. Rzhevskii L. D. Bunt podsolnechnika (Roman). Ermitazh, 1981. – 235 s.
12. Maksimov S. S. Bunt Denisa Bushueva / Sergei Maksimov. – N'yu-Iork: Izd-vo im. Chekhova, 1956. – 404 s.

Parameters of antecedent – possessive postcopular anaphor correlation: the case of definiteness effect

Dolmatova Olesya Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Pyatigorsk State University

357500, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Avenue, 9, room 225

✉ olena.dolmatova2012@mail.ru

Akselrood Deana Aronovna

PhD in Philology

Professor, Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Pyatigorsk State University'

357500, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Avenue, 9, room 225

✉ deaxel@mail.ru

Brodskaya Mariya Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Oriental Languages and Cultures, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Pyatigorsk State University'

357500, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Avenue, 9, room 302

✉ mashuchok@gmail.com

Abstract. The paper aims at finding correlation between possessive postcopular anaphor in English existential there-sentences and its antecedent. English there-sentences provide a site for the phenomenon known as definiteness effect, one of the most controversial and still not fully resolved issues in linguistics today. The current state of this problem determines the relevance of this article. The subject of the study is the relationship of possessive postcopular noun phrases and their antecedents. So, the features of the definiteness effect are studied in terms of anaphor - antecedent distance. The purpose of the work is to establish some possible patterns of mutual arrangement of these units. The corresponding tasks are the following: collecting data that satisfy the input conditions; identifying the antecedents of a possessive anaphor; establishing the distance between the anaphor and the antecedent. The British National Corpus is the source for the research material. The novelty of the study lies in the very formulation of the problem, which has not been previously raised in the scientific literature, as well as in the results obtained. The findings are the following: the authors have identified certain types of antecedents united in enlarged groups, namely, explicitly expressed antecedents and antecedents without verbal embodiment. The detected distance between antecedents and their possessive anaphors is fixed as minimal, within the framework of neighbouring sentences, in some cases tending to zero value. A correlation is found between the type of antecedent, its location and distance from the possessive anaphor. The authors assume that such distance may serve as an additional licensing stipulation ensuring the admission of possessive noun phrases to the postcopular position of English existential sentences.

Keywords: postcopular noun phrases, possessive noun phrases, existential sentences, antecedent, anaphor, definiteness, noun phrase, definiteness effect, determiners, referential choice

References (transliterated)

1. Milsark G. Toward an explanation of certain peculiarities of the existential construction in English // Linguistic Analysis. 1977. № 3. Pp. 1-29.
2. Rando E., Napoli, D. Definites in there-sentences // Language. 1978. № 54 (2). Pp. 300-313.
3. Abbot B. Definiteness, existentials, and the list interpretation // SALT II: Proceedings of the Second Conference on Semantics and Linguistic Theory, Columbus, USA, 1992. P. 1-16.
4. Abbott B. A pragmatic account of the definiteness effect in existential sentences // Journal of Pragmatics. 1993. № 19. Pp. 39-55.
5. Abbott B. Definiteness and indefiniteness // Handbook of Pragmatics. Oxford: Blackwell, 2004. P. 122-150.
6. Abbott B. The indefiniteness of definiteness // Frames and Concept Types: Applications in Language and Philosophy. New York: Springer, 2014. P. 323-431.
7. Aksel'rud D. A. O funktsionirovaniyu opredelennykh i neopredelennykh deskriptsiy v angliiskom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 10-

- 2(64). S. 61-64.
8. Francez I. Existential propositions, Ph.D. Thesis. Stanford: Stanford University, 2007.
 9. McNally L. Existential sentences cross-linguistically: variations in form and meaning // Annual Review of Linguistics. 2016. № 2. Pp. 211-231.
 10. Bassaganyas T., McNally L. There be-and have-sentences: Different semantics, different definiteness effects // The Linguistic Review. 2020. № 37 (2). Pp. 179-208.
 11. Kiss K.E. Definiteness effect in the PP // Linguistic Inquiry. 2023. № 54 (3). Pp. 625-648.
 12. Bentley D. Subject canonicality and definiteness effects in Romance there-sentences // Language. 2013. № 89. Pp. 675-712.
 13. Kagan O. The definiteness effect in Russian existential and possessives sentences // Approaches to predicative possession. London: Bloomsbury Academic, 2020. P. 61-79.
 14. Mikkelsen L. Reanalyzing the definiteness effect: evidence from Danish // Working Papers in Scandinavian Syntax. 2002. № 69. Pp. 1-75.
 15. Norris M. Extraposition and definiteness effects in Icelandic DPs // Morphology at Santa Cruz: Papers in Honor of Jorge Hankamer. Santa Cruz: Linguistics Research Center, 2011. P. 97-121.
 16. Paducheva E. Definiteness effect: the case of Russian // Reference and anaphoric relations. Dordrecht: Kluwer, 2003. P. 133-146.
 17. Rodriguez-Mondonedo M. A. Restriction on the definiteness effect in Spanish // NELS 37. 2007. Amherst: GLSA. P. 161-171.
 18. Villalba X. Definiteness effect, pronouns and information structure in Catalan existential // Definiteness Effects: Bilingual, Typological and Diachronic Variation. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 175-212.
 19. Dolmatova O. V. O chastnom sluchae effekta opredelennosti: usloviya dopuska kvantifikatora every ('kazhdyi') v postkopulyarnuyu imennuyu gruppu angliiskoi ekzistentsial'noi konstruktsii // Nauchnyi dialog. 2019. № 10. S. 110-127.
 20. Dolmatova O. V. Semantika angliiskikh determinativov i effekt opredelennosti. Pyatigorsk: Pyatigorskii gosudarstvennyi universitet, 2021.
 21. Dolmatova O. V., Getmanskaya M. Y., Razduyev A. V. English possessives and the definiteness effect in there-sentences: a corpus-based study. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. № 8 (4). Pp. 90-104.
 22. Ariel M. Accessing Noun-Phrase Antecedents. London: Routledge, 2014.
 23. Kibrik A. A. Reference in Discourse Oxford: Oxford University Press, 2011.
 24. Mel'nik O. G. Uzakatel'nye imennye gruppy v angliiskom khudozhestvennom narrative // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2021. № 69. S. 122-141.

The usage of a song discourse as a source for precedent names during English lessons (based on «We Didn't Start the Fire»)

Zyryanova Irina Petrovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg)

622030, Russia, Sverdlovsk region, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57, office 308

✉ zyryanovairena@gmail.com

✉ I'lna Anastasiya Andreevna

Lecturer at the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute, branch of the Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg)

622030, Russia, Sverdlovsk region, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57, office 308

✉ ivolga.99@yandex.ru

Abstract. The subject of this article deals with precedent names found in the English song discourse and the way they can be taught at English lessons. The methodology of the study is based on the discourse theory, the theory of precedent phenomena, cognitive theory and the theory of song discourse. As part of the study, a set of methods was used: continuous sampling, statistical and typological data processing, comparative and descriptive methods, and a discourse analysis method. The novelty of this research lies in the development of exercises for practicing the precedent names found during the research within the framework of English lessons. The article describes sample tasks for three stages of working with text: pre-text stage, text stage and post-text stage. The practical significance of this work lies in the possibility of its using while teaching the foreign language, intercultural communication, linguoculturology, stylistics, cognitive linguistics. The value of using this composition also lies in phonetic practice, since very often the pronunciation of proper names in a foreign language does not coincide with the pronunciation of the same realities in the native language. In addition, working with this composition also develops listening skills, since students need to understand the meaning of the composition by ear, and in this case it is quite difficult to do this, since to fully understand the meaning of the composition it will not be enough to add up the meaning of each word, it is necessary to have background knowledge in order to understand what the author had in mind when creating this composition. The implementation of the proposed methodology for using precedent units allows to broaden the horizons of students, introduce them to the linguocultural base of the English language, which helps them to understand authentic texts correctly.

Keywords: discourse, song, cognitive linguistics, precedence, teaching methods, precedent name, precedent phenomenon, song discourse, lingvocognitive base, proper name

References (transliterated)

1. Karasik, V. I. O kategoriyakh lingvokul'turologii // Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoi deyatel'nosti / Pod red. N.A. Krasavskogo. Volgograd: Peremena, 2001. S. 2-16.
2. Passov E. I. Obuchenie obshcheniyu na inostrannom yazyke. Voronezh: NOU "Interlingva", 2002.
3. Gudkov D. B. Precedentnye fenomeny v tekstakh politicheskogo diskursa // Yazyk sredstv massovoi informatsii / Pod red. N.N. Troshina. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 2008. № 29. S. 141-161.
4. Slyshkin G. G. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). Moskva: Vodolei Publishers, 2004.
5. Krasnykh V. V. Etnopsikhologistika i lingvokul'turologiya: Lekts. kurs. Moskva: Gnozis, 2002.
6. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa M. ITDGK «Gnris», 2003.
7. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004.

8. Chernyavskaya V. E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanii // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa. SPb: Izdatel'stvo SPbGUEF, 2001. S. 11-12.
9. Chudinov A. P. Intertekstual'nost' politicheskogo teksta // Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva. Vyp. 10. Ekaterinburg: UrGPU, 2003. S. 27-34.
10. Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2004.
11. Helgorsky F. Norme et Histoire // Le francais moderne, 1982. N1, PP 15-41.
12. Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
13. Sedov K. F. Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoi kompetentsii. M. Labirint, 2004.
14. Arutyunova N. D. Diskurs. BES. Yazykoznanie. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. S. 136-137.
15. Dunyasheva L. G. Pesennyi diskurs kak ob'ekt izucheniya lingvo-kul'turologii // Aktual'nye problemy romanskikh yazykov i sovremennoye metodiki ikh prepodavaniya / Pod red. V.N. Vasil'eva. – Kazan': Vestfalika, 2015. S. 190-197.
16. Kobzev A. A. Rol' realii v pesennom disourse (na materiale tekstov angloyazychnykh rok-ispolnitelei) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2020. № 13(7). S. 185-188.
17. Plotnitskii Yu.E. Angloyazychnyi pesennyi diskurs v kontekste obshchestvennoi zhizni // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya, 2023. T. 42, № 2. S. 377-383.
18. Leeuwen van T. The critical analysis of musical discourse // Critical Discourse Studies, 2012. Vol. 9, p. 319-328.
19. Murphey T. The discourse of pop songs // TESOL Quarterly, 1992. Vol. 26, N4, p. 770-774.

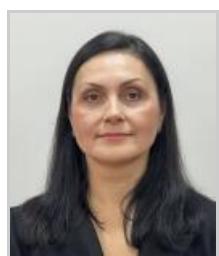
Modal specificity of Russian verbs of "thinking" and "to think" with the prefix y-

Bavula Yuliya Ivanovna

Lecturer of the Russian language, Admiral F. F. Ushakov Baltic Higher Naval School

82 Sovetsky Prospekt str., Kaliningrad, Kaliningrad region, 236022, Russia

 bavula07@mail.ru

Abstract. The article examines the verbs included in the structure of the semantic field of thinking, namely the basic verbs to think and thinking, complicated by the prefix y-, based on the material of Russian texts of different genres. The subject of the study is the following values of situational modality (the so-called semantic X) - the invariant value of desirability, as well as the value of the opportunity realized by derivatives to conceive, to think in the process of communication. The purpose of the work is to reveal the specifics and conditions of the modal functioning of these verbs. Achieving this goal is facilitated by solving the following tasks: 1) to identify the modal meanings realized by the considered derivatives; 2) to determine the conditions of their modal functioning within the framework of the utterance; 3) to identify the role of the nominatively independent word-formation with formant y- in the process of creating the modal, modal-evaluative meanings of the corresponding derivatives. The goals and objectives of this work determined the choice of a comprehensive research

methodology, including the following methods: functional-semantic, descriptive, contextual. The scientific novelty of the article is determined by the subject of the study. As a result of the conducted research, it is concluded that the verbs of thinking, to think with the formant *y-* are able to realize the modal meanings of possibility, desirability (which is a condition for the realization of opportunity), associated mainly with intentions that contradict the moral, ethical, social norms of society. The analysis of the texts made it possible to determine the lexical and grammatical basis of the modal functioning of the verbs of thinking, complicated by the prefix *y-*, in the semantics of which the modal component is implicitly contained, to establish syntactic conditions for the realization of the meanings of situational modality, i.e. the presence of a dependent subject semantically unlimited infinitive in the verb. The reinforcing role of the service formant is determined for the formation of the modal meaning of the derivatives to think, to conceive as an independent (autonomous) significant unit, in the meaning of which the *seme* "bringing to an undesirable state" is explicitly expressed, as well as the pejorative *seme* "to commit something bad, criminal, reprehensible (to the detriment of someone)".

The materials of the article can be used at seminars and practical classes of the university on topical issues of the category of linguistic modality.

Keywords: modal-estimated value, pejorative *sema*, the seed of undesirability, the value of the opportunity, the value of desirability, modal value, prefix *y-*, situational modality, verbs of thinking, negativization

References (transliterated)

1. Bavula, Yu. I. Realizatsiya modal'nogo potentsiala drevnerusskikh glagolov myshleniya v sovremenном русском языке / Yu. I. Bavula, S.S. Vaulina // Ekologiya языка и речи: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Tambov, 08-09 dekabrya 2022 goda / Nauch. redaktor A. L. Sharandin, otv. za vypusk T. A. D'yakova. – Tambov: Izdatel'skii dom «Derzhavinskii», 2023. – S. 35-39.
2. Vasil'ev, L. M. Semanticheskie klassy russkogo glagola: Glagoly chuvstva, mysli, rechi i povedeniya: dis. ... d-ra filol. / L. M. Vasil'ev. – Ufa, 1970. – 661 s.
3. Vasil'ev, L. M. Semantika russkogo glagola / L. M. Vasil'ev. – Moskva: Nauka, 1981. – 184 s.
4. Vasil'ev, L. M. Teoreticheskie problemy obshchei lingvistiki, slavistiki: sb. izbr. st. / L. M. Vasil'ev. – Ufa: RIO BashGU, 2006, s. 387. – 574 s.
5. Vaulina, S. S. Evolyutsiya sredstv vyrazheniya modal'nosti v russkom языке (XI-XVII vv.): monografiya / S. S. Vaulina. – Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1988. – 143 s.
6. Vaulina, S. S. Kommunikativnyi potentsial modal'nosti v diakhronii i sinkhronii russkogo языка / S. S. Vaulina. – Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2018. – 206 s.
7. Vaulina, S. S. Modal'nost'. Kommunikatsiya. Tekst: sb. nauch. tr. / pod red. prof. S. S. Vaulinoi. – Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2021. – 329 s.
8. Gaisina, R. M. K semanticeskoi tipologii glagolov russkogo языка / R. M. Gaisina // Semanticheskie klassy russkikh glagolov. – Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Sverdlovsk, 1982. S. 15-21.
9. Glinka, E. V. Sistema glagolov vospriyatiya, myshleniya i govoreniya (na materiale istoricheskikh slovarei russkogo языка): dis. ... kand. filol. nauk. / E. V. Glinka. – Bryansk, 2003. – 264 s.
10. Gudnov, R. N. Sinonimicheskie ryady glagolov intellektual'noi deyatel'nosti v

- sovremennom russkom yazyke (funktional'no-semanticeskii aspekt):. dis. ... kand. filol. nauk / R. N. Gudnov. – Sankt-Peterburg, 2013. – 162 s.
11. Dal', V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: V 4 t. / V. I. Dal'. – Moskva, 1955.
 12. Dronova, L. P. *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenochnoi leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskii aspekt* / L. P. Dronova. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2006. – 256 s.
 13. Egorova, O. M. *Modal'nye glagoly nemetskogo yazyka kak grammaticheskie pretsedentnye edinitsy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. M. Egorova*. – Nizhnii Novgorod, 2017. – 21 s.
 14. Efremova, T. F. *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo yazyka* / T. F. Efremova. – 2-e izd., ispr. – Moskva: AST : Astrel', 2005. – 640 s.
 15. Karpov, V. A. *Yazyk kak sistema* / V. A. Karpov. – Minsk: Vysheishaya shkola, 1992. – 302 s.
 16. Kolshanskii, G. V. *Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* / G. V. Kolshanskii. – Moskva: URSS, 2005. – 120 s.
 17. Kosova, V. A. *Prefiksal'noe voploshchenie russkoi glagol'noi semantiki: potentsial slovoobrazovatel'noi kategorii «kauzatsiya sostoyaniya»* / Dinamicheskie aspekty russkogo slovoobrazovaniya /V. A. Kosova, O. Yu. Kryuchkova, L. V. Balashova, O. I. Dmitrieva [i dr.]; pod red. O. I. Dmitrievoi, O. Yu. Kryuchkovo. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2021. S. 170-202.
 18. Kryuchkova, O. Yu. *Dynamicheskie tendentsii v oblasti russkoi slovoobrazovatel'noi derivatsii i metodicheskie printsipy izucheniya pravil slovoproizvodstva* / Dynamicheskie aspekty russkogo slovoobrazovaniya /O. Yu. Kryuchkova L. V. Balashova, O. I. Dmitrieva [i dr.]; pod red. O. I. Dmitrievoi, O. Yu. Kryuchkovo. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2021. S. 6-31.
 19. Lebedeva, N. B. *Polisituativnyi analiz glagol'noi leksiki* / N. B. Lebedeva. – Moskva: LIBROKOM, 2010, 192 s.
 20. Leskina, S. V. *Kategoriya peiorativnosti v russkom i angliiskom yazykakh v aspekte lingvokulturologicheskogo sopostavleniya (na materiale frazeologicheskikh edinits)*: avtoref. dokt. fil. n. / S. V. Leskina. – Chelyabinsk: 2010, 44 s.
 21. Lopatin, V. V. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennoi russkogo yazyka* / V. V. Lopatin, I. S. Ulukhanov – Moskva: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2016. – 812 s.
 22. Moroslin, P. V. *Semanticheskaya struktura glagolov myshleniya i ikh funktsiya v tekste (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)*: dis. ... kand. filol. nauk / P. V. Moroslin. – Moskva: 2001, 209 s.
 23. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. 2003–2022. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 01.02.2024).
 24. Preobrazhenskii, A. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* v 2 t. / A. Preobrazhenskii. – Moskva: 1910–1914, 1246 s.
 25. Russkaya grammatika. V 2 t. Moskva: Nauka, 1980. T. 1.
 26. Satina, T. V. *Modal'nost' kak universal'naya kategoriya semantiki* / T. V. Satina // *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2023. № 1. S. 46-51.
 27. *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 19. *Mutasit'sya – Nakuchit'*. Leningrad: Nauka, 1983, 360 s.
 28. *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 46. *Tychak – Uzholya*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2013, 350 s.

29. Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 47. Uzhom – Uros. Sankt-Peterburg: Nauka, 2014, 354 s.
30. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Moskva: Nauka. Vyp. 1 – 12. 1975–1987.
31. Slovar' russkogo yazyka v 4 t. / Pod. red. A. P. Evgen'evoi. Moskva: Russkii yazyk, 1981–1984.
32. Slovar' sinonimov russkogo yazyka v 2-kh t. – Pod. red. A. P. Evgen'evoi. Moskva: Astrel'. AST. Tranzitkniga. 2003, 680 s.
33. Sreznevskii, I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym istochnikam. [Elektronnyi resurs] / I. I. Sreznevskii. – Rezhim dostupa: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (Data obrashcheniya: 01.02.2024 g.)
34. Sukhorukova, Yu. A. Funktsional'nye osobennosti glagolov i glagol'nykh prefiksov v russkom yazyke: korpusnoe issledovanie (na materiale glagolov s prefiksom pred-) / Yu. A. Sukhorukova // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2021. № 4 (216). S. 37–47.
35. Timoshenko, E. I. O funktsii pristavki v slovakh s modal'noi semantikoi (na materiale russkogo yazyka) / E. I. Timoshenko // Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny. № 1. 2013 <https://core.ac.uk/download/pdf/75998805.pdf>
36. Ulukhanov, I. S. Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennoogo russkogo yazyka. T. 2: Glagoly, motivirovannye glagolami / I. S. Ulukhanov. – Moskva: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2017, 516 s.
37. Fasmer, M. R. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / M. R. Fasmer. – Moskva: Progress, 1986–1987.
38. Chernykh, A. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar'. V 2 t. / A.Ya. Chernykh. – Moskva: Russkii yazyk, 1999.
39. Shanskii, N. M. Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu i leksikologii / N. M. Shanskii. – Moskva: 1959, 245 s.
40. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. N. M. Shanskogo: V 2 t. Moskva: 1963–1982.

The lexeme "normal" in Russian speech: a case study

Omelchenko Liliya Nikolaevna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Buryat State University

670000, Russia, Buryatia region, Ulan-Ude, Smolina str., 24 a, office 2208

✉ liliya03-67@mail.ru

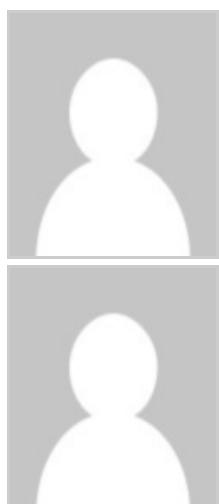
Bokhieva Marina Viktorovna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Buryat State University

670000, Russia, Buryatia region, Ulan-Ude, Smolina str., 24 a, office 2208

✉ marina.bohieva@yandex.ru

Zyryanova Elena Vasil'evna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Buryat State University

670049, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Smolina str., 24 a, office 2208

✉ lenkor75@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the lexeme "normal", a multidimensional analysis of which is carried out on the basis of data from the National Corpus of the Russian Language (NCRR), which includes more than 2 billion words, which makes it quite representative. The purpose of the work is to determine the composition of the homocomplex "normal" in modern Russian, to compare homonyms in semantic, syntagmatic, functional aspects. The relevance of the research undertaken is due to the fact that the lexicographic literature does not provide a complete description of all homonyms "normal". Thus, the predicative "normally" has remained outside the attention of lexicographers, although it is in this category that the pragmatic potential of the studied word is realized; in addition, cases of using the word in a discursive function have not been noted. This study was conducted on the basis of a concordance of 4055 texts with this lexeme, a large amount of material allowed us to draw conclusions about the quantitative and qualitative features of the functioning of this homocomplex. In accordance with this goal, descriptive, quantitative, statistical methods, as well as corpus analysis methods were used in the work. The methodological basis of the research was the works devoted to the problem of functional homonymy (V. V. Vinogradov, O. S. Akhmanova, V. V. Babaytseva, P. A. Lekant, etc.) and methods of corpus linguistics (O. N. Lyshevskaya, N. V. Pertsov, V. A. Plungyan, E. V. Rakhilina, D. V. Sichinava, etc.). The results The following provisions became the basis of the work: based on the data selected from the corpus, it is argued that the homocomplex "normally" unites a group of functional homonyms (adjective in short form; adverb; predicative (category of state); interjection), which differ in a set of morphological features, syntactic function, syntagmatic features, semantics expressed in speech. It is concluded that all these homonyms are active in modern Russian speech; they have pragmatic and stylistic features in different speech spheres. The first texts with the predicative "normally", as well as with the homonymous adverb, recorded in the NCRR, belong to the end of the XIX century; the use of "normally" as an interjection in a discursive function appears much later, in the 1980s. Statistical methods allowed us to determine the most frequent collocations with the lexeme "normally".

Keywords: pragmatics, semantics, discursive function, interjection, adverb, predicative, short adjective, homocomplex, functional homonyms, Russian National Corpus

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 896 s.
2. Akhmanova O.S. Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii / O. S. Akhmanova. M.: URSS, 2019. 296 s.
3. Babaitseva V. V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka / V. V. Babaitseva. M.: Drofa, 2000. 640 s.
4. Bychkova P. A., Rakhilina E. V., Slepak E. A. Diskursivnye formuly, polisemiya i zhestovoe markirovanie // Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova. 2019. №21. S. 256-284.
5. Vysotskaya I. V. Predikativizatsiya imen sushchestvitel'nykh v sovremenном russkom

- yazyke // Rech'. Rechevaya deyatel'nost'. Tekst: materialy Vserossiiskoi mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati prof. G. G. Infantovoi. Taganrog: Izdatel'stvo TGPI, 2012. S. 95-103.
6. Vysotskaya I. V. Morfologicheskii status i sintaksicheskie funktsii slova «nichego» // Russkii yazyk v shkole. 1992. № 2. S. 40-42.
 7. Egorova Yu. V., Trukhtanova E. V. Trudnosti perevoda: normal'no ili obychno? // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda. 2018. №2. S. 50-61.
 8. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo: materialy 1980-1990 gg.: Okolo 9 000 slov, 3 000 idiomaticeskikh vyrazhenii. M.: Russkie slovari, 2000. 694 s.
 9. Zaliznyak A. A. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva: Russkie slovari, 2003. 800 s.
 10. Lekant P. A. Leksema-omokompleks *raz*: formy, semantika, funktsii, ekspressiya v sovremenном russkom yazyke // Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost': sb. nauch. st. Moskva: MGOU, 2016. S. 231-238.
 11. Letuchii A. B. Predikativy v sisteme russkikh priznakovykh slov – narechii i prilagatel'nykh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2022. №76. S. 105-147.
 12. Loshchakova N. P. Ponyatie «kollokatsiya» v istorii traditsionnoi i korpusnoi lingvistiki // Gumanitarnye issledovaniya. 2021. №3 (79). S. 34-37.
 13. Lyashevskaya O. N., Plungyan V. A., Sichinava D. V. O morfologicheskem standarte Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003-2005. Rezul'taty i perspektivy. Moskva, 2005. S. 111-135.
 14. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka URL: www.ruscorpora.ru (18/03/2024).
 15. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa. 2-e izd., ispr. i dop. / E. V. Paducheva. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 480 s.
 16. Pertsov N. V. O roli korpusov v lingvisticheskikh issledovaniyakh // Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika – 2006». SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Izd-vo RKhGA, 2006. S. 318-331.
 17. Plungyan V. A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki / V. A. Plungyan // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. № 16 (2). S. 7-20.
 18. Politova I. N. Omokompleks vse v sovremennom russkom yazyke // Russkii yazyk i literatura: aktual'nye problemy teorii i praktiki prepodavaniya: sb. nauch.-metod. statei. Kolomna: GSGU, 2016. S. 54-61.
 19. Russkaya grammatika. T. 1 / gl. red. Yu. N. Shvedova. Moskva: Nauka, 1980. 783 s.
 20. Russkaya korpusnaya grammatika. URL: <http://rusgram.ru/> (18/03/2024).
 21. Sichinava D. V. Narechie // Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. M., 2011. S. 108-135.
 22. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; Pod red. A. P. Evgen'evi. – 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkii yazyk, 1981-1984. T. 2. K-O. 736 s.
 23. Sherstyanykh I. V. Omokompleks «nichego» i ego funktsii v sovremennom russkom yazyke // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. №1. S. 109-114.

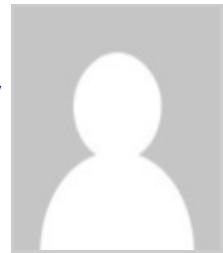
Argumentative geometry of the Chinese eight-part essay.

FENG YUNFEI

Postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University

11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russia

✉ 1279746232@qq.com

Abstract. The subject of the study is the linguistic and cultural features of the Chinese argumentation tradition. The object of the study is the elements of the logical structure of reasoning. The author examines such aspects of the topic as the differences between Eastern and Western models of argumentation and the prerequisites for the formation of the Chinese style of argumentation. Definitions of argumentation and related terms included in the range of concepts of argumentative discourse are given. In the aspect of this problem, the question of the relationship between the functional and semantic type of reasoning and argumentation is also highlighted. The author believes that argumentation is a more detailed development of reasoning based on ways of presenting facts, quotations, appealing to authority, emotions, expert opinion, and laws. In the social contexts of polemics, public discussions, Essenes, and science, the ability to argue is understood as an art. The author also notes that argumentation is a mental and predominantly verbal activity. Special attention is paid to the structure of classical Chinese literary argumentation. For analysis, the author turns to the scientific metaphor "geometry of argumentation". This facet of argumentation is a methodology for reconstructing argumentative discourse. According to this, a reconstruction method based on the identification of argumentation schemes is used. Argumentation schemes are generalized models of how an argument relates to a conclusion or thesis. The main conclusion of the work is that the structure of argumentation in the Chinese text differs from that in the generally accepted model of argumentation of the Western type. To substantiate this conclusion, the author considers S. Tulmin's model, which consists of six elements, believing that the elements of the model can be distinguished in the representative texts of the argumentation. Therefore, the essay can be considered as an explication of argumentation schemes. After that, the author proceeds to analyze the structure of the argumentation in the text of the "Essay on Eight Legs" (八股文), which consists of eight elements. The intermediate conclusion of the work is information about the positive and negative prescriptive aspects of using the eight-part essay scheme in an educational and professional context and in the context of application in less institutional discourses.

Keywords: argumentation schemes, Western culture, Chinese culture, Chinese language, models of argumentation, argumentation, thesis, logic, The eight-legged essay, Lunyu

References (transliterated)

1. Barebina N. S., Fan Ch. K voprosu o lingvokul'turnykh osobennostyakh vostochnoi modeli argumentatsii v politicheskoi ekologii // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2023. №10. S. 15–27.
2. Borzova E. P. Vostok i Zapad: srovnitel'nyi analiz kul'tur // TRUDY SPBGIK. 2010. vol. 190. S. 282–311.
3. Buzal'skaya E. V. Esse: k istorii stanovleniya zhanra // Mir russkogo slova. 2015. № 2. S. 36–41.
4. Vendina T. I. Vvedenie v yazykoznanie: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. Lyubertsy: Yurait, 2020. 333 s.
5. Krushinskii A. A. Logika «I Tszina» // Deduktsiya v drevnem Kitae. M.: Izdat. firma

- «Vost. lit.» RAN, 1999. 173 s.
6. Lisanyuk E. N. Logiko-kognitivnaya teoriya argumentatsii: avtoref. diss. ... dokt. filos. nauk: 09.00.07. / E. N. Lisanyuk. Moskva, 2016. 50 s.
 7. Madalimov T. A. Osnovnye cherty logiki drevnego Vostoka // "Science and Education" Scientific Journal. 2020. Volume 1. Issue 4. P. 236–241.
 8. Tu Tszin-i. Ekzamenatsionnoe esse po kitaiskomu yazyku: nekotorye literaturnye soobrazheniya // Monomenta Serica. 1974. 31 (1): 393-406. URL:10.1080/02549948.1974.11731106.
 9. 孔子. 论语. 江西:江西人民出版社. Konfutsii. Tszyansi: Narodnoe izdatel'stvo Tszyansi. 2016. 725 s.
 10. Defoort C. Argumentation and Persuasion in Ancient Chinese Texts –Introduction // Oriens Extremus. 2005. Vol. 45. P. 91–98. URL: <http://www.jstor.org/stable/24047642> (accessed 30.04.2024).
 11. Elman B. A. Civil Examinations and Meritocracy in Late Imperial China. Cambridge: Harvard University Press. 2013. 416 p.
 12. Garrett M. M. Language and Logic in China: A Guide for Argumentation Scholars // OSSA Conference Archive. 2001. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/ossaarchive> (accessed 30.04.2024).
 13. Gentz J. Defining Boundaries and Relations of Textual Units: Examples from the Literary Tool-Kit of Early Chinese Argumentation // Literary Forms of Argument in Early China; J. Gentz, D. Meyer (eds.). Sinica Leidensia. 2015. Volume: 123 P. 112–157. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004299702_006
 14. Plaks A. H. Beyond Parallelism: A Rethinking of Patterns of Coordination and Subordination in Chinese Expository Prose // Literary Forms of Argument in Early China; J. Gentz, D. Meyer (eds.). Sinica Leidensia, Volume: 123 P. 67–86. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004299702_004
 15. Reu W. D. A Ragbag of Odds and Ends? Argument Structure and Philosophical Coherence in Zhuangzi 26 // Literary Forms of Argument in Early China; J. Gentz, D. Meyer (eds.). Sinica Leidensia. 2015. Volume: 123 P. 243–296. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004299702_010
 16. Toulmin S. E. The Uses of Argument. Cambridge University Press. 2003. 262 p.
 17. Wagner R. G. A Building Block of Chinese Argumentation: Initial Fu 夫 as a Phrase Status Marker // Literary Forms of Argument in Early China / J. Gentz, D. Meyer (eds.). Sinica Leidensia. 2015. Volume: 123 P. 37–66. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004299702_003
 18. Willman M. D. Logic and Language in Early Chinese Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta, U. Nodelman (Eds.). Stanford University. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/chinese-logiclanguage/> (data obrashcheniya: 27.03.2024).

The archetypal versatility of the image of Becky Hildebrandt in the J. Franzen's novel "Crossroads"

Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages at Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology named after K.I. Skryabin

109472, Russia, Moscow, Ac. Skryabin's str., 23

✉ po-russki@list.ru

Abstract. The object of the study is the novel "Crossroads" by American writer Jonathan Franzen, which became widely known outside the United States and was translated into Russian in 2022. The object of the study is one of the female images of this novel - the image of Becky Hildebrandt, which combines a number of archetypal functions: a daughter in relation to parents Marion and Russ, a sister for brothers Clem and Perry, a bride for the young musician Tanner Evans. In the last chapters of the novel, Becky becomes a mother, thus passing through all the female family archetypal roles. Franzen's creative method, which tends to psychological realism, is focused on the specifics of the inner world of the characters, and it can be argued that the deep psychologism of his works is based on a consistent and systematic understanding of archetypal roles. The study of the heroine's image is carried out from the standpoint of an archetypal approach dating back to the works of C.G. Jung. The archetypal approach opens up to the researcher the opportunity to penetrate deeper into the psychological essence of a literary text. Female images, viewed from the point of view of reflecting archetypal features in them, appear in connection with other characters, and the gender-role specificity of their functioning becomes more visible. In the modern world, where the crisis of traditional values is clearly felt, a better understanding of the importance and complementarity of gender roles makes it possible to form moral supports leading both man and society in the direction of mental well-being. Archetypal analysis reveals one of the basic attitudes of the writer: a modern woman is forced to play several roles at once; the mixing of these roles, their instability inevitably lead to problematic situations in the life of not only the woman herself, but also her entire family.

Keywords: psychological realism, fairy tale, psychologism, creative method, a family novel, Jonathan Franzen, archetypal image, female image, literary image, archetypal analysis

References (transliterated)

1. Lyashenko T.M. Klassifikatsiya zhenskikh arkhetipicheskikh obrazov v khudozhestvennom tekste // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2022. №2. S. 54-65.
2. Franzen Dzh. Perekrestki: roman. Moskva: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2022. 656 s.
3. Franzen J. Crossroads. London, 4th Estate, 2021. 580 p.
4. Lyashenko T.M. Arkhetipicheskii podkhod kak metod analiza zhenskogo obraza v literaturnom tekste (na primere obraza Merion v romane Dzh. Franzena «Perekrestki») // Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo. №2-3, 2023. S. 42-50.
5. Vasil'ev V.K. Syuzhetnaya tipologiya russkoi literatury XI – XX vekov (arkhetipy russkoi kul'tury). Moskva: INFRA-M; Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2022. 259 s.
6. Propp V.Ya. Morfologiya volshebnoi skazki. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. – 256 s.
7. Chetwynd T. A Dictionary for Dreamers. Routledge, 2019. 258 p.
8. Yung K.G. Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe. Moskva: AST, 2019. 224 s.
9. Yung K.G. Ob arkhetipakh bessoznatel'nogo // Voprosy filosofii. Moskva: Nauka, 1988. №1. S. 132-152.

10. Yung K. G. Chelovek i ego simvoly. Sankt-Peterburg: B.S.K., 1996. 454 s.